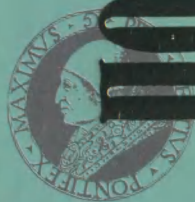

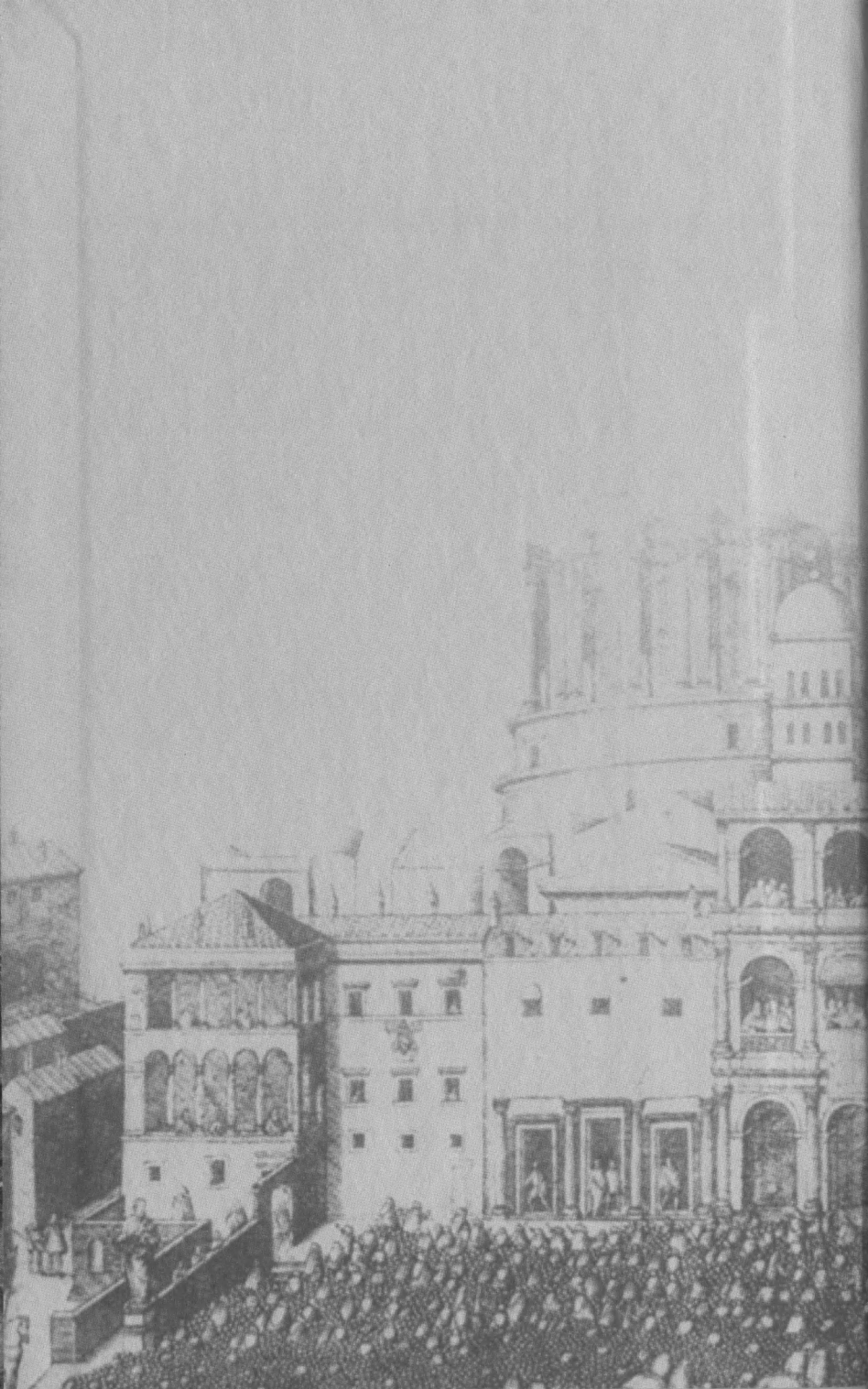
ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Жак Эрс

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ПАПСКОГО ДВОРА ВРЕМЕН БОРДЖИА И МЕДИЧИ • 1420—1520

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Жак Эрс

Jacques Heers
LA COUR PONTIFICALE
AU TEMPS DES BORGIA
ET DES MÉDICIS
1420—1520

HACHETTE LITTÉRATURES

ЖИЗНЬ

ПАПСКОГО ДВОРА
ВРЕМЕН БОРДЖИА
И МЕДИЧИ. 1420—1520

УДК 272(4)“653”

ББК 86.375(4)

Э 83

*Перевод с французского
И. А. БЕССОНОВОЙ*

*Научный редактор
Ф. М. ПАНФИЛОВ*

*Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА*

*Перевод осуществлен по изданию:
Jacques Heers. La cour pontificale au temps
des Borgia et des Médicis. 1420—1520
Paris, Hachette Littératures, 1986*

*Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de la Culture —
Centre national du livre*

© Hachette Littératures, 1986
© Бессонова И. А., перевод, 2006
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2007
© «Палимпсест», 2007

ISBN 978-5-235-02964-4

В памяти людей и наших учебниках XV век в Италии остается прекрасной эпохой, вершиной цивилизации. Однако когда речь заходит о литературе и искусстве, о художниках и гуманистах, то в сознании прежде всего всплывают названия таких городов, как Флоренция и Венеция, а не столь многочисленных придворных городов полуострова, начиная от Мантуи и Милана и кончая Неаполем, которые прославились в области науки и литературы, градостроительства и изящных искусств. Риму же в ряду западных столиц бесспорно принадлежит особое, даже главенствующее место, и все это, разумеется, благодаря расположенной на его территории резиденции пап, их приближенных, кардиналов и прелатов. В области меценатства ни один город не может соперничать с этим новым Римом, столь тесно связанным с памятью о своем античном прошлом.

Покинув Рим, отчасти в результате гражданских войн, но в большей мере из-за вражды партий, в 1307 году папы обосновываются в Авиньоне и более полувека находятся там, пребывая в зависимости от королей династии Капетингов. После долгого отсутствия папы благополучно возвращаются в Рим в 1378 году: сначала Григорий XI, а затем Урбан VI. Но то было мнимое возвращение, поскольку французские кардиналы избрали другого папу, который вновь утвердился в Авиньоне.

Это событие ознаменовало собой великую схизму на Западе, раскол, который не без труда был ликвидирован лишь с избранием Мартина V на церковном соборе в Констанце в 1417 году. Его правление в Риме наконец положило начало настоящей политике реставрации, которая сперва была довольно робкой, но затем принесла удивительные результаты: Рим проснулся, преобразился, в нем восторжествовали игра ума и любовь к прекрасному.

Здесь также уместно назвать другую историческую веку: разорение города в 1527 году войсками германских ландскнехтов, а также испанцами, к которым даже присоединилась часть местной знати, а именно семейство Колонна. Это событие, конечно, не означало безвозвратного упадка, но привело к мощному политическому перелому.

Освещение повседневной жизни, разумеется, предполагает изучение цивилизации, ее творцов и составляющих. В то же время нет особой необходимости останавливаться здесь на слишком материальных и обыденных аспектах образа жизни, например продуктах питания и видах тканей. Впрочем, ни стол, ни костюмы той эпохи, так часто встречающиеся в описаниях других авторов, не отличаются большой оригинальностью.

Могло бы также вызвать удивление отсутствие в подобной реконструкции придворной жизни подробностей о хищениях, баснословных расходах и отсутствии чувства меры. Это легкий путь, которым не следует соблазняться: стоит лишь немного задуматься, как неизбежно приходишь к выводу отказаться от него. Действительно, как всегда бывает в таких случаях, подобная критика, вызвавшая в свое время настоящую полемику, была вовсе не безосновательной. Однако еще тогда она заложила основы некоторых не совсем верных тенденций, а в дальнейшем даже способствовала разжиганию ненависти ко всему тому, что называлось «римским» или «латинским». Без труда можно предположить, что всякая политическая система порождает свои злоупотребления, свою несправедливость, свои растраты энергии и денег. На нужды двора,

на содержание своих дворцов и организацию празднеств папы действительно тратили огромные средства. Но они поступали так, чтобы утвердить свою власть и создать такой образ, который как римский народ, так и иностранцы зачастую ожидали увидеть. По крайней мере, нам что-то досталось от этих огромных расходов. А можно ли то же самое сказать о судьбе нынешних расходов, идущих на содержание наших современных государств?

ГОСУДАРСТВО ЦЕРКОВНОЕ И ГОСУДАРСТВО КНЯЖЕСКОЕ

Рим на европейской «шахматной доске»

В воскресенье 29 сентября 1420 года Мартин V торжественно вступил в Рим. Избранный 11 ноября 1417 года на церковном соборе в Констанце и являющийся отныне единственным римским папой, он ждал почти три года, прежде чем решиться войти в город, терзаемый столькими политическими конфликтами, город, отданный на откуп вооруженным бандам и охваченный террором. Накануне он с целым эскортом вооруженной охраны остановился в мрачном здании, принадлежащем церкви Санта-Мария дель Пополо. На следующий день его восторженно встречали толпы народа на всем протяжении пути: на *via Lata* с севера на юг, затем к западу на *via dei Pontefici* вплоть до моста Святого Ангела и в Борго — окрестностях Ватикана, там, где он планировал расположить на первое время все свои службы, правительство и двор. И вот в тени карминного балдахина, верхом на коне появляется папа. Представители тринадцати кварталов Рима, так называемых *rioni*, — победители соревнований по бегу и народных игр расчищают ему дорогу¹.

Папский двор, окончательно обосновавшийся теперь в Риме, имел своим прообразом двор авиньонских пап. Но отныне он приобретает необыкновенный блеск и размах. Он утверждает свою власть во всех об-

ластях и, будучи всемогущим, накладывает отпечаток на жизнь города, решая все вопросы, задавая тон, диктуя свои планы в области градостроительства и благоустройства города, разворачивая собственное грандиозное строительство, насаждая свои литературные и художественные вкусы. Рим действительно превращается в придворный город и столицу государства.

Подобные изменения кажутся закономерными, выглядят неизбежным результатом эволюции нравов и политических структур. Римский двор являет собой лишь особый, может быть, более яркий и наглядный, чем другие, пример концентрации власти, сосредоточения интеллектуального потенциала вокруг хозяев величественного государства, образец невиданного расцвета великой столицы. Повсюду в Европе придворные города, как древние, так и возникшие совсем недавно, образуют центры цивилизации, в которых культура получает свое собственное блистательное развитие. Так, во Франции — в Париже и в большей или меньшей степени в столицах удельных государств, таких как Дижон, Бурж, Анжер и Мулен, с невероятной быстротой возводятся роскошные, потрясающие воображение дворцы королей и их приближенных, куртизанок и высокопоставленных чиновников. То же самое происходит в Англии, в Лондоне, в Испании, в уже появившемся Мадриде, а позднее, при Карле Люксембурге, и в Праге. Еще больше дворцовых сооружений появляется, конечно же, в Италии, где города «коммун» могут рассчитывать хоть и на весомую, но все же ограниченную долю участия в экономической и литературно-художественной деятельности. Венеция, Генуя — и сколько еще городов, где властвуют правители, «тираны»: Эсте — в Ферраре, Гонзага — в Мантуе, Малатеста — в Римини, Сфорца — в Милане... и множество других семейств в прочих итальянских городках, даже в Марке и Романье! Все идет по одному и тому же сценарию. Так, торговым городом Болоньей правит уже третье поколение Бентивольо, выходцев из торговцев. Любители роскоши, на редкость высокомерные, они ведут себя там как настоящие хозяева. То же можно сказать и про Медичи, которые после возвращения своего се-

мейства к власти в 1512 году, в правление Лоренцо Великолепного, еще больше укрепили свои позиции во Флоренции.

Этот триумф пышного придворного общества зависит от целого ряда факторов, и в первую очередь — от новой политической обстановки. Теперь методы правления становятся совсем иными. Государь издает закон и больше не допускает ни узурпации власти, ни предательства, ни посягательств на свой авторитет. Административные, финансовые и юридические органы разрастаются до невиданных размеров и прочно обосновываются в одном-единственном городе — они оказываются слишком сильно запутанными в кабинетно-бюрократической паутине, чтобы перемещаться с места на место. Если приближенные правителя сопровождают его во всех поездках, визитах и военных кампаниях, то члены суда, парламента, счетной палаты остаются на местах и общаются с ним путем непрерывной переписки. Это время правоведов, всевозможных служб и контор.

С другой стороны, могущество правителя определяется именно масштабами его двора, тем блеском, который тот может ему придать. Он демонстрирует себя и свой двор подданным, которые рукоплещут ему, завороженные, очарованные и влюбленные в это выставленное напоказ богатство и великолепие. Им нравятся эти кортежи, многочисленные придворные, роскошные одежды, золотая и серебряная посуда, великолепные празднества и блеск величественных церемоний. Новые прекрасные дворцы, внушительный собор, под сводами которого скрываются мраморные надгробия династии, а также чудесный город, ухоженный, процветающий и гордый, — все это было очень важно в политике престижа, которая ради поддержания репутации правителя не может пренебрегать ничем.

Папы пошли по этому пути в Авиньоне. В 1340—1350 годах они обратились к сопровождаемой небывалым увеличением администрации и ростом богатств, поистине яркой, блестящей придворной жизни². Они воздвигли великолепный дворец, стены которого расписывали светскими сюжетами художники из Италии.

Они окружили себя множеством кардиналов, которые в свой черед спешили возвести прекрасные особняки, полностью меняющие облик города. Слывя заштатным городом и будучи абсолютно не подготовленным к подобному всплеску градостроительства, за несколько лет Авиньон стал свидетелем небывалого подъема и столкнулся, зачастую при полнейшей своей беспомощности, с большим количеством проблем и целым валом предписаний. Вскоре городских территорий стало недоставать и особняки начали появляться на другом берегу Роны — в Вильнёве³.

Сохранив свои прежние размеры, Рим, в котором к 1420 году уже более века отсутствуют папы, переживает такие же изменения.

Первым же серьезным препятствием стало наличие подобной административной машины и столь разросшегося двора, которое затрудняет и даже парализует деятельность пап. Переезд из Авиньона в Рим был крайне сложной задачей, а для тех, кто относился к этой идее весьма недоброжелательно, — и вовсе невыполнимой. Такова одна из причин сомнений, явных уверток и отсрочек со стороны тех пап, которые тем не менее с самого начала были полны решимости вернуться обратно и которые ради того, чтобы избавиться от тягостной французской опеки, действительно желали обосноваться в Италии. Они заранее направили туда своих управляющих и легатов, чтобы подготовить почву, урезонить непокорных, умиротворить общественное мнение и уже начать управлять. Однако еще следовало предусмотреть грандиозный переезд с бесчисленными караванами обозов и фрахтовкой кораблей. Одновременно с этим необходимо было следить за тем, чтобы все дела, по возможности, шли своим чередом без скандальных проволочек, чтобы доходы от папских десятин вовремя достигали пункта назначения и использовались надлежащим образом. Не говоря, разумеется, о трудностях, связанных со сбором Священной коллегии и созывом конклава. В конце концов пришлось пойти на раздвоение основных служб, поддерживая с ними связь с помощью небывалого числа конных гонцов, доставляющих послания. В материаль-

но-техническом отношении это переселение, конечно, было настоящей головоломкой, одной из самых значительных операций той эпохи, которая в итоге прошла удачно.

В Риме же эта деятельность постоянно ширится и крепнет. В своем городе папа обретает почти полную независимость, одним словом, располагает средствами для большой политики. Он, наконец, получает возможность с успехом участвовать в делах европейской политической «кухни» и даже выступать в роли защитника христианства в борьбе с неверными. Его собственные прерогативы, полномочия его двора и различных служб расширяются, постоянно видоизменяются, становясь гораздо сложнее (правда, это не всегда осознают) тех, которыми наделены короли и князья. Будучи главой Церкви, духовным наставником, папа, естественно, вмешивается в дела всех стран Западной Европы, касающиеся проблем церковного управления, вопросов, связанных с назначениями, конфликтами и их урегулированием. Он издает законы и является судьей в последней инстанции: папские судебные органы рассматривают дела самые разные по характеру и сути. В важных случаях папский двор приглашает все стороны, выслушивает причины и выносит решение. Город наполняют, обосновываясь в нем на необходимое время (зачастую весьма недолгое), самые разные люди, прелаты, епископы, аббаты, приезжающие отовсюду. Самые заинтересованные из них, а это представители религиозных орденов и главы государств, в конечном счете открывают в Риме свои постоянные представительства, облюбовав какой-нибудь городской дворец и обзаведясь необходимым штатом сотрудников.

Все это привлекает множество людей различных убеждений и устремлений. Рим становится центром и горнилом Вселенной... В религиозном и финансовом отношении двор управляет не единым государством и тем более не одним народом, а людьми и общностями, разбросанными среди множества этнических и лингвистических ареалов.

Помимо этого с очень давних пор, а теперь и весьма решительно папа управляет территориальным госу-

дарством, расположенным в самом сердце Италии, одним из самых обширных на полуострове, а также нередко выступает арбитром во время войн за влияние. В любой ситуации он всегда проявляет максимум активности и не собирается занимать только лишь оборонительную позицию. Его владения простираются далеко за пределы Рима, достигая берегов Адриатики в Марке и Романье, на севере соседствуя с венецианскими владениями, а на юге — с землями неаполитанского короля. Папские наместники управляют многочисленными городами: Орвието, Перуджей, Витербо... Множество князей, будучи верными и надежными сторонниками папы, в знак своей преданности регулярно выплачивают ему дань. Даже Эсте из Феррары после длительных раздумий, мучительных колебаний и странных дипломатических пируэтов примыкают к ним. И этот альянс, а скорее, подчинение, подготовленное великолепными празднествами и приемами, свидетельствует о триумфе по-прежнему могущественного папства, без которого невозможно поддержание на полуострове определенного равновесия. В марте 1471 года Павел II жалует титул маркиза Феррарского специально прибывшему для этой церемонии Борсо д'Эсте.

Глава развивающейся дипломатии, папа опирается на целую сеть агентов, епископов и аббатов, находящихся на местах. Папский двор кажется полной противоположностью маленьким опереточным княжеским дворам, дремлющим, сохраняющим свои традиции и этикет и растрачивающим силы в разорительных внутренних распрях. В отличие от них здесь сосредоточен небывало мощный, постоянно действующий аппарат. Папский двор повсюду раскидывает свои сети и неутомимо плетет интриги. Он ведет переговоры о союзах, вводит свои пешки в политическую игру Италии, манипулирует амбициями иностранных королей и князей, вечно жаждущих перейти через Альпы ради какой-нибудь громкой победы. Настали иные времена, и лишь в горьких воспоминаниях осталось то время, когда король Франции определял (или только убеждал себя в том, что может это делать) политику пап, находящихся в Авиньоне почти на положении пленников. Отныне больше никакой опеки...

Родственники, братья, племянники и даже дети используются в качестве козырной карты. Тщательно продуманные и взвешенные, заключаемые с большой помпой, с роскошным приданым, брачные союзы помогают вести очень тонкую дипломатическую игру. Александр VI Борджиа, не смущаясь, извлекал пользу из этих браков, а Юлий II делла Ровере без колебаний собирал внушительные отряды солдат, лично возглавлял их, правда, недолгое время, и вел против врага.

Посольства, греки и султан

В силу всех этих причин римский двор, быть может, в большей степени по сравнению с французским и испанским, привлекает значительное количество иностранных политиков: здесь прочно обосновываются послы, часто приезжают с миссией проповедники. Они спешат сюда, только прослышав об избрании нового папы, чтобы поздравить его... и сразу обратиться к нему с рядом прошений. Они прибывают для того, чтобы разъяснить, обосновать позицию своих повелителей, снискать папскую благосклонность или хотя бы добиться снисходительного нейтралитета с его стороны. Для всех, начиная с могущественных монархов и кончая вассальными князьками и итальянскими коммунарами во главе с венецианской и флорентийской, представительство в Риме с точки зрения дипломатического искусства превращается в настоятельную необходимость, предполагая большую помпу и значительные расходы. Рассчитывая на кардиналов-соотечественников, все располагаются в их дворцах. Одновременно, порой без видимых оснований, чтобы ничего не упустить, «аккредитуется» кто-нибудь при дворе — друг или подкупленный человек. Все внимание сосредоточено главным образом на посольствах. Здесь нужны люди, способные плести интриги, собирать информацию, постоянно представлять свежие сведения, а также те, кто умеет пустить пыль в глаза своей пышной свитой, выставленным напоказ богатством, дорогим платьем, многочисленными слугами и лошадьми. Они

устраиваются кто как может. Например, венецианскому или флорентийскому посланнику, послу французского короля или императора приходится приложить немало сил, чтобы разместить весь свой двор надлежащим образом и с достаточным комфортом, во всяком случае, так, чтобы он находился не слишком далеко от резиденции папы, кардиналов, двора и трибунала.

В 1503 и 1504 годах, много месяцев спустя после конклава и избрания Юлия II, город все еще полон бесчисленными дипломатическими миссиями, в спешном порядке прибывшими воздать почести папе. Ощущается нехватка жилья и даже продуктов питания. Чтобы разместить всех дипломатов, необходимо выгнать семьи горожан из их домов; папа дает согласие на это. В конце концов устраиваются где только можно. Флорентийский посол Франческо Пеппи, еще находясь в пути, шлет тревожные послания Никколо Макиавелли, который опередил его и один расположился на постоялом дворе. Пеппи и хотел бы взять с собой только одного слугу, но «как быть, — пишет он, — ведь я прекрасно понимаю, что если я прибуду один, это будет равнозначно тому, что меня и вовсе не было?» И он берет с собой, «чтобы не оскорбить достоинство Республики», восьмерых конных слуг, двух лакеев, одного посыльного, интенданта, собственного сына, зятя и четырех знатных кавалеров из числа своих друзей, сопровождаемых слугами («...и все они, конечно, надеются устроиться со мной под одной крышей!»⁴).

Действительно ли способны произвести впечатление на пресыщенных придворных эти визиты, сопровождаемые нарочитыми сценами, эта демонстрация челяди и родственников, это выставление напоказ имеющегося богатства? Во всяком случае, это необходимый шаг, признание первенства; и римский народ не ошибается, видя в этих посольствах отсвет могущества иностранных правителей и отражение их намерений.

Будучи по сути космополитическим, римский двор распространяет сферу своей деятельности далеко за пределы соседних стран и даже за пределы западного мира. Он претендует на то, чтобы быть центром христианского мира, и ни в коей мере не расстается с меч-

той добиться власти над христианским Востоком путем объединения с православной церковью, а по сути, путем подчинения ее себе. В 1430 году, перед своей смертью, Мартин V подписывает документ об организации церковного собора, в 1438 году Евгений IV проводит его в Ферраре, затем во Флоренции, а также постановляет выделять ежемесячные пособия присутствующим на заседаниях грекам, императору Иоанну VIII, его брату, деспоту Димитрию, патриарху Константинопольскому, представителям других восточных патриархатов, семнадцати архиепископам, множеству епископов и *stauropbes* (каноникам) святой Софии, чтобы помочь им вынести длительные дебаты и удержать их подольше. В августе 1445 года Акт об унии знаменует собой огромный триумф Церкви и римского двора над всеми его противниками и колеблющимися⁵. В Риме и других городах папа устраивает торжественные церемонии и акты помилования; он немедленно назначает двух восточных епископов — Виссариона и Исидора Киевского римскими кардиналами; он приказывает запечатлеть момент заседания собора на бронзовых воротах собора святого Петра. Это событие привлекло на сторону Рима и его двора множество греков, особенно тех, которые решительно выступали за унию и которых плохо приняли в Константинополе. Вскоре приезжает Виссарион; он обосновывается в Риме, затем, будучи связанным узами искренней дружбы с Пием II Пикколомини и побывав почетным легатом в Болонье и Германии, становится хранителем печати, а при Павле II обосновывается в Тускуле⁶.

Итак, двор устремляет свой взор на Восток. Виссарион основывает свою знаменитую академию, превратившуюся в живой очаг культуры, где изучаются самые разные учения и памятники античности. Вместе с интеллектуальными и литературными веяниями в город проникают лучшие знания византийского мира, иконографические темы, которые до этого были почти забыты и которые теперь обогатились новыми декоративными элементами и экзотическими костюмами. Во многом именно прибытие греческих сановников и особенно триумфальный въезд императора Констан-

тинополя во Флоренцию (в феврале 1439 года) со времен Беноццо Гоццолли вдохновляет многих художников на изображение восточных шествий, кортежей царей-волхвов, кортежей греческих послов. Фрески итальянских, в частности римских, церквей и дворцов хранят об этом прекрасные воспоминания.

Космополитический и также обращенный к Востоку римский двор зачастую оказывает прием и даже покровительство восточным правителям, прибывающим в город с визитом, а гораздо чаще находящимся в изгнании или под угрозой турецкого нашествия. Во время пасхальных празднований, на торжественных церемониях и приемах можно увидеть, как король и королева Сербии, которые приехали поклониться святым местам, склоняются в молитве перед папой римским. Сикст IV назначает содержание Софье Палеолог (он даже пытался выдать ее замуж), деспоту Эпира и также кипрской королеве Шарлотте, которую после пышных и красивых торжеств поселили в *Borgo* возле Ватиканского дворца, а также доведенным до крайней нищеты сыновьям деспота Морей. Наконец, опять же при Сиксте IV, в 1480 году, в знак признания всемирной славы Рима в городе появляется великолепное посольство пресвитера Иоанна, пожелавшего известить всех о своем приходе к власти. Знаменитый пресвитер, породивший множество споров в истории, правил, очевидно, частью Эфиопии, считая себя христианином, врагом неверных. Папа с большой радостью принял это посольство, которое своим видом, костюмами и восточными атрибутами вызвало много толков; он даже оказал теплый прием разным мошенникам, которые поочередно выдавали себя за настоящего пресвитера Иоанна, правда, потом, после разоблачения, пытался наставить их на праведный путь...⁷

К тому же с помощью множества просвещенных людей при папском дворе, нередко увлеченных всем восточным, Рим не только устанавливает постоянные и прочные связи с греческим миром, утверждает свое главенство и опеку над Константинопольской церковью, которая за века до этого полностью вышла из-под его власти, отделилась от него, но и выступает в качест-

ве естественного оплота христианства перед лицом турецких завоевателей. Каллист III, затем Пий II, а также Сикст IV действительно приложили много усилий для того, чтобы организовать крестовый поход против турок. Папы нанимали и строили корабли, набирали солдат, собирали по всему городу оружие, не забывая взглянуть даже к самым мелким мастерам-оружейникам. Однако правители не последовали их примеру, и крестовый поход остался лишь мечтой...

Но Сикст IV делает роскошный подарок (белоснежный конь, наряженный в расшитую шелком и золотом попону) гонцу, который 2 июня 1481 года приносит из Венеции весть о смерти Мехмеда. Он сам служит мессу в церкви Санта-Мария дель Пополо, после чего верхом на коне неспешно объезжает весь город и его окрестности под радостные возгласы толпы и повелевает устроить великолепные празднества в течение трех дней, приказав звонить в колокола и зажечь свечи в церквях⁸.

Сложности и споры, связанные с наследованием султану, вселяют в римский двор некоторую надежду, во всяком случае, дают повод лишний раз продемонстрировать весь свой блеск. Отранто освобождено от турок, многие из их солдат дезертируют. Поговаривают об анархии и даже о схватке между претендентами. В конечном счете побеждает старший сын Баязид, однако младший, султан Джема, сын от сербской принцессы-христианки, продолжает рваться к трону и плести интриги. Сначала он скрывается на острове Родос у госпитальеров, рыцарей святого Иоанна, и, фактически оказавшись их узником, становится предметом грязных торгов. Его продали тому, кто назначил большую цену. А заполучить его хотели буквально все: брат — чтобы убить, Карл VIII и Венеция — чтобы использовать его как разменную монету в своих переговорах. Но получил его папа. Султан Джема прибыл сначала в Тулон, затем в Чевитавеккью, потом в Остию и, наконец, в Рим, куда 13 марта 1489 года торжественно въехал в сопровождении сына папы Франческетто, приор госпитальеров провинции Овернь, римского сенатора, папских шталмейстеров и клириков. Его ожидала огромная толпа. Хотя лично он не произвел

слишком большого впечатления («он имел суровый и неприступный вид... и косил глазом, который всегда был полузакрыт»), сам кортеж и одежды его свиты сильно удивили римлян. Народ радовался тому, что у них будет содержаться еще один турецкий пленник.

Сначала его помещают в Ватикан, затем в замок Святого Ангела. Однако в 1495 году его все же приходится выдать королю Франции. Вскоре он умирает⁹. Шесть лет римский народ мог только догадываться о судьбе турецкого принца, спрятанного где-то в стенах их города... Одно лишь присутствие этого несчастного принца, оказавшегося всего лишь ставкой в чужой игре и уставшего от бесчисленных авантур, которому слишком часто напоминали о его шатком положении преследуемого изгнанника, вновь превращало Рим в центр активной дипломатической деятельности.

Бесспорно, город и двор с успехом выбираются из унылой трясины серой обыденности, в которую в свое время их поверг раскол и авиньонское пленение. Теперь они возвышаются над всеми существующими тогда столицами.

Мир близких

Как, впрочем, и повсюду в то время, римский двор едва ли способен дать себе определение. Слово, часто употребляемое для обозначения разных реалий, в конечном счете лишь совершенно скрывает их смысл. В строгом смысле слова *куруия* означает трибунал, суд, самое большое — небольшое правительство. В более широком и общем смысле — это лишенная четких границ, но успешно функционирующая социальная группа, диктующая всем свои законы, возможно, не слишком хорошо организованная, но, по крайней мере, очень активная, мощная и располагающая широкими возможностями: здесь плетутся интриги и принимаются решения; здесь можно встретить и обвести вокруг пальца влиятельных людей. Это — одновременно и окружение папы, его советники, исполнители его приказаний, и очаг политической мысли, очаг духовный, и в особенности — культурный очаг.

Социальные условия, определенные довольно размытой иерархией, а также многочисленные обязанности и постоянная практика совмещения должностей отбивают всякую охоту провести строгую классификацию. Двор представляет собой не пирамиду, а некую общность, общество, основанное на преданности и зависимости. В основном он напрямую зависит от папы и в случае его смерти претерпевает глубокие изменения.

В низшем, но не по степени влияния, ряду располагаются все те, кто формирует так называемый дом папы, или его резиденцию — учреждение, существующее при всех королях и князьях Европы, а также при некоторых знатных особах. В принципе это учреждение распоряжается всем личным имуществом хозяина, его казной, бюджетом и финансами, ведет его счета и следит за поддержанием в надлежащем состоянии принадлежащих ему зданий и всего гардероба, то есть одежды и оружия. В реальности смешение частного и общественного, часто необдуманное — допускаемое ради удобства, а порой продиктованное необходимостью или жадной наживы, — способствует непомерному разрастанию штата резиденции. В Риме папа окружает себя постоянно растущим числом преданных людей, раздавая им различные должности, польза от которых не всегда очевидна. Его страсть к роскоши, его показные расходы еще больше увеличивают число финансовых операций дома.

Некоторые службы резиденции, касавшиеся только понтифика и узкого круга его родных и близких, сохраняли исключительно домашний характер. Это *палата* по закупкам тканей, одежды, драгоценностей, ковров и гобеленов, мебели, а нередко и предметов искусства. Это *капелла*, существующая для религиозных служб, процессий, занимающаяся изготовлением хоругвей и различных украшений, ведающая заказами предметов культа, ковчежцев и заалтарных образов. Это также *корпус* медиков-хирургов.

Александр VI наблюдался целым десятком врачей — людьми знаменитыми, которых он впоследствии сумел щедро отблагодарить. Любимцем среди них долгое время был епископ Венозы Бернардо Бонджованни,

которого папа сначала на какое-то время приставил к своему сыну Чезаре, а затем к своей дочери Лукреции, когда она отправилась в Феррару после замужества. Другой практикующий врач, к которому очень рано пришла слава, испанец Андреа Вивес, стал клириком папской канцелярии. Два других испанца, Педро Пинто и Гаспар Торелла, прославились как авторы ученых трактатов о чуме. При дворе также служили два французских медика, Бернар де Понтуаз и его сын Жан, который, пользуясь расположением папы, скопил крупное состояние¹⁰. Что касается Юлия II, то он держал при себе по меньшей мере семерых врачей, среди которых были испанский раввин Самуэль Сарфати, французский монах-цистерцианец Жан Бодье и неаполитанец Джироламо Нифо. Двое из них, Торелла и Маттео Курти, являются авторами очень интересных работ, правда, не об эпидемиях и болезнях, а об искусстве рационального питания¹¹.

Другие, более мелкие и более специализированные службы, следят исключительно за содержанием дворца, снабжением, пополнением запасов, размещением всей придворной свиты и ее имущества. К этим службам относятся *хлебохранилище*, *винное хранилище* и *кузница*, в ведении которой находится конюшня, покупка лошадей и мулов, перевозки, почта.

Если в Авиньоне папы зависели от курьеров флорентийских компаний, то в Риме они стали одними из первых, кто организовал регулярную службу гонцов. Вместо набираемых наскоро и от случая к случаю верховых, с которыми рассчитывались сразу по выполнению поручения, появились надежные, проверенные люди, имеющие постоянное жалованье.

Эти службы резиденции, конечно не столь многочисленные и не столь хорошо организованные по сравнению, например, с теми, что были в резиденциях французских принцев, имеют достаточно ограниченные и скромные функции. Но они ведают материальным обеспечением двора, его повседневной жизни, именно они отвечают за нее, и именно благодаря им, их бухгалтерии мы узнаем о такой немаловажной стороне придворной жизни, как закупки и поставки продоволь-

ствия, пополнение запасов вин, потребление продуктов питания и даже распорядок трапезы и титулы гостей.

С другой стороны, кое-какие службы приобретают в некоторых областях иное значение, сфера их деятельности все более расширяется. На собственные средства папа также содержит *нищенпитательницу*, откуда распределяются пожертвования беднякам, больным, паломникам, нуждающимся студентам, девушкам на выданье, не имеющим приданого. Подношение отреза белого сукна и кошелька, полного золотых монет, «бедным девственницам» в первое воскресенье после Пасхи — «день Квазимодо» в скором времени становится для всего Рима великолепным зрелищем. Восседающий на обитых алым бархатом носилках, которые несут перед следующей за ними свитой кардиналов, в сопровождении кортежа богато украшенных мулов, папа направляется к церкви Санта-Мария Минерва. Стоя на церковном клиросе, он дает свое благословение девушкам, подходящим к нему одна за другой. «Каждую сопровождала пожилая родственница <...>; юные лица закрывал кусок белой материи, из-под которого они могли смотреть лишь краем глаза». В 1580 году Мишель Монтень утверждает, что «нет ни одной девушки, собирающейся выйти замуж, которой бы папа не помог с жильем, если она низкого происхождения»¹².

В ведении резиденции находится также школа богословия Ватикана и библиотека, которая в первое время после возвращения в Рим значительно увеличивается. Эти особые службы, обеспечивающие Риму славу столицы учености и эрудиции, снискавшей еще больший авторитет с созданием Ватиканской библиотеки, также решительно вмешиваются в руководство и управление *studium* святого Петра и папского Университета в Ватикане.

Наконец, для защиты Borgo от любого вторжения при папе содержится довольно многочисленная личная охрана, группа оплачиваемых наемников, зачастую вербуемых на скорую руку. Все чаще это швейцарские пехотинцы, которые к тому времени уже снискали себе добрую славу на полях сражений по ту сторону Альп.

В целом папская резиденция, численностью всего в несколько десятков человек и ориентированная преж-

де всего на выполнение своих внутренних функций, образует в самом сердце римской жизни небольшую группу доверенных лиц, которые действительно являются приближенными папы римского, живут в его тени, питаются за его столом и не упускают случая, чтобы не похвалиться своим положением и не воспользоваться им: папские *familiaris et continuus commensalis*.

Службы и трибуналы

Что касается римской *курии*, то она управляет не только папским домом, но и Церковью. Если говорить точнее, она образует управление, создает службы и бюро, число которых все растет, а также набирает персонал, который в ту эпоху с трудом поддавался переписи и подсчетам. По некоторым свидетельствам, уже при французских папах в Авиньоне насчитывалось от четырех до пяти тысяч человек служащих. Римские же папы тем более ничего не сделали, чтобы сократить их штат или хотя бы приостановить разрастание громоздкого и очень сложного аппарата.

Возможно, настоящая власть принадлежит *канцелярии*. Туда неизбежно обращаются все посетители и посланники. По своему происхождению — обычный отдел, занимающийся рассылкой папских посланий (на деле он составляет письма, следит за ними и ставит на них печати) и руководимый вице-канцлером, это большое учреждение обязано всем своим могуществом тому обстоятельству, что именно в его стенах зарождаются бесчисленные духовные подразделения, право назначения в которые почти во всех провинциях христианского мира папа постепенно оставлял за собой. Также усердно, зачастую с удивительной настойчивостью, из этих учреждений создается единый центр, известный своим престижем и высокими покровителями. Часто возникает необходимость задержаться в Риме на долгое время. Или же, когда это оказывается невозможным, туда отправляют полномочного посланника, знакомого с подобного рода деятельностью, умеющего постучать в нужную дверь и сблизиться с нужными людьми. Если возникает дело особой важно-

сти, то короли и принцы начинают действовать через своих хорошо проинструктированных послов.

Естественно, возрастает численность и специализация этих служб. *Бюро рассмотрений* принимает прошения и проверяет состояние, звания, способности, а также послушной список кандидата; *письмоводительное бюро* осуществляет первичную обработку всей собранной информации, удостоверяясь, что нет никаких препятствий, и ограждая себя от возможных жалоб; *основное бюро* переписывает письмо о предоставлении бенефиция, правильно оформляет его и отправляет дальше; наконец, *бюро сбора* вносит всю информацию в реестр для папских архивов. Медленный, но хорошо отлаженный, отработанный процесс... Вся эта машина предполагает наличие большого количества компетентных людей: юристов и ученых, нотариусов и писцов. К моменту отъезда из Авиньона штат уже насчитывает более сотни человек, а спустя полвека число это, по всей видимости, удвоилось.

Среди сотрудников этой канцелярии особенно выделяются те, кого обычно называют *аббревиаторами**. Они резюмировали прошения и составляли, ничего не упуская, папские буллы. Эти люди собирались в зале под названием *parco*, а *аббревиаторы* самого высокого ранга (*abbreviatori di parco maggiore*), число которых равнялось двенадцати, считались важными персонами и пользовались широкими полномочиями. Каждый из них мог, к примеру, назначить трех «римских кавалеров» и носить докторское звание, не сдавая соответствующего экзамена.

Корпус *апостольских клерков* увеличивается и превращается в особое ядро, ревностно сохраняющее свою самобытность и находящееся в самом центре папского двора. Образуя мирок людей, сплоченных общей работой, общением с высшими церковными иерархами, знанием дел, эти нотариусы, юристы, писцы, специалисты по сбору информации и делопроизводству являются в полном смысле слова чиновниками курии и *cortegiani*. Они живут в тени папы на кое-какие бенефици-

* От *brevet (lam.)* — послание.

ции, которые зачастую очень скромны и собираются с редкостным терпением и жадностью. Как и при всех западных дворах, подобно знаменитым клеркам Базоша в Париже или писцам флорентийской Канцелярии при Макиавелли, они образуют настоящее братство, многочисленное, нередко внушающее страх. Они без тени смущения требуют для себя привилегированного положения в самой Церкви, поскольку имеют доступ ко всем кругам власти, знают тайны многих интриг и могут оказывать сильное влияние, делая тот или иной вывод по результатам своих собственных расследований. Они используют каждый удобный случай, чтобы проявить себя. Так было на заседании церковного собора в Базеле (1431—1439), куда явились их представители. Если они выступают в качестве верных слуг папы, отважных защитников и поборников римской власти, на которую ведется наступление и с которой сразу после раскола стали бороться защитники соборной теории, то начинают требовать для себя, следуя этой неукоснительной политической линии, первенства перед епископами на церковных соборах. Поэтому именно в первое время после возвращения в Рим, при Мартине V и в еще большей степени при Евгении IV, клерки выдвигаются вперед и выходят в своих устных или письменных выступлениях далеко за границы своих незамысловатых обязанностей в канцелярии. Они закладывают новую традицию и во всеуслышание заявляют о ней.

Весь Рим, забавляясь, удивляясь, а иногда и негодуя, узнает о развлечениях этих «мальчишек». Подже (Поджо Браччолини), постоянный свидетель этих веселых сборищ, в своих «Фацециях» («Проделках») очень ярко описывает то, что там происходило. Они объединились в некий кружок сплетников, собираясь в кабачке *Буджуале*, и рассказывали друг другу тысячи анекдотов. Все анекдоты в той или иной степени были скабрёзными, а некоторые просто грубыми; главное было посплетничать по поводу того или иного человека, попавшего под их прицел. Как они утверждали, это были подлинные истории о злоключениях того или иного прелата, а также остроты либо рассказы, слетевшие с уст самих кардиналов. Этими историями упивались. Часто к современному

миру, реальным людям, выбранным в качестве мишени, прилагались саркастические насмешки и ситуации из репертуара старинных фавлио или басен моралистов Древнего Рима. Иногда выдумывалось буквально все. Между собой они тоже язвили только ради чистого удовольствия написать какую-нибудь забавную историю или продемонстрировать собственное остроумие¹³.

Клерки пытаются поддерживать имидж своей профессии писемоводителей, всячески приукрашивая ее. Правда, на деле они ведут себя как светские люди, чаще всего лишенные всякой дисциплины и склонные к всевозможным сумасбродствам. Они подвергаются активной критике со стороны кардиналов, цензоров, самих пап римских, которые беспокоятся или отчаиваются, видя, как бюро Ватикана превращаются в место буйных развлечений и дерзких игр. А еще больше их огорчает, что среди клерков канцелярии царят настолько низкие нравы, что уже ничто не может отличить папский двор от двора княжеского.

Первые папы, ставшие во главе Церкви после раскола, придавали большое значение исправлению нравов этой *куруи*. Появилось множество рекомендаций, декреталий, регламентирующих булл, касающихся уточнений по жалованью, обязательного присутствия на рабочих заседаниях и религиозных богослужениях. Вскоре руководство канцелярии начинает полагаться в этом деле на видных деятелей того времени, людей, достойных уважения: при Евгении IV таким человеком был патриарх Блазио Молен, затем лионский кардинал Жан де ла Роштей, затем собственный племянник папы кардинал Франческо Кондулмер. Папа римский следит за своими *приближенными*; он назначает их священниками или клерками при условии, что им исполнилось восемнадцать лет, что они владеют искусством письма и, главное, при условии, что они благонаравны. «*Sicut prudens paterfamilias...*» — так начинается одна из булл папы Евгения; правила настоятельно требуют: не иметь сожительницу, не кичиться мирской роскошью, не носить слишком короткие одежды. Непослушание грозило штрафом, более или менее длительным отстранением от службы и даже увольнением¹⁴.

В то же время именно в этой, в общем-то элитарной среде секретарей папской канцелярии появился, развился и блестяще заявил о себе круг эрудитов, гуманистов, писателей и мыслителей. Хотя список нотариусов и секретарей остается еще неполным применительно ко всем периодам правления, некоторые отдельные сведения действительно указывают на определенный вес и значимость штата экспертов, в который входили несколько выдающихся ученых, не только юристов или просто хороших авторов, но и поистине талантливых писателей, известных эллинистов.

Во времена правления венецианца Евгения IV при его дворе находилось более пятнадцати выдающихся личностей. И если Поджо, служивший секретарем в течение тридцати лет — с 1423 по 1453 год, считался любителем непристойных шалостей, зачастую отдающих дурным вкусом, и оставил после себя множество внебрачных детей (ему также приписывали и много чужих), то многие его коллеги вызывали только уважение. Среди них были знаменитый путешественник и великолепный эллинист Йоханнес Ориспа; известный писатель Флавио Бьондо, отсылавший в течение тринадцати лет (1434—1447) папские грамоты; будущий папа Энеа Сильвио Пикколomini и его друг Пьетро де Ночето; родившийся в семье венецианца в Негрепонте и проживший там долгие годы Никколо Сагундино, избравший себе греческое имя (Николай) и ставший официальным переводчиком на соборе, посвященном унии. А также Лео Баттиста Альберти, прославившийся своими трактатами по архитектуре, скульптуре и живописи; затем двое епископов: Кристофоро Гараттони — епископ Корона в венецианской Греции и Доменико де Капраника — епископ Фермо в Марке, позднее ставший кардиналом.

Принадлежность к группе апостольских клерков, естественно, порождает общность интересов, накладывая отпечаток на всю жизнь: Леонардо Бруни, хранитель печати флорентийской сеньории, живший в Риме во времена схизмы и с 1405 по 1414 год являвшийся членом папского двора, вернувшись в родную Тоскану, хранит живые воспоминания об этом времени и преданность папе. Позже многие из своих про-

изведений он посвящает папам: Мартину V — перевод «Этики» Аристотеля, Евгению IV — перевод «Политики».

Многие из этих людей уже прославились; другие только готовят себе великое будущее, поскольку папская канцелярия, несмотря на самые рутинные обязанности, все же является прибежищем и школой для блестящих умов. Находящаяся в непосредственной зависимости от папы и под его покровительством выдающаяся группа *curia pontificalis* порождает и укрепляет в этой тихой гавани, расположившейся в самом центре беспокойного города, любовь к античности и интерес к человеку вообще. Когда при первых папах, правивших после 1420 года, столь часто стали затрагиваться вопросы отношений с христианским Востоком и Союза Церквей, эти клерки и нотариусы стали для Запада самыми активными проповедниками эллинизма.

Финансовая палата, называемая *апостольской*, имеет, конечно, совсем другое назначение. В ней трудятся бухгалтеры, финансисты, дельные управляющие, неустанно заботящиеся о доходах Церкви, способные ловко удовлетворить насущные потребности. Доходы, естественно, впечатляющи. Поговаривают (и не без оснований), что папский двор присвоил себе все доходы, увеличил налоговые поступления, конфисковал различного рода прибыли, проделав все это с удивительной изобретательностью и огромным упорством. Если в течение долгого времени папы пытались существовать на доходы от своих обязанностей, большей частью на поступления от земельного налога, то авиньонским папам успешней, чем всем другим западным правителям, удалось развить финансовый аппарат, создать внушительную налоговую систему с бесконечно разнообразными источниками прибыли. Почти всегда этого достигали путем элементарного захвата и присвоения. Будь то введение десятин, предпринятое главным образом в целях борьбы против неверных (причем облагаемые налогом доходы и проценты определялись Римом для каждой епархии, каждого при-

хода, каждого духовного дома в отдельности), или церковные бенефиции, с которыми было связано невообразимое количество самых разнообразных налогов. Речь шла о таких видах прибыли, как *службы*, *визиты* (специальная пошлина, налагаемая на получателей бенефициев во время их обязательных визитов в Рим), *трофеи*, *каникулы* (получаемые после смерти каждого из них) и *аннаты* (доход после первого года службы каждого нового бенефициария).

К этому добавлялись поземельный оброк, выплачиваемый аббатствами, напрямую зависящими от Рима, а также «политические» доходы, состоящие из дани, поступающей от зависимых князей, и обычных поступлений от государства, непосредственно управляемого папой римским, начиная с Марке и заканчивая окрестностями Рима: дорожная пошлина, пошлина на перевозимые товары, налог на продажу, штрафы и конфискации, откупы на монополии. Но самым большим источником доходов, небывалой удачей для папы, стало огромное месторождение квасцов, открытое на папской земле в Лацио, возле городка Толфы. Наличие этих богатейших рудников позволило смягчить тяжелый экономический кризис, вызванный потерей аналогичных шахт в Фокее во время нашествия турок в 1456 году, и вновь пополнить магазины, склады, а также цеха по производству сукна во всей Европе. Квасцы были абсолютно незаменимы в красильном деле, этот товар являлся предметом самой активной морской торговли, и нехватка его в то время становилась чуть ли не катастрофой для производителей тканей. Это открытие папа оценил как «прекраснейшую победу, какую мы когда-либо одерживали над турками!» И действительно, в 1460 году, буквально на следующий день, Толфа ощутила небывалый наплыв народа, превратившись в настоящий неимоверно быстро растущий промышленный город, который в скором времени украсили величественные дворцы и наводнила целая армия мошенников, бюрократов, посредников и комиссионеров. Чивитавеккья внезапно превращается в один из важнейших складов и портов Средиземноморья; рудники сдаются в аренду, причем папа устанавливает на них

единую строгую монополию под страхом отлучения от Церкви компаний, принадлежащих генуэзским и флорентийским финансистам; осуществляется отчисление в папскую палату каждого третьего дуката от дохода с продаж. Все эти факторы привели к чудесному и неожиданному притоку денег в папскую казну.

Поистине, прекрасная победа... Толфские квасцы вызывают огромную зависть, становятся предметом интриг множества влиятельных лиц, а также иностранных банков, рассчитывающих на поддержку местных кардиналов, ради получения права аренды, выдаваемого каждые пять лет. Таким образом, Толфа сыграла немаловажную роль в мероприятиях и сделках, предпринятых папой Сикстом IV во время заговора семейства Пацци против Медичи во Флоренции. Он даже пошел на отлучение от церкви своего заклятого врага Лоренцо.

Во главе апостольской палаты, имеющей весьма строгую систему управления, стоит папский *камерарий*, который является настоящим премьер-министром и круг обязанностей которого не ограничивается чисто финансовыми проблемами. Он также дает советы, вмешивается в различные дела, раздает указания. Бок о бок с ним, однако в большей мере ограниченный функциями контроля над учетом, работает *казначей*, распоряжающийся золотым и серебряным запасом, а также, что гораздо чаще, запасом драгоценных камней, которые тщательно проверяются, иногда используются для украшения тиары или реликвария, но в трудные времена и продаются. Казначей держит в своих руках тесемки кошелька, которые не так-то легко отпускает, а своими отказами выплатить то, что обещал сам папа, стяжает себе скверную репутацию как среди служивого люда, так и среди художников и ремесленников. Его побаиваются. Он — влиятельная фигура, человек, проверяющий буквально все: от счетов сборщиков налогов и должников до всевозможных случайных счетов, порой удивительно пустякового характера (настоящая золотая кладовая для современных историков!).

Небольшое отделение финансовых служащих, тру-

дящихся под бдительным оком двух начальников, состоит из пяти или шести старших клерков, нотариусов, бухгалтеров, писцов и курьеров. Рука об руку с ними работает специализированный трибунал, представляющий собой небольшой штат судей, постоянно занятых распутыванием сложных конфликтов, связанных с разграничением полномочий, и разбором многочисленных дел по вопросу незаконного присвоения имущества, а также наказанием должников и мошенников. Пребывающий под неусыпным наблюдением и обосновавшийся в одном из прекраснейших папских дворцов монетный двор *zecca*, где чеканятся *ducati di caera* — красивые золотые монеты, хорошо зарекомендовавшие себя, равные или почти равные венецианским, генуэзским или миланским дукатам, тоже находится в подчинении палаты.

Разумеется, наличие в Риме подобного финансового аппарата, столь высокая концентрация фискальных ресурсов, такие денежные поступления способствуют постоянной активности, настоящей деловой суете среди более или менее авторитетных финансистов. Без некоторых из них уже трудно обходиться; они захватывают рынки, закупают на аукционах откуп налогов и монополии, прочно обосновываются в городе. Другие же, кто может похвастаться широкой сетью агентов или отделений, занимаются сбором налогов на периферии, вплоть до самых отдаленных провинций, получая выручку с десятин и бенефициев. Как некогда Авиньон, Рим становится одним из крупных финансовых и банковских очагов западного мира; здесь трансферты и меняльные конторы, разумеется, прямо связаны не с делами и крупной международной торговлей, а с жизнью двора. Это влияние, относительно незаметное на первых порах, в конце века становится все более ощутимым, особенно во времена правления двух пап Медичи. Целый квартал, расположенный вдоль Тибра напротив Ватикана, наполняется банковскими и меняльными конторами, дворцами, принадлежащими крупным компаниям. Этот квартал никогда не называли иначе, как *Банки* — по названию большой улицы, на которую выходят более тихие и незаметные улочки.

Здесь все флорентийские банки имеют собственные дома, в которых принимают многочисленных посетителей и просителей, где завязываются деловые отношения и заручаются поддержкой тех, кто имеет хоть минимальное отношение к системе папской курии.

Эти банкиры дают папе беспроцентную и безналоговую ссуду или покупают принадлежащие ему драгоценные камни и ювелирные изделия. Папе, как, впрочем, и почти всем правителям в то время, постоянно не хватает денег, хотя в его случае эта ситуация зачастую выглядит более драматично, и он вынужден прибегать к крайним мерам. Курия же из последних сил дает поручительства, предлагая, ради успокоения кредиторов, самые разные способы выхода из сложившейся ситуации. В августе 1461 года палата объявляет себя «полностью недееспособной», поскольку не может выплатить содержание даже охране дворца... Каждый новый папа по сложившейся традиции сначала подводит итог, подсчитывает то, что осталось в казне, пытаясь составить баланс. Так, Сикст IV спустя всего четыре дня после своего избрания устраивает в замке Святого Ангела большой банкет для своих кардиналов, после чего ведет их описывать казну: огромное и горькое разочарование! Они находят серебра всего лишь на семь тысяч дукатов. Все же оставшееся очень проблематично продать на рынке: великолепную тиару (оцененную в пятнадцать тысяч дукатов), посуду, ожерелья из жемчуга и драгоценных камней (на миллион дукатов). Необходимо также придержать пятьдесят серебряных кубков, наполненных жемчугом, на крестовый поход и возместить убытки одному кардиналу, задолжавшему крупную сумму денег, немедленно уступив ему самый крупный алмаз стоимостью семь тысяч дукатов. Все прекрасно понимают, что и на этот раз придется идти на обычные ухищрения. Папа незамедлительно увеличивает налоги, отдает их на откуп, продает по высокой цене все свободные должности, создает в большом количестве новые. Некоторые из них оказываются настолько бесполезными и надуманными, что спустя определенное время их приходится упразднить.

Сикст IV все-таки кое-что наскреб в сундуках казны, однако, когда он умер, они были практически пусты.

Поэтому его преемнику Иннокентию VIII пришлось проявить немалую изобретательность и создать, а потом хорошо продать пятьдесят две должности (по крайней мере, по пятьдесят дукатов за каждую). Их обладатели — они назывались *ceratori*, были очень довольны своим званием, так как должны были всего лишь ставить восковую печать на папские послания. А папа совершенно не скрывал, что создает эти должности лишь для того, чтобы обеспечить себе необходимые денежные поступления.

Драгоценности, хранящиеся в резерве, очень часто продаются. Все эти сундуки, наполненные ценными вещами, эти серебряные чаши и кубки, камни и жемчуга, эти восхитительные ювелирные изделия хранятся на черный день и предназначены только для того, чтобы было что продать в случае необходимости. На средства, вырученные от их продажи, затыкаются самые крупные дыры, затем запасы драгоценностей постепенно пополняются, и все живут надеждой на будущие щедрые подарки.

Таким образом, продажи и займы задают ритм жизни двора. В 1483 году Сикст IV для вооружения флота против венецианцев изымает из казны пятьдесят тысяч дукатов. Однако ему приходится заложить и все запасы серебряной посуды и даже священные сосуды. Он берет в долг практически у всех подряд, у всех банкиров, главным образом, конечно, генуэзских, оказывает на всех, вплоть до кардиналов, давление, чтобы те несли ему свое золото. Он даже не пренебрегает помощью со стороны мелких чиновников. Так, простой секретарь числится в его списках как внесший ссуду в размере пятидесяти дукатов!¹⁵

История этой апостольской палаты легко сводится к нескончаемо долгой череде всевозможных уловок. Папа, его казначей и клерки изыскивают любую возможность разжиться деньгами. Они отдают драгоценности казначейства под залог банкирам, а также в духовные дома и даже членам курии. Пий II, например, передал генуэзскому банку Чентуриони свою тиару со всеми украшениями: золотым яблоком и огромной жемчужиной, обрамленной семью алма-

зами; семейству Медичи — золотую скинию и большой хрустальный фонарь. В это же время у камерлинга и начальника палаты находится под залогом на сумму 4000 флоринов целая сокровищница сосудов и драгоценностей, множество старинных кувшинов, кубков и чаш, позолоченных или сделанных из чистого серебра.

В дальнейшем, когда сокровищница полностью или почти полностью заложена, палата выпускает из своих рук контроль над доходами Церкви. Она должна гарантировать займы путем уступки банкам права собирать налоги, пошлины, доходы с земель или таксу со вступления в духовный сан. Конечно, иногда ей все же приходится так или иначе возмещать и аннулировать долги, восстанавливать то или иное право, но список случаев передачи в залог по-прежнему остается довольно впечатляющим. Начиная с правления Николая V — в 1455—1456 годах, — в залог все чаще переходят обычные доходы местных правлений, в особенности Анконы в Марке¹⁶. Все уплывает из рук папских служащих; и государство в значительной своей части управляется арендаторами-кредиторами и тосканскими финансистами, число которых постоянно растет, людьми, занимающимися одновременно делами, финансами и политикой.

Список поистине грязных финансовых махинаций восходит к эпохе папы Александра VI Борджиа, который сам не колеблясь прибегает к конфискациям. Без тени смущения пользуясь вышедшим из употребления либо применяющимся до тех пор с большими ограничениями правом, он уверенно и неумолимо накладывает руку на все ценности прелатов, умерших во время их пребывания в Риме. Речь идет об украшениях, серебряных изделиях, предметах мебели и даже хранящихся в банковских сундуках деньгах. Он без тени стыда поручает составлять описи, вскрывать сундуки и производить обыск. Эти действия, разумеется, становятся причиной конфликтов с венецианцами, которые возмущены подобными мерами и, пользуясь сильной поддержкой, в итоге одерживают верх и сохраняют свои богатства. Тогда в качестве мишени выбираются самые уязвимые и разобщенные, те, у кого нет в городе ника-

кой серьезной поддержки. Испанец папа Борджиа устраивает многочисленные процессы над *marrani* — евреями, изгнанными из Испании. Поначалу их радушно встречали в Риме, они приняли другую веру, их признала римская Церковь. Однако затем некоторых из них заподозрили в лицемерии, общении со своими прежними единоверцами и даже в соблюдении прежних религиозных обрядов. Епископ Калахарский Пьетро д'Аранда (в Испании — Альфонсо Соарес), папский мажордом, в 1498 году был предан суду и брошен в темницу замка Святого Ангела. Против него дают показания сто свидетелей, правда, по большому счету, им нечего было сказать, но «его преступление состояло в его богатстве, имеющихся наличных деньгах... в его доме нашли 10 000 дукатов, и такая же сумма лежала на его имя в банке».

Папский двор — это также и трибунал или, точнее говоря, конгломерат постоянно меняющихся в количественном отношении более или менее специализированных судов. Зачастую их полномочия и функции довольно плохо определены, но в целом они образуют сильный и очень действенный судебный аппарат. Вопросами духовных дел, цензурой, различными нарушениями, рассмотрением проблем, связанных со льготами, занимается *апостольский духовный суд*, состоящий примерно из двадцати человек: судей (*младших пенитенциариев*) и писцов, руководимых кардиналом (*старшим пенитенциарием*). Что касается процессов и конфликтов, связанных с бенефициями, полномочиями, выборами, управлением, несоответствиями, то тут начинает действовать знаменитый *трибунал Роты* — собственная палата дворца. Наконец, всю эту систему венчают различные кардинальские трибуналы, избираемые и назначаемые папой, которые рассматривают важные дела, прошения, заслушивают истцов или их доверенных лиц. Это следственные и совещательные палаты, которые выносят свой приговор либо на рассмотрение папы, либо папской консистории — пленарного заседания кардиналов, возглавляемого понтификом.

Служащие резиденции и три главных административных учреждения, в большинстве своем обособившиеся в Ватиканском дворце или в ближайших окрестностях, находятся в непосредственной зависимости от папы и образуют избираемый и патронированный им княжеский двор, который чтит собственную иерархию и свои особые «тителатуры». Списки папского двора, составленные во времена некоторых пап, дают, по крайней мере, приблизительное представление о его численности, должностях и даже происхождении приближенных¹⁷ В реестре Евгения IV перечисляются все те, кто поступил в услужение, надев ливрею, а в списке 1503 года указываются те, кто получил траурные одежды для церемонии похорон Пия III¹⁸. Гораздо более полной является толстая тетрадь, составленная во времена Льва X и охватывающая период с 1514 по 1516 год, в которой в точности указываются все персонажи, вращающиеся во дворце. Прежде всего, следуя строго установленному порядку, в ней перечислены высшие должностные лица: двадцать семь *prelati domestici*, шестьдесят пять *camararii*, семьдесят девять *cubicularii* и девяносто три *scutiferi*. Итого двести шестьдесят четыре чиновника высокого ранга, чьи конкретные функции писарь не указывает. Затем — список их многочисленных приближенных также с указанием всех имен. Это уже приблизительно тысяча человек. Далее перечисляются такие люди, как капеллан, «хранители» библиотеки и архивов, дворцовая стража, разного рода служители, отвечающие за стол («общие» и «тайные» повара), белье и скатерти, буфет, золотые и серебряные изделия, мебель, а также садовники и конюшие¹⁹ Таким образом, в общей сложности насчитывается более двух тысяч служащих «курии». Они живут в самых разных условиях, имеют различную репутацию, владеют разным богатством. Стоящие, естественно, на разных ступенях иерархической лестницы, знающие свое место по рангу, они все-таки считают себя единым братством. Причем большинство из них прекрасно осознает всю шаткость и специфичность своего положения.

В то же время Рим — это не город одного-единственного двора. В большей степени, чем в столицах светских королевств и княжеств, в этом городе еще во времена авиньонских пап возникли и укрепили свои позиции другие социально-политические группы, клиентеллы и даже правительственные органы, приближенные и исполнители, влиятельные люди и их подручные, объединившиеся вокруг князей Церкви. Эти кардинальские дворы придают городу значительную долю его блеска, а в социальном плане — определенную самобытность.

В большинстве своем кардиналы сохраняют некоторую независимость. Тесно примыкая к какой-либо династии и подчиняясь ее главе, они являются принцами не по происхождению, но по своему значению, своим функциям, высокой ответственности и полномочиям. Свои обязанности в отличие от других членов курии, зависящих от многих случайностей и превратностей судьбы, они сохраняют за собой всю жизнь и при случае всегда могут надеяться на то, что им удастся сыграть решающую роль в управлении Церковью. И если одни в силу своего христианского смирения или следуя желанию жить согласно строгим принципам морали отходят на второй план и выполняют свои обязанности без лишней шумихи, то другие, напротив, постоянно находятся на виду, все время играют первые роли, живут в прекрасных дворцах, окруженные многочисленной пышной свитой.

Поначалу сан кардинала присуждался только тем, кто пользовался некоторыми бенефициями, занимал определенные должности. Таких было немного: двадцать пять священников, служащих в городских церквях, семь дьяконов из церковных районов Рима и семь епископов пригородных диоцезов (например, Остии, Альбано, Фраскати, Тускула). Образую Священную коллегию, они помогали папе в различных делах, в частности судебных, и главное — только они участвовали в его избрании на заседании конклава. Но, будучи столь важными избирателями и главными советниками, они постепенно за-

были о своих духовных обязанностях в Риме и его окрестностях. Ни священники, ни тем более епископы и кардиналы, чьи кандидатуры выдвигает папа, не были просто высшими сановниками. Несмотря на торжественные обещания, их число никогда не было строго ограничено, но, конечно, зависело от доброй воли папы римского, от его желания вводить высокие должности, от стремления понравиться королям и князьям, а также от намерения иметь при себе представителей различных наций²⁰.

Возвращение в 1420 году в Рим связано с важными изменениями: с момента избрания Мартина V большинство в Священной коллегии неизменно принадлежит итальянцам. К тому же почти все они проживают непосредственно в Риме. Евгений IV лично требует от многих кардиналов, чтобы они покинули свои дома в округе и поселились в городе, рядом с Ватиканским дворцом или, по крайней мере, в *Trastevere*. Держатели приходов охотно поселяются возле своих церквей, размещают там небольшое квартальное правительство со своими службами и зачастую с многочисленной клиентеллой. По сравнению с другими городскими постройками их дворцы заметно выделяются, свидетельствуя об определенном сане и полномочиях их владельцев. Чаще всего и в большинстве своем это люди выдающиеся, эрудированные, интересующиеся литературой и искусством. Некоторые приезжают из-за Альп. Они дают приют и оказывают поддержку своим землякам, которых приглашают к себе, епископам и аббатам, клирикам или мирянам, подателям прошений, а иногда и послам своего правителя. Среди итальянцев наиболее известными являются не римляне, а уроженцы других провинций; среди кардиналов всегда есть, по крайней мере, один венецианец, один флорентиец или тосканец, один генуэзец. Что касается Венеции, выходцам из которой регулярно передается приход Сан-Марко, то обычно говорят о «венецианском дворце», этом небольшом анклав в городе пап и римлян.

Кардиналы, их приближенные и посетители, эти небольшие церковные колонии, прекрасно дополняют и подчеркивают образ римского двора: космополитиче-

ского, многоликого, нестабильного, отданного на откуп превратностям судьбы, все более разрастающегося и становящегося все более открытым влиянию других европейских государств. Римский двор прекрасно владеет искусством управления и приспособлен к управлению государством. Однако по своему национальному составу он вовсе не является «национальным», он не ограничен узкими рамками. В его состав входят люди самого разного национального, социального, культурного происхождения, имеющие самые различные политические пристрастия.

В ПОИСКАХ ДИНАСТИИ

Город в руках мятежников

Папа никогда не был настоящим хозяином Рима. Им также не был ни единодушно избранный князь, ни «тиран», деспот, способный держать в повиновении все фракции, контролируемые, по крайней мере, часть города. Папа тем более не способен провоцировать или успокаивать сильные народные волнения, бунты или ужас, охватывающие целые кварталы, когда обезумевшие люди бросаются по первому зову на штурм дворцов. Здесь, как и во всех городах Италии, умение войти в политическую игру и подчинить ее себе всегда считалось большим искусством. Правда, овладеть им какому-нибудь иностранцу, а тем более иноземцу, кандидатура которого оказалась навязанной в результате выборов и у которого нет достаточно прочного династического будущего, сродни невыполнимой затее, вызову.

Хотя все, как участвующие в политическом процессе, так и наблюдающие за ним, едины в своих суждениях, никого не удивляет подобная ситуация, взрывоопасная, невыполнимо шаткая, и никто не видит, каким образом можно упрочить папскую власть. И все знают, что укрепление этой власти или, по крайней мере, обретение некоего подобия стабильности приводит к тому, что находящиеся зачастую на пределе своих сил римские папы вынуждены проводить стратегию, основанную на создании хитроумной и густой сети альян-

сов, внедрении (поистине хирургическая операция!) надежных, абсолютно верных их взглядам сторонников, а в лучшем случае — создании новых династий.

Некогда «римские» папы, те, кто принадлежал к одному из знатных семейств города, опирались на свой клан, уверенные в том, что найдут в его лице защиту от членов враждебных партий, завистливых врагов, также устремившихся на завоевание власти. До Авиньона, и еще во время схизмы, жизнь пап и Рима постоянно зависела от исхода борьбы между старыми влиятельными кланами за посты и должности, за поддержание и распространение их влияния. Церковь, разумеется, была одной из искомым сфер такого влияния. Эта воинственная знать, претендовавшая на чрезвычайную древность происхождения, на ходу придумывающая детали своего генеалогического древа или легенды о небывалой отваге, владела обширными земельными угодьями, расположенными в центре города, и свободно контролировала целые секторы и даже *rioni*. В ее владении также находилось огромное количество фьефов, укрепленных замков в римской округе и близлежащих провинциях. Таким образом, они окружали Рим поясом военных укреплений и при желании могли блокировать снабжение города. Во главе кланов (прежде всего, Колонна и Орсини) стояли люди, жившие как короли, настоящие правители государства, которые устраивали для своих детей брачные союзы с княжескими фамилиями. Вся Италия вынуждена была считаться с ними.

Борьбу между мятежными группировками анализировать очень трудно. Будучи запутанной, зачастую необъяснимой, она не поддается никакой логике и совершенно не вписывается ни в одну схему. Конечно, большое значение имеют традиции, права наследования, из-за которых часто вспыхивают ссоры, приводящие к нескончаемым и необъяснимым вендеттам, а также личные амбиции, несовместимость характеров. Гражданские войны (а речь идет именно о них) постоянно сталкивают Колонна и Орсини, но положение все время меняется — заключаются и расторгаются союзы с другими влиятельными семьями. Многочисленное се-

мейство Колонна (несколько сот человек) часто распадается на две враждующие половины, и это происходит за спиной глав рода, которые оставляют за собой право решать некоторые неясные вопросы, не собираясь выносить их на суд. В этом случае любой чужеземец, в первую очередь папа, может разделять и властвовать.

Таким образом, одним из непеременимых условий, одной из первостепенных задач завоевания папой подлинной власти является в первую очередь борьба против могущества этих римских кланов, по крайней мере, смягчение существующих конфликтов и использование их в своих целях. Но, по правде говоря, папа в течение очень долгого времени ничего подобного не делал. За исключением нескольких благоприятных моментов, в лучшем случае нескольких счастливых лет мирного правления, весь город вплоть до катастрофы 1527 года — до разграбления немецкими ландскнехтами и испанцами — был охвачен междоусобными войнами, которые чаще всего носили открытый и кровавый характер. Даты и факты говорят сами за себя. Так, в 1434 году Евгений IV, осажденный семейством Колонна, был вынужден обратиться в бегство. А в 1527 году те же самые Колонна призывают иностранные войска, чтобы удержать город в своей власти.

Взлеты и падения семейства Колонна

Мартин V, представитель клана Колонна, без раздумий поселяется у своих родственников и опирается на их поддержку. Однако кардиналы на состоявшемся после его смерти заседании конклава и, без сомнения, весь римский народ высказываются категорически против продолжения зависимости от Колонна. Евгений IV, Габриель Кондулмер, был венецианцем и выходцем из сравнительно молодого рода, особенно обязанного своим состоянием и положением церковным должностям. Сразу после своего избрания он сталкивается с враждебностью Колонна. Он старается поднять свой престиж и преумножить свои силы. Так, под командованием рыцаря тевтонского ордена и Марко Кондулмера укрепляется замок Святого Ангела; закупаются бомбар-

ды; неаполитанская королева Жанна предоставляет армию в четыре тысячи человек; в 1433 году происходит торжественная коронация императора Сигизмунда. В то же время, опередив Колонна, он стремительно начинает широкомасштабное наступление против этого семейства, прекрасно отдавая себе отчет в том, что никакие компромиссы невозможны, что Колонна стремится погубить его, замыслив один заговор за другим, и даже пытались отравить его. Он предаёт их анафеме, приказывает арестовать, посадить в тюрьму и казнить на площади на глазах у всего народа главу заговорщиков; в течение лета 1431 года более двухсот человек погибают в застенках замка и на эшафоте. Осенью 1433 года он решает нанести сокрушительный удар, вновь предав род Колонна анафеме и обвинив несколько вельмож клана во главе с кардиналом Просперо и герцогом Салерно в растрате, в обычном, заурядном воровстве. Он объявляет их врагами Церкви и приказывает конфисковать их земли, замки и все имущество в пользу папского престола. Но вскоре становится ясно, что сила далеко не на его стороне: Колонна, не мешкая, поднимают народ и устраивают в городе серьезные волнения. Они организуют нечто вроде «народного» правительства, которое составляют семь нотаблей, помпезно названных «правителями свободы». Все провозглашают отречение папы, который вынужден был скрываться в доме своего племянника кардинала Франческо, а затем — в *Trastevere*, в старом обветшалом здании возле церкви Санта-Мария. Он спешно покидает Рим, и его постыдное, невероятно смехотворное бегство еще долго служит пищей для толков. В тайне от всех папу уносит на спине один лодочник и прячет его на дне своей лодки, положив ничком и укрыв сверху щитом. Однако дело вскрывается, и разъяренные люди устремляются в погоню. К счастью, их лодка садится на мель, преследование оказывается невозможным, и отважные поборники справедливости стыдливо удаляются. Наконец, «беспреостанно причитающий и жалующийся на свою судьбу» папа может выбраться из-под щита! Однако приключение еще не закончилось: римляне поджидают его в Остии. Ему надо добраться морем

до Чивитавеккьи, где один капитан, а точнее корсар с дурной репутацией, некто Винчителло с Искьи, берет его на борт своего корабля и с попутным ветром доставляет до Пизы. Оттуда папа добирается до Флоренции, куда постепенно стягиваются придворные, каждый сам по себе. Все располагаются без всяких удобств в строениях, принадлежащих церкви Санта-Мария Новелла. В общей сложности, это безрассудное предприятие для папы, его советников, легата и военачальника Вителлески все же заканчивается редкой удачей. А именно, римляне вскоре понимают, что они не могут договориться между собой и что они не справляются с управлением государством. Начавшиеся беспорядки и голод подрывают доверие к «народному» режиму. Знатные бароны вновь поднимаются друг против друга. Евгений IV пользуется моментом, чтобы объявить о новом заговоре и потребовать наказать виновных: он получает помощь войсками из Неаполя, от Сфорца из Милана и, что самое главное, от семейства Орсини из Рима. Префекта города арестовывают и ему отрубают голову, а его должность, сведенную до функции почетного представительства, передают Орсини. Воодушевленный успехом, Вителлески атакует на юге Рима на их же собственных землях Колонна и их верных союзников Савелли. Папские войска захватывают *via Appia* и великолепную крепость Кагель Савелло, которую опустошают и разрушают до основания. Сразу вслед за этим, на сей раз при поддержке верных римских *rioni*, были захвачены замки Колонна. Особо знаменательным событием стало взятие их замка в Палестрине, которое было встречено в Риме всеобщим ликованием. В свою очередь Вителлески заслужил право на настоящий триумф. Под аркой Сан-Вито над ним поднимают балдахин из золотой парчи и сопровождают его до Сан-Лоренцо ин Дамазо, церкви, расположенной в *rione Parione*, квартале, принадлежащем Орсини. Собирались даже воздвигнуть в его честь конную статую из бронзы на площади Капитолия, а 14 августа, в день взятия Палестрины, каждый год назначать праздничные церемонии. Сразу же были восстановлены народные игры и бега, в частности на территории Капитолия¹.

Прежде всего, это явилось несомненной победой семейства Орсини над заклятым врагом. Эта победа, сопровождавшаяся неприменным ритуалом триумфа победителя и посрамления врага, во всей Италии и даже во всем западном мире веками служила примером борьбы мятежных группировок. Было принято решение до основания разрушить город Палестрину; его жителям дали всего неделю на то, чтобы собрать имущество и покинуть город. Это также победа Рима, коммуны, символом которой является Капитолий, победа его «народа» над одним из главенствующих баронских кланов. Для наблюдения за сносом зданий от каждого *rioni* был выделен мастер-каменщик. В надежде чем-нибудь поживиться вокруг собрались огромные толпы народа. Даже собор был разрушен, а его колокола переданы в дар церкви, расположенной в местечке Корнето, откуда был родом Вителлески и жители которого были торжественно провозглашены «римскими гражданами». Стоящие у входа мраморные колонны также были перевезены в Корнето для украшения дворца, который там начала строить семья Вителлески. В итоге папа, которым никто особенно не манипулировал, все же сильно увяз в конфликте между семейными группировками, причем он был вынужден выбрать себе лагерь и разделить славу и успех со своим легатом и городом Римом, которые стали его случайными союзниками. Несмотря ни на что папа достиг двойного преимущества. Первое — это что два крупных знатных клана были разбиты в своих же вотчинах и серьезно ослаблены по крайней мере на некоторое время. А второе состоит в том, что в результате захвата замков и дворцов, земель и богатств, конфискации фьефов и юрисдикций значительно увеличилось папское состояние.

В других случаях папа римский ставит себя выше междоусобных споров и выступает гарантом мира. Как западные князья, как некогда французские и английские короли, он тоже борется со знатью, этими «сеньорами»-

разбойниками. Так, в 1465 году Павел II наконец разрешает тяжелый спор с семейством Ангвиллара. Обосновавшиеся в своей вотчине в районе Тиволи и окопавшиеся в личных замках, представлявших собою настоящее бандитское логово, его члены, непрестанно клянясь в верности папе, грабили путешественников, проезжающих по *Номентанской дороге*, сея ужас везде, вплоть до стен Рима. Тогда Павел II заручается поддержкой герцога Урбино, Федерико де Монтефельтре и опять же семейства Орсини и бросает вперед армию своего кардинала-легата Фортигуэрра. В результате простой военной «прогулки» по землям врага тот был выбит и бежал сломя голову. Был захвачен ряд крепостей, которые пали под натиском солдат почти без сопротивления, а также огромные трофеи в виде золотых слитков, монет, драгоценностей, украшений и дорогой мебели. Схвачен главарь клана Ангвиллара, ему предъявлено обвинение в различных преступлениях, в том числе фальшивомонетничестве. Весь остаток своей жизни он проведет узником замка Святого Ангела, где и скончается, а все родовое имущество клана будет конфисковано в пользу Церкви. Отныне над башнями и дворцами бывших феодальных владений развеваются боевые папские знамена².

Спустя двадцать лет поднимает голову оппозиционное семейство Колонна, выдвигая серьезные претензии. Гнев клана Орсини и многих семейств, стоящих на их стороне во главе с кланом Крещенци и Санта-Кроче, направлен на старейшину рода Колонна Лоренцо, обвиняемого в том, что он не сдержал своих обязательств и не передал в залог мира обещанных укреплений. Собирается огромная толпа, люди ропщут, а затем штурмуют дворец, в котором укрывается Лоренцо. Здание было захвачено и полностью разграблено; Лоренцо схвачен и обезглавлен. Мощная папская армия под командованием Вирджилио Орсини направляется на штурм двух других более прочных укреплений Колонна. Одно из них сдается, а вернее, продается его капитаном. Другая же крепость держит оборону. Тем временем в папском лагере в обстановке интриг все сильнее затягивается подготовка к наступлению. Солдаты папы, окруженные любопытными римлянами, пришедшими

поглазеть на военное представление, предаются веселым развлечениям и в итоге разбегаются³.

Семейство Колонна вновь поднимает голову, громко заявляя о своих требованиях. Тем более что их, по крайней мере в первое время, активно поддерживает папа Александр VI, который, забыв о собственной обиде и подогреваемый воинственным настроением своей семьи, думает лишь о том, чтобы навредить клану Орсини. В июне 1496 года он объявляет о конфискации их имущества и повелевает занять два принадлежащих им замка, но после длительной осады самым жалким образом терпит поражение перед Браччано. Оба клана по-прежнему ведут непримиримую войну, а спустя три года под давлением французского короля папа вновь выступает против Колонна, объединив свои силы с армией графа де Бомона. В ходе мощного наступления, в котором отличился Чезаре Борджиа, оказываются занятыми Капуя, затем Неаполь и в завершение операции — все замки, принадлежащие клану. Многие города сожжены дотла, по дорогам бредут бесконечные вереницы пленных. Папа руководит разделом добычи, щедро одаривая своих друзей и сторонников, прежде всего кардиналов Гаэтани и д'Эстувия, затем отличившихся аристократов, потом своих близких. Так, сын Лукреции Борджиа и ее второго мужа Альфонсо де Бишелье Родриго получает титул герцога Сермонеты, а в придачу замки, предместья и близлежащие небольшие города. Собственный сын Александра VI Джованни, герцог Непи получает в подарок пять городов. Аббатство Субиако с большой рентой и около двадцати укреплений переходят в распоряжение семейства Борджиа, отныне занимающего в Италии крепкие позиции⁴. У семьи Колонна не осталось практически ничего из их огромных владений на юге Рима; их могущество в самом городе, кажется, сведено на нет.

А тем временем... Король Карл VIII и его победоносная армия возвращаются во Францию. 18 августа 1503 года умирает папа Александр, и его сын Чезаре вынужден бежать. За какие-то несколько лет все повторяется снова. Вновь объединяется и требует мести за массовые

убийства, преступления, грабежи и унижения часть семейства Колонна. Они жаждут отомстить за поруганную честь и пролитую кровь, вернуть былой авторитет и водрузить гордые стяги на башнях замков и воротах дворцов, расположенных в самом сердце Рима... Ссора между мятежными группировками, готовыми биться до последней капли крови и уничтожить друг друга, родившаяся из воинственных устремлений или простого духа соперничества, вновь кажется неизбежной⁵. Колонна плетут интриги, собирают войска; надвигается опасность. Продолжение известно: для обеспечения их триумфа потребовался ввод императорских войск, в результате чего город был разграблен, разрушен и поставлен на колени (1527 год).

Конклавы: цели и опасности, таящиеся в них

Противостоя этим группировкам, которые постоянно возрождаются и представляют такую же опасность, как и до своего падения, имеют надежную опору среди укоренившихся в городе за века семейных кланов, кланов с многочисленными генеалогическими ветвями, опирающихся на идеальную династическую преемственность, многочисленных союзников и верных сторонников, папы прекрасно отдают себе отчет в том, что их собственных усилий не всегда будет достаточно. Власть пап является пожизненной — уникальный случай для Запада. Когда папа уходит из жизни, весь двор находится под угрозой резких перемен. Таким образом, папство представляет собой не что иное, как неустойчивое княжество. Вся его история выглядит пунктирной линией с непредсказуемыми интервалами, линией, прерываемой катастрофическими изменениями в повседневном течении дел. С кончиной папы все переворачивается вверх дном, все живет ожиданием нового. Весь город охватывают волнения.

Стремление быть в курсе событий, извлечь выгоду из результатов конклава и даже дать знать о своих предпочтениях или требованиях относительно избрания нового понтифика провоцирует сильные народные волнения. Толпа устремляется к Ватикану и замку Свя-

того Ангела, осаждает дворцы. Поднимается волна гнева против родственников усопшего и его приближенных, оставшихся без покровительства, чаще всего чужаков в городе, чьи интриги и высокомерие народ с трудом терпел все это время. Грабежи дворцов кардиналов, должностных лиц, бывших приближенных быстро становятся обычным делом. Хозяевам дворцов остается лишь спастись бегством за пределы Рима, переодевшись в чужое платье или благодаря помощи друзей. Членам всех папских родов в той или иной степени пришлось столкнуться с этими напастьми, собственными глазами видеть выломанные двери своих жилищ, вспыхивающие повсюду пожары. Самое главное, они не имели возможность спасти от разграбления свои сокровища и коллекции произведений искусства, гобелены и мебель — все то, что не смогли унести с собой. Семейство Борджиа имело подобный печальный опыт. В 1458 году, перед самой смертью Каллиста III Борджиа, народ полностью разоряет его дворец и многочисленные дома «каталонцев». Его племянник Родриго поспешно покидает город в сопровождении трехсот всадников и двухсот пехотинцев. Он был вынужден прибегнуть к большим уловкам, чтобы обмануть римлян по поводу цели своего отъезда. Однако очень скоро эскорт покидает его, и он добирается до Остии без единого слуги. Там он нанимает лодку и отправляется в Чивитавеккью. Некоторое время спустя он умирает, по всей видимости в результате отравления. Во всех папских владениях народ недолюбливает испанцев, и правителям часто приходится вставать на их защиту. Так, в Риме волна народного гнева обрушивается на кардинала Барбо, обвиняемого в подготовке побега Родриго и отправке крупных сумм денег в Испанию⁶.

Более полувека спустя сын папы Чезаре Борджиа также познает изгнание и забвение.

Пустующий папский трон практически всегда превращает толпу в хозяйку улиц. Кардиналы пробуют вести переговоры о сохранении «свобод», пытаются договориться и найти общий язык с магистратами коммун, ответственными за сохранение порядка. Чаще всего эти старания оказываются тщетными, а единст-

венное спасение видится в том, чтобы как можно скорее, желательно на следующий день после похорон, созвать конклав и затем представить городу нового папу. Спешно собирается Священная коллегия, охраняемая стражниками. Ей предстоит сделать выбор за несколько дней. Так, Евгений IV был избран меньше чем за два дня! И если до и во время авиньонского пленения заседания конклавов продолжались нескончаемо долго, вплоть до нескольких недель и даже месяцев, отныне голосование следует одно за другим. Впрочем, мнения сторон известны и исход дела можно спрогнозировать заранее. Еще одно новое обстоятельство: давление со стороны сильных мира сего теперь проявляется иначе, чем раньше. Теперь они действуют окольными путями, их вмешательство становится более завуалированным и только в редких случаях осуществляется грубо, с угрозой применения военной силы. Заседание конклава всегда проводится в Риме.

С середины века, начиная с правления уроженца Сиены Пия II и венецианца Павла II, Священная коллегия состоит в основном из итальянцев. Когда в 1471 году избирали Сикста IV, среди восемнадцати кардиналов было всего три иностранца. Правители других государств действуют через своих доверенных лиц, послов и специальных агентов. Они вступают в переговоры с кардиналами, которые еще не примкнули к той или другой стороне и пока не «проявили себя». Им сулят всевозможные блага, их одаривают крупными денежными суммами. Говорят, что в 1503 году французский король в надежде, что сумеет поспособствовать избранию своего фаворита, передал римским банкирам двести тысяч и генуэзским — сто тысяч дукатов. Неаполитанский король, король Испании, герцог Миланский, венецианцы, генуэзцы и, конечно, флорентийцы при каждом удобном случае поступали так же.

Естественно, в ход шли и другие способы оказания давления. Часто народ, руководимый одной из группировок, выкрикивал на улицах какое-нибудь определенное имя или, что случалось гораздо чаще, с редкостным пылом вопил о своем нежелании видеть на троне папу-иностранца. Особенно рьяно люди выступали

против какого-нибудь француза, а после правления семейства Борджиа выступали и против испанцев.

Сначала взвешиваются шансы, затем принимается решение. Так, венецианец Санудо рассказывает, что в 1503 году в противовес мнению кардиналов, которые сначала не давали кандидату никаких шансов на победу, римляне полагали, что тридцать и даже сорок пять процентов голосов достанутся уроженцу Сиены Пикколомини против всего лишь пятнадцати, двенадцати и шести процентов, отданных более известным личностям, и ни одного — кардиналу д'Амбуазу. И народ оказался прав⁷.

Пристроившиеся при дворе и обосновавшиеся в Риме банкиры (в основном тосканцы), одалживающие крупные суммы денег без требования возратить долг, или дальновидные спекулянты иногда просто ради самой игры включаются в предвыборную авантюру, готовые к любому повороту событий. Для крупных банковских компаний конклав приобретает решающее значение; о нем много говорят в финансовом мире, взвешивают все шансы, определяют степень риска. Все в том же 1503 году, после смерти папы Борджиа, банк Спанночи, будучи уже тесно связанным с Чезаре Борджиа, всячески поддерживает кандидатуру Пикколомини. Говорили, что банкирский дом должен выиграть как минимум двенадцать тысяч дукатов. Расчет оказался верным: Пикколомини был избран, и Джулио Спанночи становится папским казначеем... Но, видимо, судьбе было угодно распорядиться иначе: после всего лишь двадцати шести дней правления папа умирает, и банкиры, его кредиторы, теряют все свои вложения. А сделано их было ни много ни мало — на двести тысяч дукатов⁸.

Несмотря ни на что, в момент голосования собрание является свободным, оно предоставлено самому себе. Можно отчетливо вообразить все те изощренные шаги, обещания, расчеты и сделки, с помощью которых подготавливаются соглашения и снятие кандидатур в последний момент. Обо всем этом, об этой игре на конклаве в общих чертах рассказывают все хронисты, коллекционирующие различные городские слухи. А более подробно пишут об этом в своих воспоминаниях или письмах друзьям некоторые кардиналы. На-

пример, Пий II Пикколомини оставил два подробных рассказа, написанных его собственной рукой, в которых он довольно живо, часто не без иронии, повествует о заседаниях двух римских конклавов. На первом из них был избран Николай V Парентучелли, на втором, состоявшемся в 1458 году, — он сам. Это своего рода небольшие шедевры политического рассказа, оживленные тонким умом наблюдателя и превосходным знанием всех приемов игры.

Несомненно, заседание конклава является большим событием в жизни всего города. В значительной степени от него зависит судьба города, судьба огромного числа людей, во всяком случае, членов курии, а также политическая ориентация, равновесие между различными группировками и самими итальянскими государствами.

Вынужденные после схизмы провести два заседания в церкви Санта-Мария Минерва, кардиналы, начиная с 1455 года, проводят заседания в Ватикане, в одном из приделов базилики. Четкий церемониал этих выборов обусловлен рядом традиций и различных предписаний. Был установлен строгий надзор и предпринято огромное количество предосторожностей. Уже в Санта-Мария Минерва четыре разных ключа от зала хранились у четырех прелатов, а сам зал охранялся поочередно послами императора, короля Арагона и короля Кипра. Общий контроль осуществлялся представителем великого магистра Родоса. Еще более сложный порядок устанавливается в Ватикане. Ключи от дворца хранятся у епископа Червии и у одного из членов знатной семьи Конти. У знатных римлян и «хранителей» коммуны находится ключ от первой входной двери; ключ же от другой входной двери — у послов империи, Франции, Испании и основных итальянских государств. Наконец, вход на сам конклав охраняют прелаты, представители национальностей, представленных в Риме.

Кардиналы живут каждый в отдельной келье, на двери которой начертаны одна или две буквы. Они имеют право на двух слуг. В каждой узкой, не слишком удобной комнате можно увидеть скромную аккуратно расставленную мебель (кровать, стол, табурет...), постельное белье и сменную одежду, несколько флаконов (с маслом,

уксусом, мальвазией) и несколько горшочков с вареньем и марципанами, кое-какую посуду, непременно письменные принадлежности (тетрадь, красный воск для печатей, перья и чернильница) и, наконец, молитвенники и книги по каноническому праву, а также большое количество свечей. Еда, которую готовят ватиканские повара, для всех одинакова. Даже создается ощущение, что с каждым днем порции специально уменьшаются, как будто это может ускорить ход дебатов.

Процесс голосования не был простым, скорее как раз наоборот. Создается впечатление, что ни один автор серьезно не пытался составить четкое представление о нем. Дело в том, что с момента принятия Конституции, ратифицированной Александром III в 1179 году, требовалось две трети голосов, чтобы кандидат считался избранным. Но способы волеизъявления были разными. Поначалу голосование проходило с использованием бюллетеней, в которые каждый из присутствующих вписывал в произвольном порядке два или три имени: первым — своего кандидата, остальных — «из вежливости». Бюллетени складывались в потир либо в золотую урну. Их вынимали один за другим, зачитывали и тут же сжигали. Если прошедшее накануне голосование оказывалось безрезультатным, в тот же вечер или на следующий день назначалось новое.

Действовали также согласно «совету» или «одобрению» либо, следуя тогдашней формулировке, согласно «велению Святого Духа». В случае неясности результата один или несколько кардиналов «назначали» одного из присутствующих, заручались сначала поддержкой большинства, а потом и всего собрания. Но в этом случае была разница: говорили то о полном единодушии, то лишь о преобладающем большинстве. Во всяком случае, этот вариант был своеобразным компромиссом, способом выйти из затруднительного положения, возможностью не согласиться ни с одним из преобладающих мнений. Так, 20 сентября 1503 года в результате такого «одобрения» был избран кардинал Пикколомини — Пий III, хотя во время голосования он не получил ни одного из тридцати семи возможных голосов. Выбор пал на него, поскольку все знали, что он че-

ловек слабый, болезненный, стоящий на пороге смерти. Его пришлось внести в базилику святого Петра на носилках, и знаки почтения кардиналов вновь избранный папа принимал лежа⁹

Процедура избрания не всегда проходила в строжайшей тайне. Некоторые авторы даже рискуют описывать подробности голосования, заявляя о своей прекрасной осведомленности в этом деле. Церемониймейстер Йоханнес Бурхард утверждает, что во время подобного голосования в 1503 году он держал в своих руках бюллетени, подробное содержание которых излагает в своем «Дневнике»¹⁰.

В 1464 году в первом туре, к всеобщему удивлению, венецианец Пьетро Барбо получил двенадцать голосов. Этого было недостаточно, однако его кандидатура получила одобрение после того, как за него высказались еще четыре кардинала. Весь Рим ликовал и говорил о чуде: папа избран в первый же день!¹¹

Разумеется, сделанный выбор не всегда оказывался неожиданным и чудесным сюрпризом. Он был результатом тончайшей, зачастую непостижимой игры, столкновения изменчивых и едва уловимых течений. Результат никогда не известен заранее, и редко какой конклав избирает одного из тех, кто ходит в фаворитах. Недаром народная поговорка гласит: «Кто приходит на конклав папой, выходит оттуда кардиналом»!

Родившееся и вызревшее в бесконечных переговорах дело подготавливается при содействии сторонников и друзей. Разные народы рассчитывают на многое в этой игре. Испанцы, неожиданно появившиеся в 1455 году с приходом Каллиста III, были озабочены лишь тем, чтобы власть не ушла к другим. Король Франции, втянутый в войну за Неаполь, хотел бы иметь в Риме папосторонника. Тем временем все выступления заканчиваются провалом: еще слишком тяжелы воспоминания об авиньонском пленении и папстве, находящемся в услужении у короля, папском дворе, набитом соглядатаями и состоящем либо из лимузенцев, либо перигорцев¹². В 1458 году Гийом д'Эстувиль, почти двадцать лет носящий сан кардинала, выдающийся деятель, осыпанный милостями со стороны папы Николая V, номинальный

епископ Руана и еще шести епископств, четырех аббатств и трех крупных монастырей, в первом туре не набрал ни одного голоса. Во втором он чуть было не одержал победу, но в последний момент его обошел Пикколомини. У него было не больше шансов и на следующем конклаве, состоявшемся в августе 1464 года, на котором папой был избран венецианец Павел II. Во время сентябрьского конклава 1503 года войска короля Людовика XII встают лагерем вокруг города. Многие предполагали, что теперь кардиналом будет избран Жорж д'Амбуаз, архиепископ Руанский. Однако при первом же голосовании его вытеснила итальянская партия, избравшая Джулиано делла Ровере.

Более многочисленные итальянцы явно решили не пропустить ни одного иностранца, а на деле противостояли главным образом сторонникам бывших пап, стремившимся сохранить некоторые должности и прерогативы. Так, в 1471 году, после кончины Павла II, «паолески», его приближенные и сторонники-венецианцы, выступили против «пииски» — уроженцев Сиены и сторонников Пия II. Был избран уроженец Савоны, представитель семейства делла Ровере.

Все кардиналы хорошо знают, что результат не всегда зависит от заранее намеченного соотношения сил. Сколько маневров, умело подготовленных договоренностей терпят крах, когда все выступают единым фронтом и имеют возможность высказаться! Важны лишь разговоры, устроенные в тот же день, сила убеждения, умение припугнуть, показав опасность того или иного выбора и напомнив о былых досадных промахах. Разговоры не стихают и после заседаний: беседы ведутся во время перерывов и в течение дня, а по вечерам они еще больше оживляются и продолжаются даже ночью. Не без доли юмора и не упуская ни малейших деталей, Пий II пишет, как в 1455 году кардиналы, сторонники Алонсо Борджиа, тайком среди ночи с фонарями в руках, стараясь не разбудить соседей, пробирались в отхожее место, чтобы совещаться там. Но их обнаружили, и, потерпев фиаско, они вынуждены были капитулировать. Постоянно то тут то там образуются небольшие группы. Некоторые, напротив, обособляются, почти против своей воли изоли-

руясь от друзей. В 1458 году Пикколомини не хватало всего одного голоса, и Просперо Колонна уже готов был его отдать, когда два француза (первым был д'Эстувиль) буквально схватили его за руки и попытались вывести из зала. Он был вынужден сопротивляться и сумел избавиться от них лишь с помощью силы.

Кардиналы, являющиеся действительными кандидатами, разумеется, сдабривают свои выступления щедрыми обещаниями. Обычно они во всеуслышание заявляют о своих намерениях соблюдать свободы Священной коллегии, охранять независимость Церкви от притязаний князей, бороться против неверных и, после падения Константинополя в 1453 году, начать крестовый поход против турок. В частности, они пытаются заранее оказать кое-какие милости. Они доходят до того, что дают некоторым деньги на погашение долгов, а также обещают, что постараются хорошо пристроить их родственников. В конце века подобная практика получает широкое распространение и даже принимает столь значительный размах, что наблюдатели с полным правом могли обвинить того или иного в элементарной покупке голосов. Судьба выборов подсчитывается в золотых дукатах.

Вопрос об избрании Иннокентия VIII был решен в ночь на 29 августа 1484 года благодаря Джулиано дела Ровере, племяннику почившего папы, и кардиналу Борджиа, которые в самые темные ночные часы работали над тем, чтобы склонить на свою сторону Орсини. Так что шестеро простодушных кардиналов, мирно спавших в своих постелях, поутру с ужасом узнали, что новый папа уже выбран и что голосование остается не более чем простой формальностью. Одних общих заверений было бы недостаточно, и Джулиано демонстрирует свою щедрость до такой степени, что «раздевает себя самого». Он пообещал епископства, аббатства, провинции, управляемые папскими легатами, замки и охотничий домик. Помимо завидной должности легата над Патримонием (Папской областью) — самой близкой римской провинцией, расположенной вдоль морского побережья к северу от Тибра, кардинал Колонна должен был получить фьеф в Капрано, семь тысяч флоринов из будущих доходов церкви и неза-

медлительно двадцать пять тысяч на восстановление своего дворца, сгоревшего во время недавних волнений. Неизвестно, все ли обещания были выполнены в точности, но фактом остается то, что новый папа, даже не читая, подписал целую кипу прошений. Церемониймейстер Йоханнес Бурхард, который столь хорошо сыграет в дальнейшем роль блюстителя нравов, в свою очередь, получил два монастыря в Германии¹³.

В 1492 году, главным образом благодаря своему богатству, которое он щедро раздавал, папой был избран Родриго Борджиа. Он начал с того, что заверил каждого из присутствующих, что увеличит их доходы до пятнадцати тысяч дукатов. Кардинал Колонна получил аббатство Субиако с двадцатью восьмью замками, Савелли — базилику Санта-Мария Маджоре и Перуджу, провинцию, управляемую папским легатом; остальные тоже были вознаграждены соответствующим образом. Папа даже приказал выделить пять тысяч дукатов слугам венецианского патриарха, который был настолько болен, что все задавались вопросом, хватит ли ему сил проголосовать. Папа Александр VI Борджиа был избран, но с очень небольшим перевесом. Разразившийся скандал, о котором стало известно во всех государствах через их послов, наделал столько шума, что чуть позже, в январе 1505 года, Юлий II постановил, что впредь подобные выборы будут объявляться несостоявшимися, а кардиналы, продающие свои голоса, будут подвергнуты отлучению от Церкви (папская булла «Cum, tam divino»)¹⁴.

Пути к власти: сторонники и родственники

Сразу после своего избрания папа непрестанно мечтает утвердиться, укрепить свою власть, сохранить за собой доходы, достаточные для того, чтобы не разочаровывать своих сторонников и даже увеличить их количество, окружить себя как можно большим числом преданных людей. Конечно, римский народ почти всегда, испытывает он удивление или ошеломление, встречает папу восторженными криками. «У нас новый папа!» — эта весть разносится от собора святого Петра до самых крохотных улочек. Народ ликует, потому что

римляне не любят, когда конклавы затягиваются. При воспоминаниях о пустующем в течение нескольких месяцев троне святого Петра, о конклаве, проводящемся вдали от их дома, об авиньонском папстве и в еще большей степени о распрях внутри Церкви во время раскола их охватывает панический страх, что город перестанет быть центром и сердцем христианства. Поэтому избрание нового понтифика как по мановению волшебной палочки гасит все беспокойства. Тем более что народ находит в этом повод от души повеселиться и возможность что-то по мелочи украсть или кого-то серьезно ограбить. В Ватикане челядь и члены конклава полностью опустошают папский кабинет. Небольшие предметы мебели, белье, все вплоть до оконных украшений и перегородок сбывается перекупщикам ради небольшой выручки. Нередко приходилось тщательно охранять Сикстинскую капеллу, где происходило избрание папы.

Следуя некоей традиции, причины которой совершенно ясны, чего не скажешь о ее истоках, в городе грабят резиденцию вновь избранного: он будет жить в Ватикане, у него будет новая мебель и посуда, а в случае необходимости он прикажет возместить утраченное. В момент всеобщего замешательства народ не колеблясь наведывается и в некоторые кардинальские дворцы. В 1447 году римляне, поначалу решившие, что прибывший известить об избрании нового папы кардинал Колонна был избран сам, моментально бросились к его дворцу. Затем прокатился слух, что избран кардинал Капуанский, — тут же его жилище также было подвергнуто разорению. Когда, наконец, толпа поняла, что папой избран Парентучелли, она устремилась к его более чем скромному дому, но «поскольку он ничего не имел, у него нечего было взять». Во время следующего конклава во дворце Каллиста III толпа также ничего не нашла — ни серебряной посуды, ни дорогих тканей. В дальнейшем кардиналы стали заранее предпринимать некоторые меры предосторожности и выставлять вооруженных людей для охраны собственного имущества.

Избрание папы не означает, что он будет продолжать политику своего предшественника, а, наоборот, знаме-

нует собой политический и духовный переворот, который должны пережить Рим и Церковь. По крайней мере, большая часть людей на местах и рабочие команды меняются обязательно. Возникают конфликты в конторах и бюро курии, Священной коллегии, внутри группировок и семей, объединенных союзническими или родственными узами. Иногда это грязные интриги и скандалы, но чаще — столкновения идей, концепций правления и даже конфликты духовного характера¹⁵. Новый папа только и думает о том, чтобы в большинстве областей предпринять меры, противоположные тем, которые осуществлялись его предшественником, вознаградить своих сторонников и еще больше утвердиться самому. Эти преобразования затрагивают двор, город, весь духовный и деловой мир в Италии и далеко за пределами страны. Опасности подвергаются интересы сильных мира сего. От папской апостольской палаты зависят многие торговые комбинации, предоставление привилегий или монополий, аренда таможи в том или ином месте, сбор и доставка десятин. Если умирает папа, все оказывается под вопросом. В Генуе в ноябре 1454 года, когда все считали, что папа Николай серьезно заболел и долго не протянет, трое не самых активных и не самых богатых торговцев города внесли некоторую страховку, чтобы обеспечить себе выплату трехсот флоринов в случае, если папа скончается до конца года¹⁶.

Всем кажется, что события идут своей чередой; известно, что новый церковный властитель неизбежно пустит в ход любые средства, чтобы окружить себя верными людьми. Что касается города, то папа привлекает на свою сторону нотариусов, магистратов коммуны, сенаторов и членов правительства. Ко всему прочему ему необходимо добиться поддержки народа, поселив в сердцах людей надежду (которую не всегда способен оправдать). После своего избрания Александр VI Борджиа был принят как спаситель. Огромная толпа, следовавшая за магистрами и главами районов (*caporioni*), хлынула к Ватикану, чтобы приветствовать его. Шумная, ликующая процессия, освещаемая тысячью факелов, выглядела так причудливо, что видевшие ее могли подумать, что «это вакханки идут чествовать своего бога».

Под его окнами была устроена «карусель» — конные состязания¹⁷. В конце жизни его все ненавидели.

Единственная настоящая опора папы — семья, клан, друзья, дальние и близкие родственники, которых верховный понтифик может собрать вокруг себя и, чтобы упрочить их состояние, осыпать всевозможными милостями, назначить на важные и ответственные посты.

В зависимости от каждого конкретного случая, от происхождения самого папы это кумовство укрепляет достояние старинных фамилий или закладывает основу богатства новых, в большей степени стремящихся обзавестись сторонниками и обезопасить самих себя. Но во всех обстоятельствах с момента возвращения в Рим до самых страшных дней правления Александра VI (и даже вплоть до правления пап Медичи) эта практика являлась абсолютной необходимостью как основная силовая линия всей политики.

Папа-римлянин, Мартин V Колонна, приходящийся родственником самым влиятельным представителям дворянства города и Патримония, лишь перенимает традицию, существовавшую до 1300 года, до французского папства в Авиньоне. С его приходом вновь наступают «старые добрые» времена внутригородских войн. Очевидно, он преследует цель не только утвердиться в городе (ему действительно удалось стать хозяином, силой, и каким образом!), но и разделаться с врагами своего клана, установить в Риме власть своих родичей. Он ведет себя словно деспот, наподобие тех, кто правит в многочисленных городах Северной Италии и особенно в Романье. Он приказывает приобрести земли для своих родственников и на это, по слухам, расходует около ста пятидесяти тысяч флоринов из денег Церкви (правда, ходят слухи и о том, что другой папа-римлянин, из семейства Каэтани, Бонифаций VIII (1294—1303) растратил пятьсот тысяч флоринов!). Духовный отец клана, патриарх, арбитр, Мартин созывает большой семейный совет, нечто вроде сейма синьоров Колонна, и в 1427 году настаивает на разделе ранее приобретенных владений. Он устраивает своих родственников в ответственные учреждения, упрочив их по-

ложение многочисленными брачными союзами с видными римскими семействами (Аннибальдески, Мональдески) и даже с итальянскими князьями (Малатеста, Монтефельтре).

После него, начиная с 1431 года, это кумовство в той или иной степени опирается не только на семью, на родственные связи, но и на «национальную принадлежность» папы, которая сразу, с первых же недель после прихода его к власти, призывает ко двору многочисленных соотечественников. Таким образом, Борджиа были единственными папами не итальянцами, за исключением очень короткого правления фламандца Адриана VI (1522—1523). Однако начиная с Каллиста III, слывшего за очень скромного и осмотрительного старика (ему было семьдесят семь лет), но на самом деле всецело поглощенного вопросами религии и идеей крестового похода против турок, правившего всего три года (1455—1458), настало время испанцев. С тех пор они прочно обосновываются в Ватикане. Они устанавливают свои законы, подкупают полицию и судебные органы, думая, что им позволено все. «Чтобы польстить им, кое-кто из римлян даже говорил с испанским акцентом»¹⁸. Гостящие епископы Кастилии или Арагона вообще не идут в расчет.

С 1456 года Каллист начинает присваивать сан кардинала. В общей сложности он наградил им троих человек, в том числе обоих своих племянников: Родриго Ланзоля и Педро Луиса Мила. Родриго, будущий папа Александр VI, был осыпан всяческими милостями, в рекордный срок занял самые важные посты: заместителя начальника канцелярии, командующего папскими войсками, а также получил должность легата в папской провинции Марке. Слывя более блистательным по сравнению со своим юным братом, будучи, возможно, более дальновидным и, во всяком случае, более честолюбивым, Педро имел лучшую стартовую позицию: его назначили наместником патримония святого Петра с многочисленными замками, городским префектом Рима и управляющим замка Святого Ангела. В какой-то момент казалось, что его дядя, восполь-

зовавшись замешательством, вызванным смертью Альфонсо Великодушного, хотел провозгласить его королем Неаполя. Но Педро умер в молодом возрасте, и постоянно находившийся на первом плане неутомимый Родриго, этот грозный собеседник на конклавах и консисториях, способный своими точными действиями развенчать любую умело сплетенную интригу, обладающий удивительным умением снискать поклонение и преданность, остался единственным предводителем испанской партии, истинным главой Священной коллегии... вплоть до своего собственного избрания папой в 1492 году¹⁹. Два племянника, два кардинала, два князя... — а в Испании они оба имели весьма скромное происхождение.

Время племянников: дела Ровере и Борджиа

Неуемная жажда почестей, захваты и совмещение постов и должностей, открытая, почти бесстыдная практика покровительства и распределения в дальнейшем вдохновляет все семейства, имеющие отношение к папскому трону. Слово «кумовство» — не какая-нибудь выдумка, лексическая единица, а понятие, отражающее действительную и неотвратимую реальность. Можно найти конкретные примеры подобных случаев, когда племянник или, по крайней мере, один из родственников папы спустя короткое время в свою очередь становился папой. Такая практика встречается повсюду: у сиенцев Пикколомини — Пий II и Пий III; у лигурийцев дела Ровере — Сикст IV и его племянник Джулиано (Юлий II); у флорентийцев Медичи — Лев X и с небольшим перерывом Климент VII. Три династии, в которых трижды на папский трон избираются племянники, если не принимать в расчет случай, когда Джулиано дела Ровере, после смерти Сикста IV встретивший слишком сильное сопротивление тех, кто был против его избрания, решил возвести на трон выходца из знатной генуэзской семьи, близкой к его семейству, Джамбаттисту Чибо, который в течение многих лет был епископом своей родной Савоны.

Подобным образом, может, более скромно, но более изощренно, поступают венецианцы; они хорошо пристраивают своих кардиналов, друзей или родственников папы. Избрание Евгения IV, Габриеле Кондулмера, в 1431 году вовсе не кажется странным и никого не удивляет. Он был человеком большого таланта, но главное — сыном Анджело Кондулмера и супругом Бериллы Коррер, сестры папы-венецианца Григория XII. Благодаря этой родственной поддержке Габриеле Кондулмер сделал быструю и блестящую карьеру. Он все ближе и ближе подбирался к Риму: в двадцать четыре года он — епископ Сиены, затем — главный хранитель сокровищницы папского престола. Сын Николо Барбо Павел II приходился племянником Евгению IV по линии своей матери Полиссеры Кондулмер. Впрочем, папа назначил хранителем сокровищницы Церкви другого своего племянника, Франческо. Таким образом, у венецианцев передача тиары от дяди к племяннику осуществляется спокойно, хотя в данном случае передача папской короны к племяннику идет через сестер, носящих другую фамилию, без каких бы то ни было осложнений, с интервалом в несколько лет, через три поколения.

Родственники, несомненно, образуют очень сплоченную социальную группу, преданную понтифику. Это несокрушимый оплот его политики. Даже среди таких изворотливых людей, как семейство Борджиа, не было ни одного случая явного предательства или просто отступничества; ничего, кроме амбиций, которые всегда удовлетворяются. Они во всеуслышание заявляют о принадлежности к своему роду. Пий II Пикколомини разрешает одной из своих сестер, Лаудомии, вышедшей замуж за Нанни Тодескини, оставить знаменитое с тех пор имя для себя и своих детей. У нее было четверо сыновей, и все они были одарены фьефами и сеньориями (Андреа, Джакомо), постами при дворе (Антонио становится управляющим замка Святого Ангела, затем капитаном папской армии) или духовным саном (Франческо стал архиепископом Сиены). Для другой своей сестры, Констанции, он приказывает выстроить великолепный дворец, в придачу к

Энеа Сильвио у короля Шотландии. Пинтуриккьо.
Фрагмент росписи библиотеки Пикколомини в Сиенском соборе.
1503—1508.

Увенчание лаврами поэта Энеа Сильвио императором Фридрихом III. Фреска Пинтуриккьо.

Кардинал Джулиано делла Ровере.
Фреска Мелоццо да Форли
«Сикст IV и его двор». Деталь.
Пинакотека Ватикана.

Сикст IV и гуманист Платина.
Фреска Мелоццо да Форли
«Сикст IV и его двор».
Пинакотека Ватикана.

Надгробие
папы Иннокентия VIII.
Антонио и Пьетро
Поллайо. 1491—1498.
Бронза. Рим,
собор святого Петра.

Юлий II.
Деталь фрески Рафаэля.

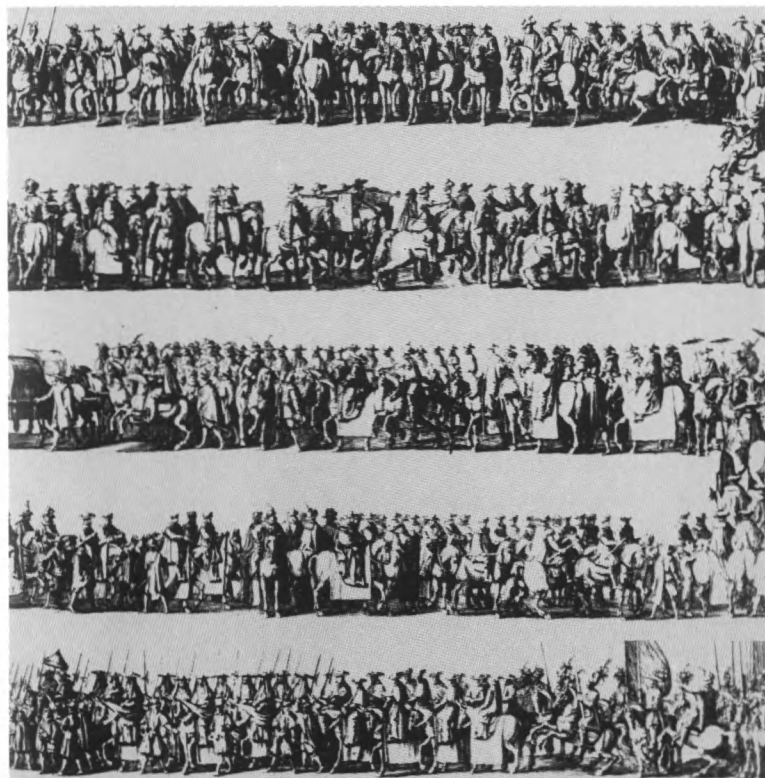

Александр VI Борджиа.
Деталь фрески Пинтуриккьо.

Александр VI Борджиа.
Аверс медали.

Процессия по случаю интронизации папы Александра VI
в 1492 году. *Гравюра того времени.*

Alexandro VI

En questa figliola carissima. La tua tria
Re e Patri gratissima per haver scritto
Et no ben esser. Non per un de chi u
E de la sua alouosa matre e stimo molto
bene. per presentate te Augusto come
ben uolente e genti ben tria del mio non
supra le cose de cento e delopone la
quid potio commoio al tuo Embaxata
defferata hanti de uero esser certi
que non perstimo di Enacte En el
ben esser e Augmento de quello est.
De Guya Castellana l'ultimo de O
tambre. Alexander. *ppa. V. m. m. m. m.*

Письмо Александра VI
своей дочери Лукреции.
Модена,
Государственный архив.

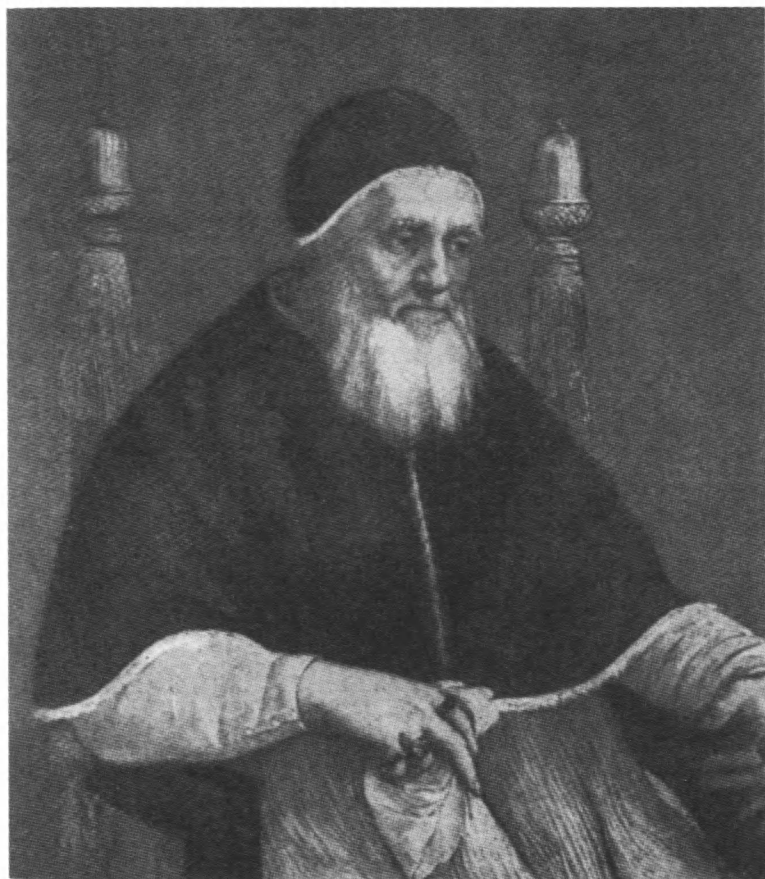
Благословение *Urbi et Orbi*, даруемое Александром VI.
Гравюра XVI в. Париж, Национальная библиотека.

Пий III (Франческо Пикколomini).
Гравюра Маркантонио Раймонди.

Папа Юлий II.
Портрет кисти Рафаэля.

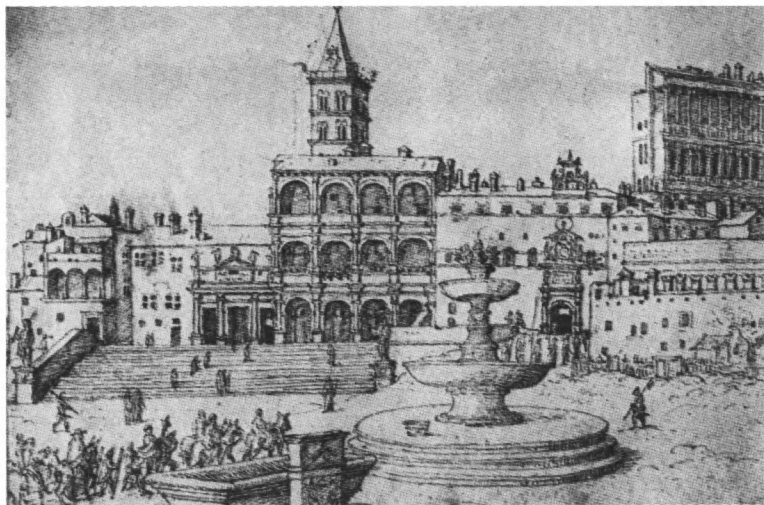
Страшный суд. Микеланджело. Фреска алтарной стены Сикстинской капеллы. 1536—1541.

Купол собора
святого Петра.
Микеланджело.
Рим.

Пьета.
Микеланджело.
Около 1497—1498.

Собор святого
Петра и Ватикан
в начале XVI века.
*Рисунок Мартина
ван Хеемскерка.*

Папа Климент VII
Медичи.
*Себастьяно
дель Пьомбо.
1526.*

Папа Лев X Медичи
с кардиналами
Джулио Медичи
и Луиджи Росси.
Рафаэль. Около 1518.

Собор святого Петра
до окончательной
перестройки.
*Рисунок Мартина
ван Хеемскерка.
Около 1534.*

Козимо Медичи.
†1464.

Пьетро,
сын Козимо.
†1469.

Джованни,
брат Пьетро.
†1463.

Герб Льва X.

Лоренцо
Великолепный,
внук Козимо.
†1492.

Джулиано,
брат Лоренцо.
†1478.

Папа Лев X, сын Лоренцо.
†1521.

Медали, выбитые в память дома Медичи.

Джулиано Медичи.
Сандро Боттичелли.
Около 1478.

Зал *Credo*
в покоях Борджиа
в Ватикане.

Портретная медаль
Иоанна VIII Палеолога.
Пизанелло. 1438. Аверс. Бронза.

Кондотьер Пиппо Спано.
Фреска Кастаньо цикла
«Знаменитые люди»
из виллы Кардуччи в Леньяйя.
Около 1450—1451. Флоренция, Уффици.

Поклонение волхвов. Джентиле да Фабриано. 1423. Флоренция, Уффици.

Двери базилики святого Петра в Риме.
Филарете. Около 1435—1445. Бронза.

Шествие волхвов.

*Деталь фрески Бенедикто Гоццолли. 1459—1461.
Флоренция, палаццо Медичи-Рикарди, капелла Медичи.*

Росписи Зала святых в Апартаментах Борджиа в Ватиканском дворце в Риме. *Пинтуриккьо. 1492–1496.*

которому дарит слуг-рабов. Личным доверенным лицом Пия II является сын его тетки Бартоломеи Григорио Лолли, который помогает ему и консультирует во всех деликатных делах. Один из Пикколomini, Алессандро Мирабелли, родственные связи которого не проявляются столь явно, получает должность мажордома Ватикана²⁰

Дело в том, что благосклонность папы была направлена не только на то, чтобы пристроить своего любимого племянника, проложить ему триумфальный путь к славе, обеспечить преемственность. Это дело будущего. Но в настоящее время его милость направлена на всех членов клана. Им, в частности, предоставляются земельные наделы, ответственные посты и главным образом прибыль.

Политика Сикста IV, не содержащая ничего нового, является во всех отношениях показательной. Он родился недалеко от Савоны, в небогатой семье, стал членом ордена францисканцев, затем учился и преподавал в различных университетах Италии. В 1464 году он становится генералом своего ордена, в 1467 году — кардиналом Сан-Пьетро ин Винколи и, взойдя в 1471 году в возрасте пятидесяти семи лет на папский престол, начинает прежде всего щедро благодарить тех, кто помог ему стать тем, кем он стал. Так, Латинино Орсини получает пост камерлинга, а Франческо Гонзага — аббатство Сан-Грегорио. Сразу после этого папа переносит все свое внимание и заботу на своих близких и вплоть до своей кончины в 1484 году старается устроить их как можно лучше. Менее чем через полгода после его восшествия на престол, состоявшегося 15 декабря 1471 года, Джулиано делла Ровере — сын его брата Рафаэля, и Пьетро Риарио — сын сестры Бьянки, становятся кардиналами. Два назначения, за которыми следуют две блестящие карьеры... Пьетро Риарио, любимый племянник папы, назначается епископом Тревизы, затем, в 1473 году — архиепископом Флоренции; его также знали как епископа Сплита, Менда, Севильи и Валенсии. Он прославился роскошью своего двора, баснословными расходами на дорогие ткани, гобелены, ковры и драгоценности. В сво-

ем дворце, расположенном возле его приходской церкви Санти-Апостоли, он содержит небольшую академию ученых и просвещенных людей, а также несколько сотен слуг. Однако в 1474 году он умирает очень молодым, оставив в наследство необыкновенную мебель, золотую и серебряную посуду на сумму триста тысяч дукатов. Сикст IV, опечаленный кончиной любимого племянника, которая расстраивала все его планы, приказывает изготовить для него гробницу из мрамора и переносит всю свою любовь и надежды на другого племянника, Джулиано. Последний, ставший кардиналом в двадцать восемь лет, сначала назначается (1473) епископом Карпентраса, затем в результате возникшей вакансии и, разумеется, без какой-либо веской причины получает множество епископств: Лозаннское, Авиньонское, Констанцское, Мендское, Савонское и Вивьерское. Образованный, страстно увлеченный литературой и философией, друг художников и поэтов, он ведет жизнь принца. По его приказу перестраивается церковь Сан-Пьетро ин Винколи, полученная в наследство от дяди, а также с роскошью обставляется большой дворец дель Вазо, принадлежавший ранее семейству Колонна. Им все восхищаются, поскольку он очень старается, чтобы его внушительная свита в сто всадников, его быстро ставшие знаменитыми пиры, его триумфальные въезды во время визитов в Болонью, Флоренцию и Милан потрясали воображение. Вскоре он становится легатом всей Италии, а в 1503 году принимает папский сан под именем Юлия II. Он устраивает блестящую карьеру для двух своих братьев. Старший, Леонардо, чудаковатый, болезненный, обиженный природой, становится префектом Рима, женится на внебрачной дочери неаполитанского короля, но вскоре, в 1475 году, будучи еще молодым, умирает. Младший, Джованни, в свою очередь становится префектом Рима и женится на Джованне, дочери герцога Урбино Федерико де Монтефельтре.

В 1477 году Сикст IV создает шесть новых кардинальских постов, три из которых предназначены для членов его собственной семьи: Кристофоро делла Ро-

вере — внука его сестры Бьянки, Рафаэля Галеотто Риарио и Джироламо Бассо — сына другой его сестры Лючины. Год спустя, 10 февраля 1478 года, кардинальскую пурпурную мантию получает Доменико делла Ровере, и, начиная с этого момента, в Священной коллегии заседают шесть племянников папы!

Рафаэль Галеотто Риарио, еще в семнадцатилетнем возрасте ставший самым молодым кардиналом, в 1483 году получает должность камерария, причем к этому времени он был епископом нескольких городов и аббатом Монтекассино. Он приказывает перестроить свою церковь Сан-Лоренцо ин Дамазо и окружает себя великолепным двором, состоящим в основном из прелатов. Говорят, во время трапез за его столом собиралось одновременно до шестнадцати епископов.

Эти дела Ровере представляют собой огромное семейство, и все племянники, количество которых не поддается точному подсчету, постоянно оказываются объектами бесконечных благодеяний, — во всяком случае, более двадцати человек в той или иной степени получили различные вознаграждения. Сестра папы Лючина, в замужестве Бассо, имела семерых детей, шестеро из которых были мальчики: Джироламо — епископ Альбенги, Климент — епископ Мендский, Леонардо — епископ Ажанский и Луккский, Галеаццо стал епископом Кутанса, а Франческо, прежде чем вступить в рыцарский орден госпитальеров, получил сан епископа Губбио. Пять братьев-епископов! Последний, Антонио, стал маркизом Чистерны в Лацио и женился на племяннице неаполитанского короля.

Папа делла Ровере, любитель распределять церковные бенефиции, епископства и кардинальские шапочки и вместе с тем очень трепетно относящийся к образцовому управлению своим домом и верному служению Церкви, благочестиво положил начало другой семейной стратегии, которая позже была продолжена (и все знают, с каким размахом) Борджиа. Так, Сикст с помощью удачной женитьбы вводит трех своих племянников в знатные княжеские семьи. Эта политика альянсов по меньшей мере увенчивается успехом

в случае Джироламо Риарио, брата кардинала Пьетро. Он родился в 1443 году в Савоне и поначалу вел довольно скромный образ жизни: лавочник, писарь в учреждениях, он был вынужден устраиваться там, где находил работу, — прежде всего в Александрии, Пьемонте. Однако папа, приходящийся ему дядюшкой, и его брат Пьетро достают для него (некоторые прямо говорят, что — покупают) небольшой городишко в Кампании под названием Боско, сразу превратив его в графство. Графство, честно говоря, смехотворное, но Джироламо тем не менее продолжает делать свою ослепительную карьеру. В 1473 году семейство пристраивает его в Имоле, вполне реальном графстве, являющимся камнем преткновения в споре между Римом и герцогом Миланским Галеаццо Сфорца. Семья дела Ровере платит сорок тысяч флоринов, и в 1477 году, после длительных и трудных переговоров по поводу помолвки, Джироламо женится на внебрачной дочери Галеаццо Катерине Сфорца. С тех пор для дела Ровере он становится гарантом прочного политического положения, королевской пешкой, которую они могут разыгрывать во всех шахматных партиях. Его называют «архипапой», он дает великолепные балы в своем дворце в Риме, в «палаццо Сан-Катерина», расположенном в *rione Ponte* неподалеку от церкви Сан-Аполлинарио, в огромных залах, украшенных гобеленами и прекрасными коврами²¹.

Двадцать пять племянников, восемь кардиналов клана, немыслимое количество епископств, которые они возглавляют по очереди, три огромных дворца — самых роскошных в городе, помпезные триумфальные празднества — вот последствия этой умело и с редким упорством проводимой папой стратегии кумовства. В то время как сам он старался держаться умеренности, в отношении своих родственников вся эта раздача благ и совмещение нескольких постов одновременно были превращены в золотое правило его политики.

Разумеется, среди его преемников были папы, которые подражали ему... или превосходили его на этом поприще. Дерзкие поступки и успехи в этой области Александра VI Борджиа были настолько известны всем,

до такой степени вызывали возмущение общественности, являясь предметом слухов и давая обильную пищу для размышления историкам, что кажется лишним говорить о богатстве его собственных детей (а не племянников на этот раз). Джованна, или Ваночца, Катанеи, происходившая из довольно скромной римской семьи, за пятнадцать лет родила ему четверых детей, которые на удивление быстро оказались отлично обеспеченными. Старший, Чезаре, родившийся в 1475 году, сначала был архиепископом Валенсии и кардиналом, однако затем отказался от пурпурной мантии и сана священника, посвятив себя политике и военному делу. Он женился на Шарлотте д'Альбре, стал герцогом Валентинуа и, славя мастером всевозможных интриг, надежным советником и опорой папы. В 1497 году герцог Гандии Джованни погиб от рук своего собственного брата Чезаре. Гоффредо стал князем Скуиллаче в Калабрии и по очереди удачно женился на двух арагонских принцессах. Наконец, Лукреция в 1493 году вышла замуж за Джованни Сфорца, затем в 1498 году — за внебрачного сына неаполитанского короля герцога Салерно Альфонсо де Бишелье, которого тоже убил Чезаре, и в 1500 году в третий раз — за Альфонсо д'Эсте из Феррары.

От Джулии Фарнезе папа Борджиа имел троих детей, один из которых *Infans Romanus*, Джованни, родившийся в 1494 году, стал герцогом Камерино и Неппи.

Папы Медичи Лев X и Климент VII, возможно, с меньшим успехом и меньшей смелостью, но, во всяком случае, с большей гибкостью и сдержанностью все еще придерживаются той же стратегии вплоть до разгрома города, в котором и восставшие римляне, и виновные в массовой резне хотели видеть справедливое возмездие Божье.

Но, начиная со времен правления делла Ровере и заканчивая правлением клана Борджиа, история папской семейственности не обязательно одинакова. С 1480 по 1490 год и в 1500-е годы, за какой-нибудь десяток лет, политика, направленная на завоевание власти, меняется: происходит переход от поиска и захвата епископств, пути, присущего сугубо Церкви, к широкой территориальной политике, княжеским

альянсам, передаче и созданию графств и герцогств. Поступок Чезаре Борджиа, отказавшегося от сана кардинала, становится символичным. Отныне главным являются браки и войны, та политическая игра государя, которую очень хорошо анализировал Макиавелли. Папский двор теперь устроен иначе, он во все большей степени вмешивается в политические игры. Папа хочет править не только Церковью и держать в своих руках Италию не только духовностью. Одновременно он пытается упрочить свою династию, и это лучший способ по сравнению с предоставлением привилегий и теплых местечек, что достаточно ненадежно и всегда ставится под сомнение после смерти папы. Таким образом, можно найти вполне логичное объяснение этому продвижению к северу через Урбино и дальше на юг через Имолу путем заключения брачных союзов с королевской семьей Арагона, союзов между детьми внебрачными, но владеющими графствами и княжествами по всей Кампании и Калабрии. Дети и внуки Борджиа действительно создают княжеское потомство, способное и после его смерти устоять на ногах.

Что касается Церкви, то папа довольствуется тем, что заполняет все учреждения и Священную коллегию своими сторонниками и ставленниками. Кардиналы на местах всеми правдами и неправдами пытаются сдерживать этот массовый приход новичков, большинство из которых абсолютно преданы своему господину, или хотя бы поддерживать некое равновесие. Подавляющим большинством голосов они отказываются утверждать эти назначения, которые зачастую выглядят нелепо из-за возраста кандидата на продвижение, отсутствия у него необходимых достоинств и способностей. Во время заседания конклава и особенно непосредственно накануне голосования они пытаются заставить каждого подписать некую хартию, документ, содержащий строгие правила. Так, в 1464 году, после смерти Пия II, число кардиналов не должно было превышать двадцати четырех. Все они должны были быть образованными, хорошими богословами, и им должно было исполниться не меньше двадцати лет. Папа мог

советоваться с ними только открыто, принародно, а не с глазу на глаз, чтобы потом хвастаться несуществующим большинством.

Двадцать лет спустя, в 1484 году, когда умер Сикст IV, в подписанной всеми хартии значится прежнее количество кардиналов для Священной коллегии (двадцать четыре), однако возраст их должен быть не менее тридцати лет. Также настоятельно проводится мысль о том, что среди кардиналов может числиться лишь один папский племянник.

Красивые обещания и даже клятвы... Но известно, что они почти никогда не исполнялись.

Александр VI откровенно пользовался подобными обещаниями, тем временем увеличивая число назначений по своему усмотрению. В сентябре 1493 года, решив удовлетворить все пожелания одновременно, он произвел в кардинальский сан сразу двенадцать человек. В лице каждого из них была представлена одна из стран-союзниц или то государство, которому надо было угодить. С одной стороны, это были Венеция, Флоренция и Милан, а с другой — Польша, Англия, Франция и Испания. Среди новоиспеченных кардиналов был молодой человек пятнадцати лет от роду — Ипполито д'Эсте («чья роскошь и распутство должны были ослепить Рим, и который, если верить молве, из-за любовной ревности выколол глаза собственному брату»), а также три близких папе человека: его сын Чезаре, Джулиано Чезарини — деверь его дочери Джироламы Борджиа, и Алессандро Фарнезе — сын Джулии Фарнезе. Два последних, как утверждал Александр VI, были выбраны «дабы доставить удовольствие римскому народу»²². Спустя семь лет происходит назначение новых двадцати кардиналов, двое из которых принадлежали к семейству Борджиа (внучатый племянник папы Пьер Луиджи и папский казначей Франческо). Среди них был также Аманион д'Альбре, брат жены Чезаре Шарлотты, и шесть испанцев, двое из которых приходились папе прямыми родственниками. Наконец, в мае 1503 года назначаются девять других кардиналов: пять испанцев, один немец и три итальянца, среди которых был личный друг и доверенное лицо папы Адриано ди Корнето.

Также благодаря этим назначениям, и порой весьма ощутимо, происходило увеличение казны Церкви, во всяком случае — папской. Путем прозаического взимания денег с тех, кто выдвигался в кандидаты, Александр VI получил от ста тысяч до ста тридцати тысяч дукатов.

Конечно, взрывам возмущения не было ни конца ни края. Подобная практика, столь часто противоречащая былым порядкам и резко ущемляющая прерогативы кардиналов, усугубляет негативный образ римского двора, позабывшего о своих духовных обязанностях. Придворные злоупотребления порождают лавину пасквилей, и слухи о коррупции и безнравственной репутации двора распространяются по всей Европе. Например, пишут, что Рим — не что иное, как прибежище негодяев, а при дворе буквально все становится предметом торговли. Мошенники занимают главенствующее положение, орудуя даже в папском окружении. Один фабрикует поддельные буллы, другой торгует разрешениями на брак. Несколько виновных брошены в «каменные мешки», откуда никто никогда не выходил живым, другие повешены или обезглавлены на городской площади. Однако все эти темные махинации продолжают, и повсюду говорят, что уверенные в своей безнаказанности убийцы больше даже не скрываются. Когда на следующий день после убийства герцога Гандийского Джованни Борджиа допрашивали одного моряка, тот охотно и спокойно рассказал, что видел двух мужчин, бросавших ночью в море чье-то бездыханное тело. Ничуть не смущаясь, он признался, что не придал этому факту почти никакого значения, во всяком случае, достаточного, чтобы кого-нибудь поставить в известность о происшедшем. Сие событие показалось ему абсолютно рядовым, ведь подобное ему случалось видеть столько раз!

Можно было бы посвятить целую главу (и даже целую книгу) всему этому — насилию в городе, в котором не было достойного управления, злоупотреблениям пап и их приближенных, бесчестности придворных и громким скандалам.

Здесь следует сказать, что даже среди современных авторов мало найдется таких, которые дали бы себе

труд отступить от основной темы, чтобы вникнуть в социально-политическую обстановку, представить анархическое состояние города, а также показать, что причина чаще всего кроется в беспринципности и нечестности, растратах и жульничестве, присущим политическим силам любого происхождения.

В Риме же именно в этом, несомненно, находят для себя пищу авторы обширной критической литературы всех жанров. Речь идет о необыкновенно быстро, буквально на ходу сочиненных народных песенках, оскорбительных плакатах, шуточных, чтобы не сказать непристойных, пасквилях, некоторые из которых остались анонимными, а некоторые были подписаны (авторство Поджо). Сюда же можно отнести стилистические упражнения прелатов, епископов и даже самих кардиналов, зачастую копирующих некоторые сатирические произведения античных времен. Тема одна и та же везде, начиная с длинных трактатов риторов и кончая письмами послов, от рассказов путешественников до хроник или дневников простых римлян. Во времена правления Александра VI испанские епископы выдвигают папе настоятельное требование положить конец всем злоупотреблениям, вести более скромный образ жизни.

Все это — и кипение общественного мнения, и небывалая активность критиков — буквально кричит о необходимости реформы Церкви. Даже если не принимать во внимание отдельные слишком резкие высказывания некоторых авторов, все же нельзя не заметить, что все голоса сливаются в единодушном осуждении кумовства, превратившегося в подлинный бич того времени, а также всех его плачевных последствий. Авторы едины в своем осуждении вызывающей роскоши и торговли льготами и индульгенциями, должностями и бенефициями, неуклонного и мощного проникновения римского двора в светскую жизнь и политические игры...

ДВОР КАК ОН ЕСТЬ

Показная роскошь

Подробно рассказывать о пышности папского двора, его излишествах и неприглядных сторонах, показывать непомерные расходы, выделяемые на праздники и важные церемонии, стало вполне естественным побуждением любого автора. Некоторые оказываются неутомимыми рассказчиками, легко дающими потрясающие уроки морали. Подобная историографическая литература существует и в наши дни, а средневековые авторы находили пищу для размышлений прежде всего во времена реформы Церкви, обрушиваясь с яростной критикой на католическую иерархию, в особенности на авиньонских, а затем на римских пап. Весь церковный аппарат становился предметом пристального и не всегда беспристрастного наблюдения. Критики обрушивались с нападками в первую очередь на показную роскошь, которой в то время бессознательно кичились.

Тон был задан Йоханнесом Бурхардом, уроженцем Хаслака, расположенного недалеко от Страсбурга. В 1481 году он приехал в Рим и два года спустя за очень большие деньги, а именно четыреста пятьдесят дукатов, купил должность церемониймейстера, которую впоследствии занимал более двадцати лет, вплоть до 1506 года. Желая следовать принятому этикету, он начинает с того, что пишет *Liber notarum*, пособие для

церемониймейстеров, затем простую хронику придворной и частной жизни времен правления Александра VI Борджиа. В ней автор подробно описывает обряды, религиозные процессии, церемонии восшествия на престол, но вместе с тем достаточно внимания уделяет и малопристойным историям, скандалам, политическим убийствам и убийствам с целью ограбления¹. Именно благодаря ему мы можем проследить день за днем за всеми празднествами и развлечениями римского двора, или, точнее, дворов Рима. Именно благодаря ему распространяется образ Рима, достойный сожаления. Этот «Дневник церемоний» способствовал тому, что были выдвинуты серьезные обвинения против папы и его приближенных, потворствующих моде, практике протекций и всевозможным порокам, против тех, на ком лежит ответственность за падение нравов.

Затем появилась созданная уже совсем в другом стиле «Похвала Глупости» (1511) Эразма Роттердамского. С тех пор в течение нескольких поколений эту золотую жилу неутомимо разрабатывали все авторы вплоть до Якоба Бурхарда и его «Цивилизации Италии в эпоху Возрождения» (1860), произведения, которое до сих пор служит эталоном и полностью соответствует общему антипапскому настроению, антипапской направленности: весь Рим утонул в разврате, и это зрелище было поистине невыносимо. Андре Шастель привел не один пример того, что яростная критика и категорическое осуждение сыграли не последнюю роль в разжигании ненависти во время разграбления Рима в 1527 году: варварские толпы ландскнехтов видели в этом предлог, чтобы из церквей и дворцов тащить сокровища и туго набивать свои карманы, прикрываясь критикой богатства Церкви.

Другое идейное течение однозначно настаивает, что римский двор погряз в роскоши и что этот факт подлежит решительному осуждению. Оно тесно связано с тем осуждением, которое начиная с XIX века распространяется на все, что имеет отношение к личной монархической или княжеской власти, ее вызывающим проявлениям, существованию группы низкопо-

клонников. Расходы двора до неприличия огромны, это неоспоримо. Подобный факт выглядит вызывающе и даже аморально. Так утверждают все без исключения, забывая о том, что всякое централизованное бюрократическое государство неизбежно порождает свои собственные структуры и предполагает определенный образ жизни, не считаясь с расходами на представительские нужды и некогда престижные «народные праздники».

Несомненно, ни папский, ни большинство кардинальских дворов не представляют собой образцов обычной скромной жизни с ее ежедневными заботами о хлебе насущном. Редко встречаются такие люди, как папа Каллист III, который приучает себя к простой жизни без каких бы то ни было излишеств, а еще реже попадаются такие, кто, как некоторые из кардиналов, ставших олицетворением добродетели, отходят от мира или отказываются от доходов с должности, раздавая все свои деньги нищим и ведя скромный образ жизни при своих церквях.

Князья Церкви ведут себя, с небольшой лишь разницей, подобно другим князьям, их современникам, демонстрируя самые разнообразные вкусы и пристрастия.

К тому же двор в Риме сохраняет привычки, которые сформировались в Авиньоне, и всячески пытается утвердиться с помощью именно роскоши. Демонстрировать многочисленную свиту, выставлять напоказ пышные и «нескромные» одежды, несоответствующие духовному сану и выполняемым обязанностям, предаваться разного рода развлечениям и мирским удовольствиям — все это для большинства сановников и придворных кажется обычным делом, даже хорошим тоном и не только допустимой, но и необходимой манерой поведения. Некоторые умы видят в Риме новый Вавилон, столицу порока и разврата, город Антихриста.

Хотя кое-кто из пап осторожно, но на самом деле достаточно эффективно пытается что-то предпринять. Сикст IV, который вел вполне скромный образ жизни, в 1474 году, находясь под впечатлением неожидан-

данной смерти своего племянника Пьетро Риарио, осыпанного им огромными милостями, предпринимает попытку притушить весь этот блеск, хоть как-то умерить вызывающую роскошь. «Приказываем прелатам и духовным лицам курии носить одежду, соответствующую характеру их духовного сословия, отказаться от красного и зеленого цветов, а также от одежды, слишком зауженной в талии...» Тем более никаких платьев выше колена... Никаких позолоченных поясов, шелковых перевязей и митр. Никаких ниспадающих беретов; вместо них — «небольших размеров приличные» шапочки. Предписывается, чтобы все духовные лица были подстрижены и чтобы их тонзура была видна. Чтобы на седлах, уздечках и подгрудных ремнях их коней не было никаких золотых или серебряных украшений, ни даже отчеканенных на металлических бляшках изображений, никаких шелковых попон, а только простые, любого цвета, кроме красного и зеленого... Кардиналы должны воздержаться от пышной охоты со сворами собак и в сопровождении большого числа слуг. Даже во время приемов они должны ограничиваться скромной трапезой, читать вслух духовные книги; застолья не должны сопровождаться ни концертами, ни мирскими песнями, ни выступлениями комедиантов.

«Во время шествия кардиналов во дворец или следования с каким-нибудь визитом, во время их проезда по городу по случаю праздника какого-нибудь святого или в связи с любым другим событием их должны сопровождать не более тридцати слуг, приближенных и соратников верхом на лошадях. Также предписывается, чтобы по крайней мере двенадцать человек из них были духовными лицами и были одеты в соответствующую одежду»².

Бесполезные меры предосторожности? Простая перестраховка, чтобы не впасть в действительно серьезные злоупотребления? Во всяком случае, римский двор всегда отличался скандальной роскошью. Кроме личного желания показать себя, превзойти соперника, к роскоши подталкивает обычный политический расчет. Как во всех государствах той эпохи, речь шла о

том, чтобы утвердить свое могущество, во всеуслышание заявить другим монархам полуострова или даже всей Западной Европе о власти князя над своим народом. Первым папам, вернувшимся в Рим, чтобы выступить против знатных кланов, не отказавшихся от своих претензий и открыто заявлявших о своем стремлении обрести независимость, необходимо было продемонстрировать невиданную роскошь, потрясать воображение зрелищем немыслимого богатства, что являлось чисто политическим ходом. Наконец, надо было сделать так, чтобы тобой восхищались, рукоплескали тебе, необходимо было заставить признать себя.

В дальнейшем, когда происходит упрочение папского государства и возрастают амбиции в политических играх, большинство пап находят удовольствие в соперничестве с соседями в роскоши, любят потрясать воображение всевозможными чудесами, необычными зрелищами. Все должно ослеплять: платье и драгоценности, внутреннее убранство и пышность кортежей. Когда в 1501 году дочь Александра VI Борджиа Лукреция выходила в третий раз замуж, ее отец захотел, чтобы по своей пышности ее приданое превзошло все существовавшие до сих пор, особенно те, что были у представителей семейств Сфорца или Висконти. Речь шла о платье стоимостью пятнадцать тысяч дукатов, головном уборе в десять тысяч дукатов, пятидесяти парчовых и бархатных платьях и о сотнях других предметов одежды³.

Во всяком случае, и демонстрация богатства, и выставление напоказ сокровищ и дорогой одежды из пурпура с золотом имели свои основания. Праздник, имеющий политическую подоплеку, превращается в настоятельную необходимость. Князь часто появляется в роскошном одеянии, устраивает представления, на которые устремляются толпы горожан. *Panem et circenses?** На самом деле намерения были далеко идущими и расчет был точным. Это делалось не только для того, чтобы заставить замолчать недовольных, предотвратить возможные волнения, но и чтобы обзавестись надежными сторонниками, помериться силой с други-

* Хлеба и зрелищ (*лат.*).

ми власть имущими, дать почувствовать свой успех и свою популярность.

Уличные праздники и великие литургии

Как для паломников и служителей церкви, так и для князей и синьоров побывать в Риме означает приобщиться к былой славе, увидеть следы богатого исторического прошлого, вспомнить героические подвиги и подивиться превратностям судьбы. Но это также значит и в какой-то мере пережить все заново, благодаря праздникам нового Рима и Церкви. Приезжие восхищаются грандиозными зрелищами, слава о которых разносится по всей Европе и передается из уст в уста в рассказах очевидцев.

Здесь праздник прежде всего отождествляется с литургией, сопровождается долгими церемониями, благоговением, толпами паломников и процессиями, шествующими через весь город. С незапамятных времен сохранились воспоминания о кортежах, торжественно выезжающих на улицы во время великих богослужений, когда папа должен был служить мессу поочередно в разных местах, во всех больших соборах. В эпоху Возрождения эта традиция не только сохранилась, но и нашла свое блестящее продолжение. На Рождество папа римский служит три мессы: в полночь — в базилике Санта-Мария Маджоре, на рассвете — в Сант-Анастасия и, наконец, — в соборе святого Петра в Ватикане. Постепенно определяются маршруты, приобретая сакральный характер, — это «пути понтифика», на протяжении всего года сохраняющие атмосферу праздника. В дни процессий все балконы и портики домов украшают коврами и покрывалами из золотой парчи, в окнах выставляют драгоценные золотые и серебряные изделия, составляют искусные композиции из цветов. Эти дороги проходят под триумфальными арками и мимо красивейших церквей. Некоторые процессии следуют по устоявшимся традиционным маршрутам: от Санта-Мария Маджоре до Латерана или от Латерана до Ватикана. Однако постепенно проявляется все большая изобретательность, и для проезда в центральную

часть города придумываются все более сложные маршруты. Так было на праздник Успения Богородицы, в день одной из самых зрелищных и популярных в Риме церемоний. Папа и его свита, состоящая из кардиналов, прелатов, священников и дьяконов, покинула Латеран и отправилась в церковь Санта-Мария Маджоре, где служба длилась весь вечер и даже часть ночи. Наутро процессия вернулась в Латеран и посетила церкви Сан-Грегорио, Санта-Мария Нуова и Сант-Адриано. Присутствие всех профессиональных цехов придавало соответствующую политическую и социальную окраску этой процессии, которая постепенно ширилась и разрасталась.

Строгое распределение по рангу, определенное место в свите (своеобразные знаки могущества и уважения) порождали чудовищные интриги, бесконечные конфликты и нередко являлись причиной кровавых стычек между ремесленниками. В результате длительных дебатов пришлось установить строгие правила поведения, которые даже выгравировали на одной из мраморных стел.

Церемонии императорской коронации все реже и реже дают римлянам повод чувствовать себя хозяевами мира: императоры теперь посещают их очень редко. Если римляне и выигрывают в спокойствии, то теряют ощущение прекрасного праздника, чувствуя какую-то пустоту. Однако церемонии рукоположения пап, становящиеся все более пышными и традиционными для удовлетворения честолюбия горожан, с легкостью занимают освободившееся место. Они происходят гораздо чаще, чем императорские, в ином ритме, с меньшей периодичностью, и с ними, во всяком случае, не бывает никаких задержек. Они воодушевляют римлян, а появление нового понтифика в сопровождении приближенных и друзей, почти всегда выходцев из других мест, например из какого-нибудь другого города Италии или даже из Испании, определенно означает введение немалых новшеств. Прежде всего, эти новшества представляют собой торжества по случаю передачи власти, когда принц наследует своему умершему отцу, и являются, по сути, гораздо в большей степени политическими событиями, чем где бы то ни было.

Процесс коронации понтифика имеет несколько фаз, превращаясь в череду необыкновенно зрелищных и одновременно символических праздников, проводящихся с большой помпой. Папа прежде всего является главой христианского мира и преемником святого Петра; его коронация происходит в соборе Ватикана. Три епископа — Остии, Альбано и Порто — увенчивают его голову тиарой. Затем процессия шествует через весь город до Латерана по пути *dei papi*, следуя в направлении, противоположном тому, по которому двигалась в былые времена. Это похоже на триумфальный въезд, который своим церемониалом и демонстрацией небывалой роскоши в точности походит на королевские и княжеские «въезды» в старые добрые города западных королевств. Папа оказывается в самом центре Рима, сердце своего города.

Все участники кавалькады, а их, говорят, насчитывается более тысячи, едут верхом. Во главе шествия ведут под уздцы лошадь папы (без всадника), следом несут огромные красные хоругви, за ними идут адвокаты, судьи, поверенные в делах курии. Потом следуют церковники всех санов в строго определенном порядке: приглашенные аббаты, епископы, архиепископы и двадцать городских аббатов. Затем — кардиналы и сам папа римский на белоснежной лошади (этот цвет повсюду на Западе означает абсолютное превосходство), которую ведут под уздцы присутствующие на тот момент в городе князья. За ними идут ремесленные цехи, городское ополчение, и, наконец, замыкают шествие знатные римляне, несущие свои фамильные гербы.

Папа римский всегда прекрасно знает, какое любопытство и интерес вызывает у всего города вид столь великолепных костюмов и украшений, и, естественно, пытаясь превзойти своих предшественников, он хочет, чтобы у него все было лучше, чем у них, стремится произвести большее впечатление, чтобы заставить еще долго говорить о себе. Однако, чтобы потрясти воображение порой довольно сдержанной толпы, надо постоянно вводить какие-то новшества, придумывать новые маршруты, другие развлечения и представления. Наконец, праздник должен вызвать огромное воодушевле-

ние и единодушную поддержку народа, не говоря уже о присутствующих на церемонии гостей: епископах, аббатах из других стран и иноземных правителях.

По приказу кардиналов и знати у стен их дворцов возводятся огромные декорации, которые приводят в действие специальные механизмы или актерские труппы; устраиваются настоящие зрелища, посвященные какой-нибудь специально выбранной теме. 18 ноября 1503 года для того, чтобы направиться в Латеран, Юлий II избирает новый, прежде никогда не использовавшийся маршрут. На его пути все улицы были небывало пышно украшены специально изготовленными гирляндами необыкновенной красоты. От замка Святого Ангела до *Campo dei Fiori* было воздвигнуто семь триумфальных арок («самые прекрасные, какие когда-либо сооружались в Риме») и храм с Мадонной Мира. «Неожиданно взору почтенной публики открылось огромное сооружение, преградившее всем путь. А поскольку здесь вот-вот должна была проследовать торжественная религиозная процессия во главе с папой, какой-то человек выскочил из толпы и быстро открыл дверцу. И внутри оказался мальчик, который стал приветствовать папу прекраснейшими комплиментами в стихах и чудесными песенками». Улицы были все усыпаны цветами. «Старики говорили, что никогда еще в Риме не устраивались подобные торжества»⁴.

Каждый год великие церковные праздники становятся поводом для красивейших церемоний, которые открыты и для гостей — сильных мира сего, удостоенных специальной аудиенции и принятых в узкий круг приближенных, а также для толп богомольцев и странников. Все с охотой едут в Рим на торжественные пасхальные богослужения. Весной 1470 года знатный генуэзец Ансельме Адорно со своим сыном Джованни предпринимает длительное и довольно авантюрное путешествие в Святую землю. «Маршрут» приводит их в Рим. Чтобы пересечь земли неверных (Тунис, Александрию, Каир и Дамаск), им необходимо получить разрешение папы, его благословение и напутственное слово. Оба странника предстают перед Павлом II, который

осыпает их милостями и дает добрые напутствия, собственноручно вешая на шею отца освященный медальон с изображением агнца Божия. Подобные медальоны были довольно большими, сделанными из воска, на одной стороне было выгравировано изображение агнца, а на другой — лик какого-нибудь святого. Считалось, что во время долгих путешествий они отводили опасности и бури, оберегали от страшных болезней. Спрос на них был очень велик. Чтобы избежать злоупотреблений и спекуляций ими, годом раньше папа издал указ, строго регламентирующий их изготовление и продажу.

Итак, последуем за двумя нашими гостями на празднество: «Мой отец был избран, чтобы послужить Господу, ему было поручено нести балдахин [...] Его сопровождали семеро других дворян». В сопровождении кардиналов, архиепископов, епископов и знати папа римский следует в собор святого Петра. Джованни Адорно любезно перечисляет присутствующих на празднике правителей и послов: два брата деспота Морей, два немецких герцога, брат Франческо Сфорца Александр, брат герцога Мантуи «и множество королевских и княжеских посланников»⁵.

Именно в этот день Павел II «со своего папского престола, с высоты портика собора святого Петра, перед народом» объявляет о своем решении отныне праздновать юбилей каждые двадцать пять лет. «Со стороны присутствующих эта новость была встречена громким ликованием и восторженными криками: “Viva Papa Paolo!”». Праздник обретает свой смысл: каждый день, каждый миг этой литургии народ прославляет папу. «Мы присутствовали на всех замечательных службах, которые в течение этих святых дней провел папа, кардиналы, архиепископы, епископы, протонотарии (участники торжеств и просто гости), а также капелланы, дьяконы, иподьяконы, служки и певчие». Демонстрация роскоши и утверждение власти...

В страстной четверг происходит омовение ног, церемония, в которой участвуют «двенадцать бедняков, одетых в новые белые одежды, которым Его Святейше-

ство собственноручно моет ноги». В пятницу, «согласно обычаю», паломники посещают семь церквей, что позволяет получить отпущение грехов. В субботу они присутствуют на папском богослужении, затем направляются на большой пир во дворец кардинала Барбо, прославившегося святостью своей жизни и большой религиозностью». В воскресенье, на Пасху, их принимает сам папа римский. На следующий день, в понедельник, они покидают Рим в сопровождении своих друзей, следующих за ними на три мили от городских ворот⁶.

Своей славой Рим в значительной мере обязан многочисленным святым и памятью о мучениках за веру, число которых здесь больше, чем где бы то ни было. Каждое новое почитание, каждое объявление дня нового святого в календаре, каждый случай перенесения мощей в город является поводом для народного ликования и веселья, сопровождающих прекрасный церемониал.

Папа Пий II, сиенец, одерживает верх над сдержанностью францисканцев и объявляет о канонизации доминиканки Катерины Сиенской, которая так много сделала ради возвращения пап в Рим. Церемония, по случаю которой он лично сочиняет изысканные гимны, обходится ему более чем в три тысячи дукатов. В 1462 году теснимый турками деспот Морей Фома Палеолог прибывает в Анкону. Как и многие другие до него, он просит поддержки Церкви на организацию крестового похода против неверных. С собой в качестве дара он привозит из города Патры голову апостола Андрея. Папа в сопровождении кардинала Виссариона самолично отправляется за реликвией в Нарни. Он возвращается в Рим с пешей свитой, состоящей из семи кардиналов. Затем в течение нескольких часов мощи проносят через весь город от церкви Санта-Мария дель Пополо в замок Святого Ангела. Все улицы убраны цветами, а с наступлением вечера будто бы зажигается более тридцати тысяч факелов. На всех перекрестках на временно воздвигнутых алтарях, украшенных статуями и живыми картинами, курится ладан; церкви выстав-

ляют свои реликвии; народ прибывает, и толпа становится настолько плотной, «что уже негде упасть и пшеничному зернышку».

Торжества во славу Рима

Огромные расходы на всевозможные украшения и костюмы делаются, конечно же, не только ради демонстрации роскоши и прославления Бога и Церкви во время религиозных церемоний. Будучи владыкой и главой государства, папа использует любой повод, чтобы показаться во всем своем великолепии. Его появление перед народом должно вызывать восторг, его вид, атрибуты и свита — восхищение. Таким образом, всякий момент повседневной «политической», представительской или частной жизни становится поводом для проведения церемонии, будь то передвижение по городу, встречи, приемы правителей и особенно послов.

В итоге политические праздники совмещаются с религиозными празднествами. Так было с праздником Богоявления, когда большое новшество было введено, как говорят, на следующий день после первого юбилея, в 1301 году. Можно четко проследить, каким образом призыв к поклонению младенцу Христу со стороны волхвов, прибывших из дальних стран и представляющих все народы мира, мог приобрести символический смысл и в итоге вылиться в праздник почитания Римской церкви. Эта традиция, продержавшись несколько лет, становится все более прочной. Затем она была продолжена (и с какой пышностью!), но уже после возвращения, последовавшего за расколом.

Приемы и визиты почти всегда сопровождаются торжественными «триумфальными» въездами, служащими предлогом для сооружения сияющих золотом декораций. Таким образом, весь Рим при поддержке народа и «гуманистов» возрождает древние традиции. А это — въезд через одни из главных ворот города; встреча победителя; огромные шествия по украшенным флагами улицам под специально сооруженными арками; демонстрация пленников и трофеев; выставле-

ние напоказ украшений на каретах придворных и богатого платья; длинные процессии причудливо одетых комедиантов и музыкантов в ярких костюмах. Город старается воскресить и как можно точнее имитировать античные триумфальные шествия, осознанно отождествляя себя с прошлой славой и пытаясь вернуть хотя бы частицу ее.

Вознаграждение борцов за веру, этих героев в борьбе с неверными, носило показной политической характер. В 1473 году под бурные приветствия толпы торжественным маршем проходит кардинал Караффа. Он ведет за собой двадцать пять турецких пленников. После битвы при Отранто неаполитанский король, арагонец Альфонс II, также приезжает в Рим скрепить новый союз и пожать плоды своих подвигов, ведя за собой турок, закованных в кандалы, — пятьсот всадников и триста пеших. В 1487 году Фердинанд Арагонский посылает папе сто пленных мавров, которых, прежде чем они были переданы в подарок кардиналам в качестве рабов, провезли по всему городу. Наконец, чтобы отпраздновать взятие Гранады в 1492 году, кардиналы устраивают на площадях перед своими дворцами бега быков, а на piazza Navona перед испанской церковью святого Иакова — представление-пантомиму, посвященное взятию города. Затем пускают триумфальную колесницу, на которой разыгрываются различные сцены: солдаты, окружающие пленников; католические король и королева под лавровым деревом, у их ног — мавританский король и разбросанные в беспорядке великолепные трофеи⁷

И если триумфы военачальников поют хвалу доблести, другие, аллегорические, настаивают больше на «политических» добродетелях, стараясь напомнить о могуществе Древнего Рима, его господстве над всем миром. В 1478 году кардинал Риарио приказал во время торжеств, посвященных празднику святых апостолов Петра и Павла, провести по улицам города семьдесят мулов, покрытых яркими попонами с изображением его герба и груженых разными подарками, «представляющими собой дань, выплачиваемую рим-

лянам во времена, когда они правили миром»⁸. Эти шествия быстро становятся поводом для проведения великолепных представлений, художественных выступлений, для которых темы, композиции, декорации, сценические эффекты и даже костюмы придумывались знаменитыми мастерами, находящимися в то время в зените славы. Тексты и песни к ним действительно сочиняли знаменитые писатели, гуманисты, которые зачастую в своем трогательном простодушии черпали вдохновение в античных реминисценциях. Говорят, что 31 мая 1433 года во время торжеств, устроенных в честь императора Сигизмунда, все декорации и украшения были выполнены по эскизам художников под руководством Донателло. Известно также, что десять лет спустя, в 1443 году, римские художники и скульпторы были приглашены в Неаполь, где в честь Альфонса Великолепного придумали и построили колесницу, арку Largo del Mercato и арку из мрамора перед собором⁹.

Вполне естественно, что именно Рим, опираясь на античную традицию, на протяжении многих лет делает эту праздничную, литературную и иконографическую тему (воплощение которой обходится недешево) не только очень модной, но и, что вполне естественно в городе с богатым древним наследием, да еще расположенном рядом с папской резиденцией и находящемся под ее влиянием, глубоко пропитывает живым духом христианства явно мирской источник этих разнообразных, политических по своей сути, торжеств. Церемониймейстеры охотно ссылаются на поэму «Триумфы» Петрарки, написанную им в 1360-м, но опубликованную только в 1470 году (в связи с началом развития печатного дела) одновременно с его «Канцоньере». «Триумфы» — это аллегорическая поэма в шести частях, описывающая шесть триумфов, среди которых — торжество Любви, Смерти, Славы... Торжество Божественности главенствует над всеми остальными, поскольку лишь оно одно вечно. Рим также помнил колесницы, с которых, начиная с XIV

века, прославлялись святые и их христианские добродетели, Церковь и религиозные таинства, а также Смерть (на Campo Santo в Пизе). Отсылки к античности, размышления о поведении человека, напоминание о религиозных заповедях, возвеличивание добродетелей и прославление героев веры — все это можно найти почти во всех живописных и даже скульптурных композициях самого разного рода. Но в них во всех непременно фигурируют триумфальные колесницы, главные атрибуты великого римского праздника.

Кроме того, по примеру Рима все итальянские князья и художники охотно развивают эту двойственную — героическую и христианскую — традицию триумфа, колесниц, блистательного антуража. Начиная с 1465 года Пьетро делла Франческа изображал на оборотной стороне портретов герцога и герцогини Урбино Федерико де Монтефельтре и Беатриче Сфорца две триумфальные колесницы, в которых находились Сила, Умеренность, Справедливость и Благо разумие — «главные» добродетели герцога и Вера, Надежда и Милосердие — «теологические» добродетели для герцогини. Что касается Малатесты, то он заказывает выгравировать свое изображение в виде триумфатора для собственного мавзолея в Римини. Уроженец Падуи Мантенья, долгие годы живший в доме семейства Гонзага, специально приезжает в Рим познакомиться с античными памятниками и сооружениями. Приглашенный Иннокентием VIII для росписи фресок в его часовне, он остается там на два года (1488—1489), серьезно изучает римскую архитектуру, а по возвращении в Мантую восхищает всех прекрасным знанием античного искусства и его символики. Тот факт, что он изучал скульптуру и непосредственно наблюдал за большими римскими праздниками, позволяет ему, обогащенному новыми знаниями, продолжить работу над серией полотен, предназначенных для украшения дворца Гонзага, — огромной композицией, названной «Триумф Цезаря» (в настоящее время она выставлена, к сожалению в разобранном, попорченном и неполном виде,

в Англии в Хэмптон Корт). Здесь он абсолютно не противится соблазну воплотить свои знания в жизнь, оживить воспоминания. Он заполняет все пространство совершенно разнородными архитектурными элементами, колоннами, фронтонами, пилястрами, цоколями, стелами и руинами и оставляет совсем мало места для самого кортежа, который, в свою очередь, выглядит перегруженным многочисленными деталями костюмов, оружия и доспехов, шлемов и орнаментов. Настоящая римская лавка старьевщика... Однако успех превосходит все ожидания, и «Триумф Цезаря» приносит художнику гораздо больше славы, чем все другие его произведения вместе взятые. Чтобы взглянуть на этот шедевр, люди приезжают со всех уголков страны. А вскоре и сам Мантенья, а также другие художники делают с нее копии и гравюры, которые расходятся по всей Европе¹⁰. Вновь посредством политического праздника, невиданно пышного зрелища Рим приносит богатство человеку искусства и бросает на другие города, другие дворы отблеск своих празднеств.

Так было и с большими уличными праздниками, неизменно воспевавшими добродетели и заслуги тогдашних хозяев жизни. В 1491 году во Флоренции Лоренцо Медичи поручает художнику Франческо Граначчи, уже прославившемуся изображением придворных сцен, торжественных богослужений и полотном «Въезд Карла VIII во Флоренцию», организовать большое триумфальное шествие, посвященное одному из событий римской истории, о котором поведал Плутарх. Речь шла о победе Павла Эмилия над чужеземцами, над варварами, врагами Рима. В 1515 году все в той же Флоренции в честь приезда в город папы Льва X Медичи был создан «Триумф Камилла»¹¹.

Что касается папского Рима, то на протяжении нескольких поколений он демонстрирует некоторое пристрастие к этим триумфам, которые, кажется, вполне удовлетворяют всеобщую тягу к античности, позволяя как художникам, так и их заказчикам показать свои знания, наполнив картину всевозможными деталями, видами развалин, порой неуместными архитектурными

ми элементами и различными символами. В 1526 или 1527 году в самый разгар осады города все еще находящийся в фаворе Джулио Романо рисует картоны к серии гобеленов из двенадцати частей: «Историю Сципиона». В своей работе он возвеличивает героя, превозносит его добродетели, отвагу и смекалку, проявленную во время сражений, и в то же время отмечает его великодушие по отношению к побежденным, его скромность и глубокую порядочность, которые заставляют его отказываться от даров. Весь Рим купается в лучах его славы. Многочисленные гобелены показывают его триумф, делая это в привычной классической, немного напыщенной манере. Автор изображает кортеж, поднимающийся к Капитолию и следующий мимо обелиска Рамзеса и статуи Марка Аврелия; победителя на триумфальной колеснице с лавровой ветвью и скипетром из слоновой кости в руках; солдат, увенчанных славой, пленников, закованных в кандалы и отданных толпе на осмеяние и глумление; длинную вереницу быков, бредущих на заклание¹². Подобная патетика и гордыня — и это в тот момент, когда городу, этому новому Риму, грозит опасность со всех сторон и он, в свою очередь, вот-вот падет, разграбленный, униженный и осмеянный. Угроза осквернения нависла над всем, даже над самыми святыми местами.

Как всегда в подобных случаях, по поводу всех этих вычурных произведений возникает вопрос: художник ли воссоздает относительно достоверно городской праздник, или же, наоборот, живописные композиции, эти в конечном итоге выдуманные и выстроенные рациональным умом произведения вдохновляют устроителей праздника? В последнем случае праздник попросту бы копировался по сценической основе и атрибутам. На самом деле следует признать, что свою роль играли оба варианта. Как в Риме, так и во Флоренции, впрочем, как и в любом другом месте, распоряжаться этими зрелищами по своему усмотрению зачастую поручали самим художникам, отличающимся страстью к античности.

Всякая церемония с приемом друзей и протезе, любой официальный прием и любой въезд владыки в

Вечный город неизменно приобретает триумфальный характер, главный герой или героиня праздника могут выразить свои намерения и оценить оказанные почести, порывы признательности... а также, возможно, понять, чего от них ждут. Торжества проводятся, чтобы отпраздновать крупную победу, отметить какую-нибудь удачно выполненную работу, вознаградить чью-то преданность. Пышный праздник говорит о степени уважения, он возобновляет, скрепляет или упрочивает союз. В октябре 1457 года Николай V устраивает с огромной помпой прием для Лукреции д'Аланьо — фаворитки и посланницы Альфонсо Неаполитанского. Она прибывает в сопровождении свиты, состоящей из пятидесяти фрейлин, матрон, жен неаполитанских вельмож, а также нескольких грандов королевства (в общей сложности более пятисот всадников). В своем багаже она везет большое количество подарков, кошель с пятью тысячами золотых и вексель на три тысячи дукатов. Все кардиналы подъезжают, чтобы встретить ее задолго до въезда в город. Ее устраивают во дворце Просперо Колонна, где в ее честь дается банкет более чем на двести персон¹³.

Пятнадцать лет спустя снова тратятся деньги на новые праздники, чтобы еще более упрочить союз с Арагоном. На этот раз почести воздаются дочери короля Элеоноре, которая в июне 1473 года направляется в Феррару, чтобы обвенчаться там с Эрколе д'Эсте. Молодая женщина путешествует не спеша, делая небольшие остановки. Ее окружает многочисленная свита и сопровождает брат жениха — Сиджизмондо д'Эсте, который в Неаполе взял ее в жены от лица Эрколе. Она иногда останавливается на отдых. На всем пути ее следования в городах, крошечных селениях и даже на перекрестках дорог воздвигнуты триумфальные арки, увитые диким виноградом, дроком, ветками кипариса и благоухающими цветами. В Риме ей устраивают небывало радушный прием. Это был самый чудесный праздник, какой только знали в том веке! Спустя несколько дней, едва выехав за пределы города, она пишет отцу длинное письмо в виде своеобразного отчета. В первую очередь это, конечно, письмо молодой жен-

щины, счастливой оттого, что она стала героиней подобных чувствований. Но вместе с тем и письмо, носящее «политический» характер, в котором дается оценка приложенным усилиям, преподнесенным подаркам и той значимости, которую папа и его кардиналы придают союзу и добрым отношениям с ее отцом.

Этот «триумф Элеоноры» явился довольно крупным событием и был воспет более яркими и более умелыми перьями, чем ее перо. Дело в том, что в Ферраре князь д'Эсте, стараясь сохранить память обо всех самых ярких событиях в жизни династии, приказывал придворным поэтам отобразить их в своих сочинениях, и те усердно соревновались в искусстве изящной словесности. Две большие поэмы, написанные немного вычурным латинским слогом, изобилующие метафорами и парафразами, но все же передающие огромное восхищение, описывают римские торжества, устроенные в честь Элеоноры, претендуя, таким образом, на то, что они сохранятся в памяти грядущих поколений. Автор одной из них, Эмилио Бокабелла, в основном перечисляет украшения и зрелища, другой, Порчелло Пандони, восхваляет само семейство, напичкав свое произведение античными реминисценциями и превратив поэму в своеобразную литературную мешанину¹⁴.

В марте 1471 года, чтобы потрясти воображение народа, в Риме действительно с редкой пышностью отмечалась коронация и возведение на престол Павлом II герцога Феррары Борсо д'Эсте. Было все: триумфальный въезд свиты, состоящей из пятисот двадцати трех (именно так!) придворных, которым прислуживали сто молодых оруженосцев; шедшие следом двести мулов, покрытые бархатными попонами темно-красного цвета с золотой оторочкой, которые везли багаж; свора из двухсот больших сторожевых собак и борзых; а также несколько групп музыкантов, в основном флейтисты и трубачи. В то время как приближенные Борсо брали штурмом постоянные дворы, сам он поселился в Ватикане. В соборе святого Петра он официально получил от папы рыцарское звание, шпоры, золотую шпагу, а затем зо-

лотую розу, которую держал в руке во время шествия по улице. «И... если бы один из этих знаменитых римлян, этих августейших императоров, таких как Кай, Цезарь и Октавиан, явились бы в наше время и проделали бы тот же путь по Риму, они не смогли бы получить больших почестей, чем получил вчера наш выдающийся князь Борсо!» Изнуренный, он скончался несколько недель спустя¹⁵.

На всех торжествах присутствуют жаждущие увидеть что-нибудь новое представители римской знати и иностранные князья. Они если не изумлены, то, во всяком случае, находятся под сильным впечатлением. Именно в этом состоит одна из целей, и отнюдь не второстепенная, подобной демонстрации талантов, богатств, драгоценностей и золотых покрывал. Политическая роль папы четко проявляется, когда каждый год он специальной наградой отмечает самых видных и доблестных из своих гостей. Прежде всего, он вручает знаменитую золотую розу, а спустя некоторое время еще и почетную шпагу, однако последнее случается гораздо реже. Список получивших награду всего за несколько лет свидетельствует о явном желании найти сторонников во всем христианском мире и воздать им соответствующие почести. Так, во время правления Николая V, начиная с 1450 года золотую розу получили польский король Казимир IV, затем генуэзский дож, ландграф тюрингский, Альфонс Арагонский, императрица Элеонора, курфюрст Бранденбургский Фридрих II, король Португалии Альфонс. Шпага была вручена: в 1450 году — Альберту Австрийскому, в 1455 году — тирану Болоньи Луиджи Бентивольо. Что касается Пия II, он думает не только о награждении великих князей или тиранов; в 1459 году он вручает розу сенату Сиены, своего родного города, откуда родом вся его семья, в 1463 году — собору в новом городе Пиенца, сооруженном по его приказу. Он также дарует шпагу монархам: в 1459 году императору Фридриху III, в 1460 году — герцогу Бургундскому Филиппу Доброму, а вскоре после него, в 1461 году, — королю Франции Людовику XI. Намерения не скрываются: снискать признательность, показать свое пре-

восходство, а также подчеркнуть чью-то зависимость. Князя не против принять участие в игре и в какой-то мере побороться за приз, символизирующий награду за преданность. Во всем христианском мире только папа позволяет себе так эффектно раздавать подобные почести, отмечая доблестных людей и подчиняя их себе.

Пиршества и театральные представления

По своей изысканности роскошь столового убранства на приемах у пап и кардиналов, а также количество дорогой посуды, вероятно, несравнимы с любыми другими пиршествами. Четко отработан порядок организации больших приемов: продумана последовательность и способ подачи блюд, установлена иерархия услуг, существует строгое распределение мест согласно обязанностям и почестям. Трапезы проводятся в соответствии с установившимися традициями, с соблюдением всех формальностей. Тщательно выбирается время и определяется ход проведения пиршеств, которые сопровождаются разнообразными развлечениями, а порой и настоящими представлениями.

Открытые пиршества, устраиваемые во время семейных праздников и особенно свадеб, во время религиозных или общественных празднеств и длящиеся зачастую в течение всей недели, происходят в большом зале, открытом для восторженного созерцания придворных и простого люда. Зимой это может быть самая просторная, хорошо освещенная комната с широкими входами, увешанная гобеленами. В теплое время года чаще используется расположенная с фасада терраса либо выходящая в сад башенка — бельведер. В случае, если планировалось пригласить большое число гостей, столы накрывались на специально подготовленной для этого площади: мостовая покрывалась дощатым настилом, окружающие здания украшались полотнищами из блестящей парчи.

Наиболее внушительным и самым красивым предметом мебели был огромный парадный буфет. Первоначально он предназначался для размещения и при-

готовления блюд, но впоследствии служил витриной для самых роскошных и дорогих изделий из серебра и золота. На изготовление золотой и серебряной столовой посуды уходит немыслимое количество драгоценных металлов. Это своеобразный способ продемонстрировать богатство вельможи, в какой-то мере успокоить гостей по поводу состояния финансов хозяина, доказать, что не все было отдано на переплавку или в залог кредиторам. Следуя старинной традиции, взору приглашенных открывали прекрасные, тонкой работы, украшенные различными сюжетами столовые сосуды в форме кораблей, а также сосуды для хранения воды, подобные миниатюрным памятникам. Здесь можно было увидеть и предметы попроще, носящие более утилитарный характер: огромные блюда, великолепно украшенные солонки, кувшины для вина и воды. Во время своего первого пребывания в Риме Бенвенуто Челлини находит достойным наибольшей славы успех в создании именно подобных вещей. Он говорит о прекрасной серебряной вазе, являющейся в большей степени предметом роскоши, чем простой утварью. Она была украшена масками и орнаментом из переплетенных листьев и «предназначалась для того, чтобы за столом папы Климента в нее бросали объедки, косточки и кожуру от фруктов». Еще он описывает кувшин для воды, «из тех, что называют *acquaessia* и ставят для украшения буфетов», а также овальной форму солонку: основанием ее служат четыре танцующие детские фигурки, а на крышке изображена Венера со спящим на ее груди младенцем Купидоном. Наконец, позднее он бросает вызов другому золотых дел мастеру по имени Тоббиа, решив выполнить оправу для рога, изготовленного из бивня единорога и стоившего семнадцать тысяч дукатов. Эти так называемые рога единорога на самом деле были или рогами антилопы, или зубами нарвала. Они служили своеобразной лакмусовой бумажкой для выявления ядов в продуктах¹⁶.

Пиршества длятся часами, и гостей все время развлекают группы музыкантов, которые почти всегда располагаются либо в саду, либо, как это было приня-

то очень давно, — на помосте в конце зала. Челлини позволяет уговорить себя некоему Джанкомо из Чезены, «блестящему флейтисту дома папы», а также тромбонисту Лоренцо присоединиться к их труппе, чтобы исполнить партию сопрано в «многочисленных прекрасных мотетах по их выбору». В первый день августа во время ужина папы они выступают в бельведере¹⁷

Когда происходит перемена блюд, представляют знаменитые «интермедии», изображающие жанровые сценки, мифологические сказки и легенды, знаменитые эпизоды из римской и греческой истории. Интермедии все чаще подчиняются какой-нибудь одной определенной теме и сопровождаются стихотворными вступлениями, песнями, пантомимами. Таким образом, именно в этой придворной среде, во дворцах пап и кардиналов, в банкетных залах и внутренних двориках *cortile*, по случаю приезда знаменитых гостей, коронаций, свадеб зарождаются и развиваются подлинно театральные представления. Это — импровизированные и выдуманные сценки, подражания древним и даже комедии античного Рима, исполняемые в оригинале или на современном языке.

В 1473 году племянник Сикста IV кардинал Пьетро Риарио в своем дворце, расположенном на площади возле церкви святых Апостолов, принимает свиту Элеоноры Арагонской. Над площадью растянута огромный навес в форме купола (*padiglione*) из генуэзской ткани и белого дамаста. Этот купол поддерживался высокой мачтой, установленной напротив фонтана. По другую сторону от дворца заранее построен высокий деревянный помост, своего рода эстрада для пантомим и других увеселительных зрелищ, на котором выступали мимы, гистрионы и музыканты. Над входным портиком дворца возведена крыша, под ней устроена просторная ложа *di antico stile*, разделенная на три зала колоннами, украшенными цветами, листьями и «всем, что только могла подарить эта дивная весна». Самый большой зал был предназначен для пиров, своды его были окрашены в карминный цвет, у одной из стен стоял великолепный буфет длиной более десяти

метров, в котором выставлялась золотая и серебряная посуда, вдоль других стен били фонтаны; на стенах — богатые гобелены и гирлянды из ветвей миртового дерева. Помимо всего прочего были приготовлены парадные ложи, выполненные в римском стиле. Одну от другой отделяли перегородки, имитирующие античные колонны, и купы кустов.

В своих записках Элеонора описывает решительно все, что видит. Она останавливается по очереди на каждом зале, рассуждая по поводу расположения, размеров и убранства комнат. Она перечисляет всех присутствующих знатных гостей, записывает все свои визиты... и особенно сделанные ей подарки: золотые кресты, украшенные жемчугом, шелка, изделия из слоновой кости, шелковые головные уборы. От папы она получила множество медальонов — «агнцев Божьих», некоторые из них отличались редкой красотой.

В последний день кардинал демонстрирует принцессе свою знаменитую восхитительную коллекцию гобеленов, выполненных из шелка и дамаста. Однако большую часть письма занимает подробное, немного скучноватое описание подаваемых блюд. Элеонора описывает способ их подачи, качество самих кушаний, а также все украшения и детали, приведшие ее в подлинный восторг: «Пять блюд с двумя каплунами в каждом, залитыми бланманже и украшенными золотистыми зернами кардамона; десять тарелок с десятью цыплятами под соусом цвета павлина». И далее: «Сладости в виде десяти сахарных кораблей, наполненных розовым сахаром, и десять чашек с сахарными хлебцами в виде различных рыб». Или: «Пять блюд, приготовленных из свежей серебристой рыбы, приправленной дольками яблок и апельсинов; три высокие серебряные чаши, наполненные заливной рыбой», «пять блюд с круглыми пирогами, испеченными с душистыми травами, кресс-салатом и вишней». Она не забыла отметить все перерывы между сменой блюд, на которых присутствовали актеры, произносящие хвалебные речи и различные пожелания на латыни, облеченные в стихотворную форму: сперва юный музыкант, затем кротитель медведей и других диких

животных, и далее главным образом сценки на мифологические темы (Персей, освобождающий Андромеду; Венера, Аталанта и Гиппомена; Церера на своей колеснице; Венера и Вакх); затем пять прекрасных картин, прославляющих подвиги Геркулеса (ведь Элеонора выходит замуж за Эрколе д'Эсте). В тот день праздник закончился сражением, разыгранным группой юношей: одни были переодеты Геркулесами, другие изображали кентавров. Первые, разумеется, вышли из битвы победителями и открыли бал¹⁸.

Таким образом, искусство светского театра, возрождение интереса как к античным комедиям, так и к новым сочинениям, абсолютно светским легким пьесам, авторы которых черпают темы для вдохновения в разнообразии жизненных проявлений, многим обязаны папскому двору, его блеску, приемам и пиршествам. Пантомима, сценки с диалогами, наконец, комедия начинаются во время обычных перемен блюд во время застолий.

Так, в том же 1473 году посланники короля Франции присутствуют на многочасовом представлении, под названием «Легенда о Золотом руне и путешествии Ясона». Чуть позже граф Джироламо Риарио ставит на эстраде перед своим дворцом «Федру» Сенеки, затем, чуть позднее, при покровительстве кардинала дают «Mostellaria» («Призраки») Плавта, очень вольную пьесу, прекрасно выстроенную, но с хитро сплетенной интригой, которая не напоминает ни одну из известных легенд. Это своего рода знак уважения и проявление интереса к латинской литературе. Здесь явно ощущается влияние как маститых писателей, гуманистов, так и хороших актеров, которые с одобрения папы римского придают сценическим постановкам действительно новый импульс. После представлений «Федры» поэт и ученый Ингьирами, исполнитель главной роли, так прославился, что в дальнейшем его звали не иначе, как Федра.

Следуя примеру двора Феррары, римский двор поощряет любого рода инициативы, и даже дерзкие нововведения. В 1484 году, по случаю проведения кар-

навала, по указанию Сикста IV ставится «История Константина». Детали этой пьесы выдерживаются настолько точно, что роль императора поручается сыграть одному гунуэзцу, долгое время прожившему в Константинополе. В результате актер так великолепно сыграл свою роль, что и за ним тоже закрепилось имя его героя. Замечательная труппа актеров, собравшихся вокруг писателя, автора латинских поэм и трактата по грамматике Сульпицио да Вероли, сыграла в замке Святого Ангела, во дворе, именуемом с тех пор *cortile del teatro*, комедии Теренция и других античных авторов¹⁹.

Конечно, вкусы и мода меняются. При Александре VI все увлекаются претенциозными, безвкусными и томными пасторалями. Одна такая, написанная в стихах на латыни и сыгранная в декабре 1501 года по случаю свадьбы Лукреции, навевала настоящую смертную тоску. Что касается Чезаре, то по его указанию игрались малоинтересные буколические сценки, перемежавшиеся песнями и танцами, которые разочаровали даже самых благонамеренных зрителей.

Panem et circenses

В Риме, как, впрочем, повсюду, ни один праздник не обходится без огромного стечения народа. Все представления в полном смысле слова являются «народными» зрелищами, и даже само понятие аристократического праздника при ближайшем рассмотрении представляет собой не что иное, как субъективный взгляд на вещи. Аристократическим его делают, разумеется, участвующие знаменитые актеры, приглашенные папой и прелатами герои дня, князья и вельможи, которые всегда находятся на переднем плане и которых принимают в Ватикане и других дворцах. Но все эти церемонии, шествия и процессии, эти зрелища и мистерии специально устраиваются прямо на улицах и площадях, которые заполняют звуки тамбуринов и флейт. Это делается для того, чтобы было легче проникнуть в самое сердце города, удовлетворить любопытство и честолюбивые

устремления жителей каждого квартала, особенно представителей самых влиятельных общин, а также чтобы увидеть все это могло как можно большее количество народа.

Некоторые празднества, по сути и происхождению являющиеся чисто народными и носящие местный характер, проходят не только с разрешения, но и при активном поощрении двора, который именно в этом видит возможность увеличить свою популярность и способ снискать расположение народа. Кроме этого, двор желает удержать подобные мероприятия в определенных рамках, хочет иметь возможность контролировать и вмешиваться в них, смягчая непочтительность по отношению к себе или, по крайней мере, ослабляя наиболее резкую критику. Это, конечно, касается Римского карнавала, а также забавных бегов, устраиваемых в другое время года. Эти бега, грубовато-комические, бывают опасными, оскорбительными, но и на них непременно присутствует папа со своими приближенными и зачастую щедро раздает большие суммы денег.

Во всех городах Запада, но особенно в Риме, карнавалы и народные праздники прочно связаны с очень древней традицией. По крайней мере, по некоторым деталям и совпадению дат их можно было бы привязать к языческим праздникам — Сатурналиям, проводившимся в середине зимы или в ночь начала лета. Во время праздника святого Иоанна, конечно, почиталась память апостола-евангелиста, но это одновременно было и предлогом для проведения вокруг базилики в Латеране больших факельных шествий, чтобы отогнать чары ведьм и колдунов.

В то же время участие придворных в этих различных по происхождению и характеру праздниках в зависимости от моды и эпохи приобретает самый разнообразный характер. Присутствие высших духовных лиц продиктовано также различными замыслами, тонкими расчетами, если не сказать политической необходимостью. Так что умение появляться на людях в нужное время является составной частью искусства управления.

Конские бега — это не просто развлечение. Как во многих других городах Италии, особенно в Тоскане, они представляют собой ожесточенные состязания между жителями различных кварталов и представителями существующих внутри города социально-политических сообществ. Несомненно, игры и бега занимают место вооруженных конфликтов и гражданских усобиц, к которым их можно приравнять по духу соревновательности. Соперничество между *gioni*, не достигшее в Риме той степени ожесточенности и упорства, которым отличалось противостояние между «синими» и «зелеными» во время игр в цирке Константинополя или на играх *palio* в Сиене, Флоренции и Болонье, по-прежнему остается очень напряженным, чреватым беспорядками. Каждый из тринадцати *gioni* (двенадцать — на левом берегу Тибра и один в Trastevere) представляет собой проверенную и хорошо испытанную политическую и социальную общность. Хотя все жители в общем являются римлянами, люди тем не менее определяются по принадлежности к каждому конкретному *gione*, корни которого уходят в далекое прошлое, а история почти всегда восходит к времени республиканского Рима. *Rioni* отличаются друг от друга не только номером, но также своим названием, связанным с историей, каким-нибудь знаменитым древним памятником (*Columnae* — Колонна Марка Аврелия; *Parione* — развалины театра Помпея, был также *Campi Martis*), или какой-нибудь церковью (*Sant'Angelo*; *Sant'Eustachio*), или мостом Святого Ангела (*Pontis*). Каждый *gione* обладает самоуправлением в повседневной жизни, небольшим штатом собственной полиции нравов под руководством выборного начальника, именуемого *sarogione*; имеет свой флаг, свои цвета, своих представителей и чемпионов. В момент въезда понтифика и коронационных процессий в рядах свиты, встречающей визитеров, следуют чемпионы *gioni*²⁰.

Для папы поощрение «народных» бегов, в которых участвовали приверженные традициям противоборствующие команды, конечно, было довольно легким способом удовлетворить «коммунальные» политические идеи и в какой-то степени поддержать их. При этом он

выступал гарантом определенной независимости, самоуправления кварталов.

Именно это прекрасно понимает папа-венецианец Павел II, который, по всей видимости, не очень уютно чувствует себя в Ватикане и поэтому большую часть времени проводит в своем palazzo di Venezia в самом сердце города. Он специально обосновывается здесь во время первого после своего вступления на престол карнавала, чтобы насладиться зрелищем... и показать себя. С помощью умело подогреваемого интереса к своей персоне он завоевывает расположение народа, увеличивает количество праздников, продлевает некоторые из них до нескольких дней, придумывает новые игры и забавы. Некоторые конкурсы, представления и всевозможные игры, в частности «карнавальный четверг», проходили неподалеку от его дворца на piazza Navona. Эта площадь, имеющая идеальную форму, была будто специально приспособлена для подобного рода зрелищ и словно скопирована с piazza del Campo в Сиене. Она располагалась на месте античного цирка Домициана, цирка «агона»^{*} Именно этим «играм», организованным папой, площадь обязана своим названием (Агона превращается в Navona). Они регулярно проводились придворными и властителями Капитолия, сенатором и консерваторами. Эта традиция сохранялась в течение веков и именно благодаря ей мы имеем возможность любоваться этой совершенной по красоте площадью, облик которой почти не изменился.

Во время других праздников бега начинались от арки Адриана и продолжались по древней via Lata, прямой, как стрела, улице, превратившейся естественным образом в via del Corso. Павел II лично решал, кто первым пришел к финишу у его Венецианского дворца. Он же раздавал призы (как правило, это был кусок красивой ткани, palio) и деньги победителям. Из своих окон он бросал в толпу мелкие монеты, тут же на площади устраивал большой банкет, на который приглашал чле-

^{*} Agon — публичное состязание, цирковая борьба (греч.). — Примеч. пер.

нов магистрата, управляющих и именитых граждан из всех *gioni*²¹.

Во времена Павла II, главного и неизменного распорядителя всех увеселений, случалось, что бега длились больше недели, часто сталкивая между собой целые *gioni*. Более всего ценились «старинные бега», возрождавшие с успехом римские игры в цирке: бега коней, ослов и буйволов. Очень часто и довольно долгое время при каждом подходящем случае к бегам добавлялись бои животных, главным образом быков, или состязания людей с быками, которые нередко заканчивались смертельным исходом. В этих мероприятиях, проводившихся на городских улицах и площадях, участвовали практически все жители города. Однако с наступлением вечера почти всегда оплакивали нескольких погибших. Быки являлись даром *gioni*, представители которых накануне праздника приводили животных к Капитолию с большой помпой. По малейшему поводу возникали яростные споры относительно первенства, которые решались с помощью дубинок, острых палок и хлыстов. Подобная стычка произошла в 1483 году между *gioni Monti* и *Trastevere*²².

Во время поединков на копьях или мечах, на конях или пешими также сходились чемпионы кварталов: то один на один, то целыми командами. Начиная с карнавала 1501 года, на *piazza Navona* проводят новую рыцарскую игру, названную «сарацинской». Всадники должны были поразить копьем подвешенное к перекладине чучело и избежать удара тяжелых деревянных шаров, привязанных к нему на длинной веревке. Однако эти рыцарские забавы не получают в Риме широкого распространения.

Большинство бегов легко превращаются в потеху. Бега устраиваются между мужчинами в соответствии с возрастными категориями, более того, охотнее устраиваются бега стариков, которые должны были бежать то почти без одежды, то даже абсолютно голыми, то непосредственно перед стартом впихивать в себя такое количество пищи, что еле дышали на бегу. Толпа, естественно, умирала со смеху²³.

Кроме того, в определенные дни новый Рим следовал старинной и очень популярной традиции Testaccio. Соревнующиеся должны были как можно быстрее подняться на склон холма, который располагался между Авентином и Тибром и был образован из осколков амфор, некогда привезенных моряками. Как только заканчивались состязания и вручались награды, наступала очередь последнего развлечения: со склона холма на полной скорости пускались легкие повозки, в которых находились связанные свиньи; по пути или в самом низу зрители пытались выхватить их. Самых смелых подбадривали громкими криками. Члены курии толпились у окон, чтобы ничего не пропустить, а также пользовались случаем, чтобы показаться на людях, привлечь к себе внимание, симпатию горожан.

Также поддерживаются некоторые обычаи, в частности, те, в соответствии с которыми евреев заставляли устраивать унижительные, отдающие дурным вкусом маскарады. Все чаще и чаще именно евреи становятся жертвами шествий, представлений и разного рода состязаний, причем до такой степени, что в 1500-х годах Римский карнавал просто-напросто превращается в «праздник евреев». Перед бегами члены «Еврейского товарищества», одетые в пышные костюмы, выдержанные в цветах города (красном и золотом), с украшенными лентами жезлами в руках, открывали шествие. Проходя перед папой, они воздавали ему почести, а затем принимали шутовские, постыдные позы. Это была своего рода дань толпе, которая могла безнаказанно осыпать их непристойными шутками и оскорбительными насмешками, удовлетворяя свое инстинктивное стремление найти козла отпущения и разрядиться, выплеснуть отрицательные эмоции, показать свое превосходство.

В ту эпоху евреи подвергались гонениям и преследованиям во многих странах (в частности, в Испании), их вынуждали переменить веру, лишали имущества. Поэтому они видели в Риме единственное надежное прибежище²⁴. Эти люди, которых отвергли в других местах и которым, например, запретили селиться в Генуе, знают, что папа примет их и защитит. Возможно, им

навязывается это унижительное участие в народных праздниках в качестве компенсации за то, что римляне вынуждены были их принять. В других местах и в другие времена история отношений между различными религиозными, этническими и языковыми общностями демонстрирует столь же показательные примеры подобной позорной зависимости²⁵

Праздник и образ Церкви

Эти зрелища и игры, все более разнузданные и многочисленные, заполняют почти все дни календаря и в конце концов становятся предметом скандальной хроники, вызывая острую полемику и критические замечания. Но добродетельные авторы этих замечаний хотя и рдятся в одежды оскорбленной невинности, хотя и находят эти выступления шокирующими и отвратительными, чернящими репутацию Церкви и города, но в то же время забывают о незыблемых принципах существования, диктующих свои правила поведения. А они таковы: не разонравиться городу, как можно чаще появляться на людях, участвовать в различных мероприятиях, но главное — сохранить верность традициям предков. Традициям, которые, будучи, несомненно, вульгарными, все же являются неотъемлемой частью былого наследия и которыми можно было бы пренебречь только если решиться расстаться со своим прошлым.

Как бы то ни было, решительные противники этих праздников неустанно осуждают их дурной вкус, их чрезмерность, подчеркивают даровой характер некоторых развлечений и особенно готовность папы и его придворных принять в них участие, настойчивое стремление последних придумывать новые безумства и даже их распутство. Противники твердят (и в этом они правы), что кардиналы любят покрасоваться на маскарадах верхом на коне, скрыв лицо под маской и одевшись самым шутовским образом. В 1487 году кардинал Колонна, носившийся вскачь по городским улицам вместе с другими прелатами, упал с лошади перед церковью Сан-Сальваторе, да так неудачно, что это стоило ему жизни²⁶.

Среди членов Священной коллегии появилась привычка устраивать шествия колесниц, в которых располагались различные персонажи в масках и шуты в ярких одеждах, декламирующие непристойные стишки. Расточительство и бесстыдство, казалось, достигло апогея при папе Александре VI. Примером тому служит свадьба его дочери Лукреции, в сентябре 1501 года вышедшей замуж за Альфонсо д'Эсте. По окончании долгих переговоров относительно размеров приданого, после утомительных споров посольств феррарского двора свадебные торжества, наконец, состоялись и длились более двух недель. По Corso пустили лошадей, присланных в подарок всеми итальянскими князьями... однако победа была оспорена, поскольку лошадь-победительница сбросила своего седока. Также заставили бежать или танцевать с придворными куртизанок (говорят, их было более пятидесяти). Куртизанки скинули свои одежды и на усыпанной каштанами земле стали так извиваться, что это зрелище вызвало целую бурю восторга. Произошедшее наделало много шума... Некоторые, более благонравные, кардиналы осмелились даже выразить свое возмущение. По всему городу ходили пасквили, вывешивались оскорбительные плакаты. Папа бросил на поиски авторов своих дознавателей, и его сын Чезаре свирепствовал с особым цинизмом. Однако слухи о беспорядках расползаются и распространяются далеко за пределы страны. Несколько крайне суровых и критических разоблачительных писем было опубликовано в Венеции и Германии.

Но несмотря ни на что праздник остается необходимым и полезным событием. Хотя Рим и осуждает всякого рода крайности и излишества, но в то же время охотно приветствует открытую демонстрацию роскоши, великолепия необыкновенных процессий и пышность шествий. А для людей просвещенных некоторые забавы (например, повозки, на которых актеры изображали мифологические сценки, а также играли комедии) являются поводом порассуждать на античные темы, вспомнить древние сюжеты, договориться с художниками о новых заказах.

РИМ — НОВЫЙ ГОРОД

Крепости и беспорядки

Папы, стоявшие во главе могущественного правительства и двора, при котором было много выдающихся умов, коренным образом изменили Рим, создав настоящую столицу христианства.

В те времена, когда Мартин V принял решение обосноваться в Риме, город еще носил на себе печать бывшего упадка. Узурпации власти, вооруженные столкновения наполовину разрушили город. Будучи небезопасной резиденцией в прежние времена, в частности в 1200-е годы, предоставленный сам себе в период «авиньонского пленения», город святого Петра мало что приобрел с возвращением пап в 1378 году. Папам периода великого раскола, видимо, недоставало ни средств, ни решимости на возрождение города. Занятые в основном борьбой с соперниками, они не отваживались обосноваться в Риме, ничего или почти ничего не изменили в положении вещей и не оставили значительных воспоминаний о своем пребывании в этом городе.

Итак, в 1420 году и жизнь людей, и жизнь города подходит к анархии. Структура прежнего города, унаследованная от античности, исчезла: нет ни прямых улиц, ни величественных площадей, которые являлись местом для деловых и политических встреч. Огромные сооружения, гордость Римской республики и империи, исчезли. Некоторые здания давным-давно заняты, пол-

ностью перестроены и потеряли свой прежний вид. Путешественники, паломники и летописцы сокрушаются при виде руин, опустошенности и разорения, изливая потоки сожалений и мрачных размышлений о злосчастьях времени, о жестокости судьбы.

В течение веков Рим был городом беспорядков и кровавых конфликтов. Не было ни одного правительства, способного заставить признать себя и навести хоть какое-то подобие порядка. Папы отсутствуют. Коммуна и сенат, слабые, зачастую марионеточные, укрепившись в Капитолии, более склонны лелеять воспоминания о былом величии, чем действовать, и не могут поправить положение. В оставленном на милость разбойников городе жизнь далека от мирной. Вооруженные банды занимают целые кварталы. Воины из близлежащих крепостей и наемники нападают на город, ища поживы. Печальная репутация бросает тень на блистательный образ города, сохранившийся несмотря ни на что.

По своей сути Рим всегда остается городом знатных семейств, родов и кланов. Те объединяют вокруг себя сильных сторонников, которые селятся поблизости в более или менее укрепленных домах. Живут они, подчиняясь одному закону и общим интересам. Эти блоки, так называемые *isolati* или *complexi*, практически везде представляют собой сеть враждебных объединений, готовых начать междоусобную войну.

Самые старинные и могущественные кланы, происхождение которых восходит к античным временам, обосновываются в огромных зданиях Древнего Рима. Присоединяя к этим зданиям соседние, кланы превращают их в крепости, господствуя, таким образом, на территории целых кварталов.

Эти воинственные аристократы поселялись там, где еще оставались стены. Они укрепляли их, заделывая бреши, пристраивая контрфорсы, возводя мощные башни. Камни для строительства брали там же, в руинах. В течение веков семьи занимали общественные здания, театры и амфитеатры, термы, рынки, базилики, старинные *villae* римских аристократов и императоров и даже их мавзолеи. На Марсовом поле, представ-

ляющем собой «перекресток» дорог, кланы Пьерлеони и Савелли занимали театр Марцелла и портик Октавия. Прямо на берегу реки, на *forum boarium*, им принадлежал комплекс в большей или меньшей степени разрушенных зданий, переделанных в укрепленные оборонительные сооружения. Рядом, напротив Ватикана, расположились Орсини. Они занимали Одеон, театр Помпея и, по другую сторону Тибра, почти не поврежденный мавзолей Адриана (замок Святого Ангела).

В северной части города им противостоят Колонна, контролирующие территорию между мавзолеем Августа и Монтэ Читорио. За мавзолеем Августа велась жестокая борьба, его разрушали и восстанавливали в ходе междоусобных войн. Семья Аннибальдески, прочно обосновавшаяся в своей крепости рядом с Латераном, заглядывается на Колизей и размещает там своих родственников. Колизей Аннибальдески оспаривают у клана Франджипани, укрепившихся в величественных зданиях на Авентинском холме, в арках Тита и Константина. Другой аристократический клан, Каэтани, обосновался за городом, вдоль Аппиевой дороги, заняв усыпальницы и мавзолей Цецилии Метеллы.

Для защиты своих дворцов и домов своих сторонников и союзников римские аристократы сооружали баррикады из камней, заграждения из цепей, оборонительные форты и сверх того высокие и мощные башни из дерева и камня. Город буквально ощетиливается башнями-донжонами. Еще в 1400 году хронисты называют Рим *Roma turrata*, говорят о «лесе из башен» в долинах Субурр и Арджилето, описывают территориальные округа (*rigione VI*) как *contrada turri* или же *campo torrechiano*¹. Сотни башен... Необычный облик города... Образ жестокости и страха. В те времена подобным образом выглядели все города Италии².

Для любой власти, городской или княжеской, такая ситуация была очень опасной и практически неразрешимой. Сколько попыток изменить положение потерпели неудачу в прошлом! Сохранились воспоминания об одном аристократе из Болоньи, Бранкалеоне дельи Андало, основателе братства поддержания порядка. Призванный в Рим для усмирения враждующих кланов,

Бранкалеоне потребовал выдать ему в заложники тридцать сыновей из семейств римской знати, осадил со своим войском дома и крепости, повесил «мятежников» в окнах их собственных дворцов, снес сто сорок башен... Но вскоре вместо них были сооружены новые (1253)³ Говоря об этом периоде, вспоминают также о Джакомо Арлотто деи Стефанески, capitano e rettore (1313), и о влиятельном народном трибуне Кола ди Риненцо (1347—1348)⁴. Но, увы, и их попытки установить в городе твердую власть были тщетны... Рим, как и другие города, оставался феодальным, разделенным между воинственными кланами и альянсами. Те, кто мечтал видеть Рим столицей христианского мира, с негодованием относились к возведению оборонительных сооружений и захвату важнейших районов: многочисленные крепости разрушали образ Вечного города, а захватчики представляли постоянную угрозу его безопасности. Вполне естественно, что папы, которые после Мартина V не были римлянами, не видели никакого смысла в лояльном отношении к властям и к крупным семьям. Они прекрасно осознают неуместность сложившегося положения и, как все западные правители, прилагают усилия для того, чтобы все изменить. Делают они это при помощи конфискаций и новой застройки города. Папы разделяют чаяния значительной части своих подданных, среди которых очень много недавних переселенцев и иммигрантов. Все они стремятся избежать влияния кланов, хотят видеть город мирным, управляемым либо разумными и уважаемыми законами, либо достаточно сильным человеком, способным заставить признать себя, либо по-настоящему действенной и эффективной коммуной. В 1332 году освобождение Колизея коммуной сопровождалось грандиозными торжествами, турнирами и корридой. Сотни людей заполнили ступени и арену Колизея. Одиннадцать погибших были оплаканы и похоронены как герои или мученики в базиликах Санта-Мария Маджоре и Сан-Джованни ин Латерано.

Папы вмешиваются в эту политику и сменяют у власти слишком слабую коммуну. В период после раскола папы лелеют мысль о создании совершенно нового го-

рода. Этот город должен быть достоин новой могущественной Церкви. Значимость папской курии, исключительная централизация административной и финансовой власти, политическая и дипломатическая роль папства в самой Италии и даже в Европе, стремление сохранить и отождествить с собой блистательное прошлое античного мира, показать путешественникам образ, достойный славы, воспеваемый столькими паломниками, — все эти факторы и составляют могущество Церкви. Папа и его приближенные решили воспользоваться великими замыслами Кола ди Риенцо, который во времена «авиньонского пленения» пап объявил Рим властителем мира, умело организовав небывалые празднества. В период после распада и смуты особенно важным для папы было утвердиться в роли настоящего главы всего христианского мира и даже подготовить союз с Константинопольской церковью. Следовало придать большую значимость паломничеству, религиозным обрядам, усыпальницам мучеников. Для того чтобы принимать все увеличивающееся количество приезжающих в Рим, надо было коренным образом изменить город.

Против знати...

Рим, город несчастий и катастроф... хрупкое творение в руках людей, одержимых ненавистью и преступным безумием...

Когда земля сотрясается и рокошет, разрушая город, когда во время проливных дождей вода затопляет целые кварталы, а река вздувается от темных потоков, люди устремляются в церковь. Там они молят о затишье и зачастую выходят на улицы и идут крестным ходом, неся реликвии и хоругви. Враги папы, критики и недовольные им церковные деятели имели достаточно оснований для того, чтобы говорить о божественной каре и еще раз разоблачить перед огромными толпами внимательно слушающих людей пороки и злоупотребления двора.

Тибр бурный, разрушительный, в ту эпоху был некротимой рекой. Добрые римские граждане, буржуа,

нотариусы, авторы хроник и дневников, все они в основном пишут об ужасах наводнений. 12 августа 1471 года, всего через несколько дней после избрания Сикста IV, река выходит из берегов, сносит дома нижних кварталов и затопляет зерновые склады. Под низким свинцовым небом потоки воды уносят трупы людей. То же и в декабре 1475 года: паломники вынуждены на лодках добираться до церквей; дороги перекрыты и настолько небезопасны, что папа был вынужден даровать отпущение грехов тем, кто не смог доехать до римских церквей и отправился молиться в церкви Болоньи или даже в приходы своих городов.

Пять лет спустя, зимой 1480 года, в Риме происходит новое разрушительное наводнение. В 1495 году, в период правления Александра VI, город испытал доселе небывалую ярость стихии. Все началось так внезапно, что кардиналы, вышедшие из консистории, едва успели укрыться в своих дворцах. Заключенные Torre di Nona утонули в своих камерах, а горожанам почти ничего не удалось спасти из затопленных и разрушенных домов.

Разливы реки всегда заставляли жителей Рима врасплох: в то время не знали средств борьбы с наводнением, не принимали и мер предосторожности. Годами Тибр с успехом творит свою легенду. Рассказывают, что в пещерах у берега реки прячутся чудовища — змеи и ужасные драконы и вода разливающегося Тибра выгоняет их из собственного логова. «Это чудовище было зеленого цвета с ослиной головой и телом женщины, правая рука его поднималась вверх, словно хобот слона. На крупе было нарисовано лицо безобразного бородатого старика, а хвост был, как у огромной змеи»⁵

Помимо природных катаклизмов римлянам каждый день угрожают нападения врагов и обычных воров. Жители испытывают тревогу оттого, что город втянут в безумные распри между кварталами и кланами. Изменился ли Рим? Или он по-прежнему остается городом бандитов и усобиц? Если смотреть с этой точки зрения, то ничего не сделано, конечно, к моменту возвращения пап. Вполне естественно, что процесс наведения порядка тормозится всякого рода труднос-

тами: отсутствием денег, зачастую открытым нежеланием знати что-то менять. Следовало сурово наказать аристократов, противостоявших благоустройству города, плану расширения улиц. Многие из них хотели сохранить свои дворцы нетронутыми и на том же самом месте. Некоторых строптивцев пришлось посадить в тюрьму, а их дома снести у них же на глазах. Во всяком случае, идея планомерной застройки города с учетом общих интересов была понемногу признана всеми.

Кроме того, одной из самых главных забот этого периода было стремление положить конец грабегам и убийствам. Существовала поговорка, что в Риме можно сделать все, что угодно, и при этом остаться безнаказанным. Путешественники, напуганные такой ситуацией, бегут из города, подальше от беспорядков, от опасности, которой подвергаются в нем. Слишком много чужеземцев, у которых нет ни стыда ни совести, бродят по городу; слишком много гостиниц и постоялых дворов, в которых находят приют люди, ведущие распутную жизнь. Слишком много бродяг, головорезов, готовых на все, ставших подручными знатных вельмож и кардиналов. Они укрываются во дворцах своих господ, ожидая возможности скрыться из города, или преспокойно ждут, когда забудут об их грязных делах или когда им подвернется еще какое-нибудь выгодное дельце. Паломников грабят среди бела дня, в общественных местах, прямо перед церквями. Судьи не способны принять какие-либо меры, так как ими помыкают придворные, либо они сами являются сообщниками преступников, с которых берут определенную мзду.

Сокровищницы и реликварии храмов охраняются очень плохо. В ноябре 1485 года в базилику Латерана ночью проникают воры. Они похищают две чаши из позолоченного серебра и большую золотую тиару.

Худшим бедствием для Рима являются распри между семьями, разгул кровавой мести. Пламя ее вспыхивает так быстро и становится столь необузданным, что все стихает лишь тогда, когда на месте целого квартала остаются тлеющие руины. Папы хотят установить мир и запретить вендетту. Как и в старые времена, они пред-

лагают помирить враждующие семьи: договориться о денежных компенсациях или же заключить браки между молодыми людьми двух враждующих кланов. Они изо всех сил стараются искоренить эти пороки общества. В 1486-м, затем в 1488 году папа Иннокентий VIII издает две буллы, в которых говорится о жесточайших санкциях против зачинщиков беспорядков, тех, кто решит самостоятельно свести счеты со своими противниками и выступит с угрозами. Те, кто предоставит убежище бандитам в своих замках, расположенных менее чем в пятидесяти милях от города, будут преданы анафеме, объявлены мятежниками и станут преследоваться законом⁶

Наиболее тяжелые времена наступают в период смены власти, междуцарствия. Город предоставляется сам себе, блюстители порядка либо отстраняются от должности, либо не осмеливаются вмешиваться, когда толпы народа заполняют улицы и площади, грабя дома священников и приближенных покойного папы, всех тех, кто уже спасается бегством. Летом 1492 года, до того, как на конклаве избирают папу Александра VI, только за девятнадцать дней от рук преступников погибло больше двухсот человек. Папский нунций во Франции в своей надгробной речи на похоронах Иннокентия VIII говорил о беспорядках и нищете Рима. Замок Святого Ангела и Ватикан находились под неусыпной охраной гвардии⁷ Чтобы взять власть в городе в свои руки и восстановить порядок, папа Борджиа издает специальный закон, *De Maleficiis*. Закон состоит из тридцати пяти пунктов четких формулировок, в которых оговариваются все злодеяния и нарушения закона. Борджиа обещает расширить полномочия магистратов и сделать их полностью независимыми⁸.

Но, увы, все эти законы, буллы, статуты и декреты, столь часто принимаемые и пересматриваемые, остаются всего лишь на бумаге, их если и соблюдают, то в течение нескольких недель. Конфликты между семьями и кланами превращают город в развалины. В мае 1484 года на Монтэ Джордано и Кампо деи Фьори собралось больше трех тысяч людей Орсини. Они захватывают дворец кардинала Джованни Колонна, грабят,

разоряют, устраивают пожары. Все дома в округе были полностью разграблены и сожжены. Эта участь не миновала даже двух церквей: Сан-Сильвестро и Сан-Сальваторе деи Корнелии, даже чудесной виллы гуманиста Помпонио Лото, который был вынужден бежать в одной рубашке, бросив свои книги и коллекцию античной скульптуры и керамики⁹

Отданный на разграбление, Рим переживает и разорения другого рода. Они вызваны вторжением иностранцев. Еще до рокового разграбления Рима в 1527 году пребывание французов Карла VIII зимой 1494/95 года оставило в городе неизгладимые следы. Римляне не выносят короля («это самый безобразный человек, которого когда-либо видели... его лицо ужасюще уродливо»). Дети на улицах распевают оскорбительные куплеты: «Пусть умрет кривоногий король! Пусть умрет этот гадкий пьяница! Король, у которого тыква вместо носа!»¹⁰ Карл VIII платит им тем же. Хотя он и стремится поддерживать хотя бы видимость порядка и даже вешает на Кампо деи Фьори нескольких зачинщиков резни, его люди не соблюдают никаких законов, грабят и крушат все на своем пути. По меньшей мере полторы тысячи французов, расположившихся во дворцах и прекрасных виллах, крадут все, что попадает под руку, грубо обращаются с хозяевами и прислугой, «превращают дворцы в настоящий свинарник».

Таков город, жизнь в нем по-прежнему переменчива, а равновесие шатко. Превратить Рим в красивую столицу было делом не из простых. И тем не менее папы, которые были в большинстве случаев чужеземцами, стремятся к этому, прикладывая огромные усилия. В этом чувствуется продуманное решение, политическое стремление добиться признания, побороть преступность, сопротивление знати, уничтожить их любыми способами.

Первый значительный проект был задуман Николаем V (1447—1455). Его биограф, флорентиец Джаноццо Манетти, писал следующее о планах папы: он намеревался перестроить городские стены, обустроить подходы к городу, выровнять и расширить улицы; счи-

тал, что в центре города следует устроить большие площади, которые были бы открыты для всех граждан, что было бы признаком продуманного градостроительства; подвести к ним широкие улицы и построить портики с колоннами (это, вероятно, подражание Константинополю, что является свидетельством влияния греческой культуры на все области жизни Рима). Николай V планировал также полную реконструкцию Ватиканского дворца и намеревался превратить Ворго собора святого Петра в огромный административный комплекс для курии, ее трибуналов и служб¹¹. Это был грандиозный замысел, который можно смело считать главной заботой гуманистов, архитекторов и градостроителей того времени.

Однако прекрасная программа не была претворена в жизнь, предпринимались лишь робкие попытки к ее осуществлению. Так что, несмотря на то, что в курии и в окружении папы были такие люди, как Леон Баттиста Альберти (в 1432—1434 служащий в конторах Ватикана, автор знаменитого трактата «Об архитектуре»¹²) и Филарете, ничто в Риме не могло сравниться с проектами идеальных городов великих авторов той эпохи¹³. К таким проектам относится работа Филарете «Sforziada», выполненная для герцога миланского, проекты Леонардо да Винчи и Браманте для Лодовико Моро, работы Джулиано да Сангалло, творившего для Медичи, а также «приложение», задуманное и реализованное в основном Бьяджо Россетти для Эрколе д'Эсте и его города Феррара. Проект представляет собой перепланировку, в результате которой замок и его пристройки объединяются со старинным городом¹⁴.

Из-за отсутствия порядка и в большей степени из-за нехватки средств в Риме после раскола ничего подобного нельзя было увидеть, обновления в этом городе сводились лишь к необходимым изменениям деталей.

Некоторые начинания терпеливо претворялись в жизнь, несмотря на различного рода препятствия, а иногда и на открытое сопротивление. В частности, это касается попыток сохранить свободу передвижения на основных улицах, запретить незаконные захваты территорий и избавить улицы от контроля могуществен-

ных семей. Такая политика уже заявила о себе в предыдущие века и даже реализовывалась, часто не без успеха, в городах Северной и Центральной Италии. В Авиньоне во время пребывания там пап к подобным мерам также прибегали, и занимались этим «уличные распорядители». В Риме такую должность ввели после избрания Мартина V. Одним из первых дел его правительства, вскоре после возвращения в город, было создание магистратуры «дорожных смотрителей», учрежденной папской грамотой в 1425 году. В обязанности магистратуры, руководившей работой уличной полиции, входила охрана общественных мест. После мрачных времен беспорядков *Magistri viarum** вновь начали ту же самую работу, что вели *Magistri aedificiorum urbis*** в 1200-х годах. Старинная традиция, свидетельствующая о реальной заботе о благоустройстве города, одновременно предполагает наличие власти, способной заставить уважать существующие правила. Эти люди должны «взять под контроль все места, земли, владения и имущество, виноградники и сады, триумфальные арки и ворота, здания и городские стены, все то, что принадлежит городу, но находится еще во владении частных лиц». Они, в частности, запрещают возводить любые сооружения на подступах к собору святого Петра¹⁵.

Другие начинания, быть может, более заметные, отвечали тем же замыслам: контроль над общественными местами и территориями, захваченными аристократами. Николай V объявляет о полном освобождении от пошлин всех тех, кто начнет строительство на западе города, на Эсквiline, напротив Ватикана, между церквями Санта-Мария Маджоре, Санта-Прасседе и возле арки Галена. Сам Николай V охотно поселился в папском дворце рядом с базиликой Санта-Мария¹⁶.

Спустя некоторое время Сикст IV вновь возвращается к политике основания и заселения новых кварталов. В 1473 году он приказывает восстановить римский мост, *ponte Aurelus*, и расширить улицу, идущую до пло-

* Хозяева улиц (*лат.*). — *Примеч. ред.*

** Хозяева городских зданий (*лат.*). — *Примеч. ред.*

щадя Навона. Это положило конец некоторой изолированности Трастевере и тесно связало этот район с городом. В северной части Марсова поля, поблизости от мавзолея Августа, папа приказывает построить два «города» для иностранцев. Далматинцы и иллирийцы, schiavoni, бежавшие со своих земель из-за нашествия турок, получили земли вдоль реки. Их участки, образующие в целом три параллельно расположенные, геометрически четкие группы домов (isolati), обрамляли церковь Сан-Джироламо дельи Скьявони. Второй «городок», близ церкви Сант-Амброджо э Сан-Карло предназначался для все более многочисленных ломбардцев, переселяющихся туда из окрестностей Ватиканского дворца¹⁷.

Расширение жилищного строительства, разделение земель на участки и их заселение вновь прибывшими людьми, не охваченными традиционными и феодальными связями, — именно в этом состояла политика, целью которой было создание новых полюсов в городе, надзор и противодействие старому городу с засильем кланов и аристократов и в конечном счете их ослабление.

Мы можем легко представить, насколько непростой задачей было сломить в городе крепкие социальные и политические устои. Папа и его советники призывали римлян к соблюдению общих интересов, говорили о необходимости сохранения свободного движения для гужевого транспорта, защите от эпидемий и борьбе с вредными для здоровья явлениями и даже пытались говорить, правда, еще не очень уверенно, об эстетике и о красивом внешнем виде города. Все знали, что наличие углублений и ниш в зданиях, кривых и узких улочек, отходивших от основных магистралей, благоприятствовало преступным делам бандитов и бунтовщиков, а также помогало семьям и кланам обороняться. Когда в январе 1465 года король Ферран Сицилийский, прибывший с визитом к Павлу II, посетил город, то сразу же предостерег папу, что тот не сможет быть настоящим хозяином города, в котором такие узкие улицы, всюду крытые галереи и ограждения, а также множество укрепленных сооружений. Женщины, удобно рас-

положившись на террасах своих домов и дворцов, могли бы обратиться в бегство вооруженных мужчин, если бы те попытались взять штурмом их жилище. Именно поэтому Ферран посоветовал сломать неудобные с этой точки зрения сооружения и расширить улицы¹⁸. Прекрасный совет, конечно... Но как трудно его реализовать! Первые по-настоящему серьезные работы по ликвидации всех этих оборонительных сооружений были предприняты лишь в 1480 году.

По правде говоря, папы сами были заинтересованы в усилении собственных крепостей. Им нужно было укрепить старые городские стены, чтобы следить за окрестностями, защитить подходы, в особенности те, что идут с севера, а также хорошо охранять мосты через реку. При Каллисте III (1455—1458), который в большей степени думал о крестовых походах, вооружении флота и наборе войска, чем об укреплении своих дворцов и церквей, регулярно выделялись значительные суммы денег на строительство фортификационных сооружений. На одной из медалей, отчеканенной во время его правления, был изображен Вечный город, окруженный гигантскими бастионами. Говорили, что Каллист III использовал придворных художников лишь для росписи своих штандартов. Он превратил мост Номентано (или Саларио), который вверху по течению Тибра открывал дорогу на Рим войскам с севера, в грозную крепость с зубчатыми башнями и небольшими замками. Украшена была крепость лишь надписями, восхваляющими славу и доблесть войск. Чуть ближе к городу, на мосту Молле (или Мильвио), простые деревянные перекрытия, шаткие и ненадежные, были заменены сводами из камня, а на входе была построена башня. На башнях и воротах крепости Каллист III приказал высечь собственный герб.

Более пристального внимания достойны сооружения, которые охраняли Borgo собора святого Петра, изолировали его от беспокойного Рима. Для их строительства были привлечены деньги, инженеры и профессиональные строители. С одной стороны над форумом возвышались огромные четырехугольные башни, построенные на склонах Капитолийского

холма Бонифацием IX около 1400 года. С другой стороны — знаменитый замок Святого Ангела, бывший мавзолеем Адриана, неоднократно реставрированный и перестроенный, — предмет стольких славных воспоминаний об осадах и обороне. Его внушительная громада высилась над рекой, он символизировал мирскую власть папы римского, его господство над городом. Являясь последним и даже единственным оборонительным пунктом, замок во времена раскола пережил многочисленные атаки со стороны аристократических семей и разных авантюристов, «рыцарей удачи», препятствующих тому, чтобы в городе был наведен порядок.

Все папы по мере возможностей проявляют небывалую энергичность и выделяют на фортификационные работы значительную часть своих доходов. Они призывают в замок известных мастеров-каменщиков и знатоков артиллерийского дела, исправляют и укрепляют крепостные стены, обустроивают дозорные пути, бойницы, караульные помещения и пороховые склады. В 1447 году Николай V разворачивает новую масштабную строительную кампанию. Он расчищает подходы к замку с тем, чтобы избежать любых неожиданностей и лучше использовать метательное оружие. Он увеличивает размеры башни, построенной некогда по приказу Бонифация VIII. Кроме того, Николай V превращает замок в настоящую резиденцию, устроив в нем различные залы для приемов и работы, а также личные комнаты. Во время его правления над главной башней была воздвигнута известная статуя крылатого ангела, которому поклонялись и к которому обращались с молитвой паломники и римляне, когда над городом нависала опасность иностранного вторжения или страшных эпидемий.

Декабрь 1494 года. Александр VI, напуганный ошеломляющим известием о приближении французов, их великолепной армии, способной одним ударом одержать верх над противником, дополнительно укрепляет замок. Он превращает его в настоящий донжон, убежище. Главную круглую башню надстраивают еще на один этаж с широкой круговой дозорной галереей, бойница-

ми и зубцами; в башне же в хорошо защищенных складах размещаются запасы зерна, а внизу, во дворе, выкапывается огромный крытый колодец. В тюрьме появляются скрытые от глаз мрачные карцеры, «каменные мешки». Папа сосредоточивает в башне все свои орудия, размещая их в проемах окон, копит запасы зерна, масла, солонины и вина. Он хранит у себя казну, драгоценные камни, ювелирные изделия из серебра и золота, самые почитаемые реликвии из собора святого Петра и Латерана. Папа говорит, что сможет выдерживать осаду, по крайней мере, в течение трех лет!¹⁹

Именно в замке Святого Ангела укрылся в 1527 году второй папа из семейства Медичи, Климент VII. Атакуемый со всех сторон, оставшийся с ничтожно малыми силами, покинутый союзниками и остатками своих войск, он оказался перед лицом неуправляемого наступления имперских войск под командованием коннетабля Бурбона и офицеров, жаждущих добычи. Об этой отчаянной обороне, оставшейся в памяти людей, очевидцы и хронисты вспоминают как об удивительном подвиге. Видимо, по вине военных, оборона была поручена нескольким специалистам, инженерам, художникам и ученым из Рима или из папского окружения. Так, Бенвенуто Челлини в своих «Мемуарах» хвалился, что сам наводил пушку. Он прекрасно описал замок, готовый к бою, то, как шли военные приготовления, оборона, как приближался противник и шел бой. Рассказ Челлини еще раз подчеркивает тот факт, что папский замок может оставаться единственным бастионом в борьбе с захватчиком в завоеванном и покоренном городе.

Толпа паломников

В это же время параллельно с работами по укреплению крепостей шли работы по благоустройству территорий, которые должны были сделать Borgo собора святого Петра более доступным для паломников, обеспечив им безопасное и беспрепятственное продвижение без какой-либо давки. Именно возвращение пап в Рим породило новую волну паломничества. С 1417 го-

да в Риме наблюдается такой большой наплыв иностранцев, что улицы не в состоянии их всех вместить. Три жалких, скорее даже убогих моста, находившихся в плачевном состоянии, пересекали в то время Тибр: рядом с крепостью мост Святого Ангела (бывший *pons Aelius* или *ponte Elio*), затем двойной мост, переброшенный на речной остров (*ponte Quattro Capi* и *ponte San Bartolomeo*) и древний *pons Senatorum*, переименованный в *ponte Santa Maria*²⁰. В городе не было предусмотрено ни место для сбора, ни для остановки в пути, так что в дни больших праздников толпы паломников беспорядочно теснились на узких улицах, топтались на перекрестках, думая, что умрут в давке. И действительно, в 1450 году огромное количество людей оказалось в воде и утонуло, а также было задавлено на улице.

Различные меры по благоустройству города рядом с рекой были направлены на то, чтобы предупредить подобные несчастные случаи и проложить широкую паломническую дорогу, чтобы люди могли спокойно переходить через мосты и подниматься к собору. При Николае V, определенно ставшем первым великим предпринимателем того времени, набережные реки и улицы, ведущие от города и постоялых дворов к собору, были расширены и освобождены от тех, кто захватил там себе территорию. Палатки торговцев снесли, а крытые галереи, возвышающиеся повсюду над тротуарами, облегчали проход: на мосту Святого Ангела даже не осталось ни лавочек, ни магазинов, ни жилых домов, как, например, на *ponti Vecchio* во Флоренции или на *Rialto* в Венеции. Мост служит лишь для прохода религиозных процессий и является главной магистралью всего проекта: самый широкий, надежный, с крытой колоннадой по бокам, защищающей от непогоды. Сам Альберти делает прекрасный набросок моста, что свидетельствует о заинтересованности опытного художника и урбаниста к этому монументальному престижному творению. Для оформления моста папа не жалеет декора и символов. По обе стороны он приказал построить две круглые часовни. Работа над проектом была поручена признанным мастерам: над одной работали скульптор Мариано ди Тускио и его сын, знаменитый

Паоло Романо, над второй — скульптор Пьетро де Альпино, затем еще один мастер из Милана. Часовни, разрушенные имперскими солдатами во время разграбления города в 1527 году, были построены в память о паломниках, погибших в давке в 1450 году, — своеобразный способ приобщить всех посетителей города к папскому творению. Этот мост — богоугодное дело.

Вполне естественно, что паломничество способствует развитию в городе различного рода деятельности, связанной с приемом гостей, и расширению потребительского рынка. Рим живет не только жизнью двора, производством предметов роскоши, притоком служителей Церкви и финансистов. Его жизнь становится более полной с прибытием христиан, приезжающих в город помолиться, поклониться мощам апостолов Петра и Павла и других святых. Увеличивается число паломников, они обходят все семь базилик в надежде, что молитвы принесут им защиту или исцеление. Некоторые получают у папы благословение или прощение. Кроме того, по воле папы Рим становится для паломников неизбежным этапным пунктом на пути посещения святынь Южной Италии (Сан-Микеле в Гаргано, Сан-Никколо в Бари, Нотр-Дам де Лоретт) и, самое главное, на пути к Святой земле. Некоторые садятся в Венеции на один из паломнических кораблей, чтобы поскорее добраться до Яффы. Но среди них больше тех, кто сперва направляется в Рим помолиться, попросить разрешения пройти через земли неверных и потратить там деньги. По дороге на гору Синай они посещают Египет, а на обратном пути отправляются на север до Дамаска, навстречу воспоминаниям о святом Павле. Паломники-гуманисты, интересующиеся всем на свете, те, кто не может довольствоваться коротким путешествием, кто хочет узнать обычаи стран Востока, следуют через Рим²¹.

Папский Рим становится столицей мира. Возвращение пап приводит к его процветанию, привлекает огромное число людей со всего христианского мира. Немцы, французы, фламандцы, англичане и ирландцы направляются через Альпы в Рим, к гробнице святого Петра, делая по дороге остановки в странноприимных

домах Пьяченцы, в Болонье, в Борго, Сан-Сеполькро и Сиене²².

Больше всего паломников собирается в Риме на Пасху и на Рождество, празднование которых становится все пышнее год от года. Церковные праздники начинают задавать ритм жизни города, вызывают приток людей, увеличивают потребление продуктов питания и как следствие способствуют росту цен. Кроме того, к этим ежегодным религиозным праздникам прибавляются еще и римские юбилейные года. В течение нескольких дней служится великолепная литургия во славу Христа, святого Петра, Церкви и самого города. Первый юбилейный год был провозглашен Бонифацием III в булле от 22 февраля 1300 года. Он выдавал индульгенции, отпущение грехов тем, кто посетит базилики, чтобы помолиться, исповедаться и причаститься. Подобная инициатива, возможно, была своего рода данью традициям древнееврейского народа. В любом случае эта акция отвечала ожиданиям, была близка некоторым народным обычаям и в немалой степени уступала требованиям общественного мнения. Было решено, что римляне должны провести в молитвах тридцать дней, в то время как иностранцы — только пятнадцать.

Стечение народа было невероятным; летописцы рассказывают о сотнях тысяч паломников и о различного рода происшествиях, случившихся во время больших церемоний. Толпы людей собрались у церквей, паломники делали приношения в базилике Сан-Паоло фуори ле Муре, затем тесными рядами пересекли реку, поднимались по лестнице святого Петра и проходили в Латеране через специально открытые Святые врата, чтобы поприветствовать папу, который находился в это время в своей ложе. Юбилейный год, это, прежде всего, большой народный праздник, на нем не увидишь ни князей, ни знатных гостей. Просвещенные люди, гуманисты, приняли его с большим воодушевлением. Вероятно, они видели в нем возможность возобновить праздничные мероприятия античного Рима и повод возвеличить город и его судьбу. Так, Данте в нескольких своих стихах описывает

специально приведенные в порядок улицы и мосты. О том же самом можно прочесть в хрониках флорентийца Джованни Виллани. А Джотто, которому покровительствовал кардинал Стефанески, присутствовал на торжествах и изобразил потом некоторые сцены в большой мозаике церкви Навичелла.

В период великой схизмы римский папа Урбан VI, возможно, для того, чтобы утвердить свое спорное избрание и в противовес авиньонскому папе, учредил с 1390 года новый юбилейный год, теперь на десять лет раньше намеченного срока. Следующие торжества состоялись, кажется, в 1423 или 1425 году, а затем в 1450-м. В 1470 году Павел II заявляет, что отныне юбилейный год будет отмечаться каждые двадцать пять лет.

В 1475 году Сикст IV решает придать празднеству еще большую пышность и выпускает великолепную золотую медаль. На ней был изображен Сикст IV в окружении кардиналов и священников Рима в церемониальных одеждах. В руках папы — кирка каменщика, которой он разрушает стену, закрывающую Святые врата. Его славит хор ангелов, а с небес на землю снисходит свет Святого Духа.

Ни один город на Западе не мог, разумеется, соперничать с Римом. Ни в один из городов не приезжало столько иностранцев, ни один город не сталкивался с такими проблемами, как размещение, снабжение и существование заезжих гостей, увеличение числа постоянных дворов, приютов, монастырей и церквей.

Первое время паломники размещались в бедных гостиницах, *locande*, находившихся в основном на севере города, близ моста Святого Ангела в *рione* *Parione* или *Sant'Eustachio*; некоторые попрошайничали, искали приюта у римлян.

Евгений IV осознал необходимость начать работы по благоустройству города. По его приказу был полностью восстановлен и расширен саксонский госпиталь Святого Духа (*in Sassia*). Расположенный на правом берегу Тибра у подножия холма, он являлся ставкой в тяжелых боях гражданских войн, в результате которых от него остались только руины. Папа распространил на

него устав святого Августина и реорганизовал братство Святого Духа, в которое стремились попасть многие кардиналы. Вскоре больница выглядела совсем иначе: появился величественный фасад с возвышающейся восьмиугольной башней, перед которой был возведен высокий портик с фронтоном; под арками проходит длинная галерея «немощих», откуда больные могли слушать мессу.

Понемногу каждая нация, каждая иностранная колония строит и содержит странноприимный дом для священников и паломников из своей страны. Это одновременно приют, постоянный дом с кельями и общими залами, госпиталь, где лечат больных, а также кладбище. Благодаря многочисленным дарам и наследствам, эти заведения располагали значительным имуществом: земельными владениями и доходами в виде зерна или денег.

Наиболее старым и одним из самых известных странноприимных домов был Anima, основанный в 1399 году. Получив право на погребения, Anima становится городским анклавом. Моряки и паломники из Генуи прибывали на кораблях и высаживались к югу от гавани Рипа Гранде, а их странноприимный дом святого Иоанна Генуэзского находился в квартале Трастевере, близ церкви Санта-Чечилия.

В этот период появляются приюты святого Иакова Испанского, святого Антония Португальского, святого Николая Каталонского и менее значимые приюты для французов, бретонцев, англичан, затем фламандцев, венгров и выходцев с Севера, в особенности шведов, и, естественно, для ломбардцев и тосканцев.

В Риме больше, чем в других городах, насчитывается частных гостиниц, владельцами которых нередко являются иностранцы. Одиноким путники, не нашедшие себе места ни в монастырях, ни в приютах, останавливаются в гостиницах любых городских кварталов, рядом с Borgo, по обе стороны реки, рядом с северными мостами, у пристаней на юге и на склонах холмов. Они вверяют себя хозяину, человеку, ниспосланному им провидением, ловкому, «крепко стоящему на ногах», трактирщику, иногда пекарю или меняле²³.

Район Campo dei Fiori, через который проходит Папская дорога между Латераном и Ватиканом, становится одним из самых активных центров города. Здесь торгуют зерном, зачитывают папские буллы, эдикты, судебные решения, здесь же можно нанять вьючных животных. Многие гостиницы находятся на площади, а их вывески развеваются на близлежащих улочках: «Campana», «Sole», «Spade», «Angelo», «Basilico», «Leone» или «Vacca». По словам Руччелай, во время празднования юбилейного года в 1450 году на улицах города насчитывалось более тысячи вывесок гостиниц²⁴.

Гостиниц было много и рассчитаны они были на людей с любым достатком. Некоторые, наиболее комфортабельные, очень быстро стали известны; они гордятся хорошим столом и богатыми клиентами. Такова, например, гостиница «Orso», находившаяся рядом с Тибром на расширенной и вымощенной в то время *via di Monti Brianzo*. «Orso» возникла в результате объединения трех старых домов. Со временем у нее появился красивый и представительный фасад, украшенный террасой с арками.

Именно в это время поистине рождается, особым образом застраиваясь, квартал святого Петра, который в прошлом был лишь малонаселенным Borgo с нечеткой структурой. Расположенный на пути к собору и Ватиканскому дворцу, квартал превращается в настоящий город, оживленный бесконечным потоком путников. Едва папы объявляют о полном освобождении от налогов всех, кто переселится в Borgo, гостиницы, постоялые дворы, таверны концентрируются поблизости от мостов. Религиозные братства приобретают участки земли и строят на них часовни, а общины благочестия и покаяния, так называемые *disciplinanti*, флагелланты или *bianchi*, строят свои молельни. На территории квартала обосновываются многочисленные религиозные и монастырские общины: каноники *Santa Maria in Lauro*, отшельники, а также коллеж святого Аполлинария, чтобы дать приют бедным студентам, проходящим римский *studium* в Ватикане²⁵.

Итак, город определенно меняется, разрастается и приобретает новый облик. Его внешний вид оконча-

тельно сформировывается. Несколько десятилетий изменили его больше, чем все предыдущие века. Находившийся долгое время в застывшем состоянии, ограничиваясь незначительными изменениями, теперь Рим растет на глазах, осваивает свои территории, новые колокольни украшают его. Рим — это город церквей, зачастую народных, скромных, не отличающихся особой пышностью, которые вписались в структуру города и в жизнь его обитателей. По одному довольно неточному каталогу, составленному в 1425 году, в Риме значится триста сорок восемь церквей: приходских, при иностранных миссиях и странноприимных домах, при монастырях и религиозных братствах. При этом не учитывались еще одиннадцать, находившихся за чертой города. Это были большей частью соборы и паломнические центры.

Город пап и собор святого Петра

В это же время и по той же причине в Ватикане ведется строительство папского дворца и собора, которые, находясь в стороне от античного города, контролируемого до сих пор аристократическими кланами, будут свидетельствовать о престиже понтифика, его стремлении к независимости и власти²⁶.

До Авиньона, когда папа жил в Латеране, жизнь его была нестабильна. Для того чтобы присутствовать на праздниках, торжественных богослужениях в других соборах или чтобы посетить Капитолий, папе приходилось пешком или в повозке пересекать город, делая остановки в определенных местах. Так, на территории Ватикана, который вплоть до 1420 года был временным пристанищем пап, когда они перемещались по городу, планировалось разместить папские службы.

Идея размещения двора или, скорее, папских служб в Ватикане, на склоне холма Яникул, принадлежит Николаю III, Джангаэтано Орсини, избранному на конклаве в городе Витербо в 1277 году. Его главным желанием, очевидно, было прочно обосноваться в Риме, сделать из него столицу, одновременно княжескую резиденцию и крупный административный центр, по-

кончив с временным характером проживания и правления. Папе нужны были хорошо укрепленные, неприступные убежища в городе или, по крайней мере, на его флангах, с тем чтобы отразить опасность, исходящую от города фьефов и донжонов. Он сперва отдает приказ достроить Латеранский дворец, строительство которого было начато одним из его предшественников, Адрианом V. Иностранные путешественники, летописцы восхищаются грандиозным строительством. Один из них описывает самый настоящий «город» для размещения кардиналов, окруженный городской стеной и башнями рядом с Латераном. Но в то же время Николай III преследовал и более амбициозные цели: всеми возможными способами, прорывая с древней традицией, заставить римлян принять новый город, символ поклонения святому Петру, основателю Церкви, гаранту превосходства Рима. И для него это не составляло труда: семья Орсини долгое время владела целым ансамблем домов и дворцов, расположенных по ту сторону Тибра, недалеко от собора, рядом с небольшим дворцом Palatiolum, представлявшем собой обычный укрепленный domus papalis, «папское жилище». Этот дворец походил скорее на приют на одну ночь, чем на настоящую резиденцию. В результате папа Николай III приходит к тому, что рассматривает собор святого Петра как фамильную церковь. Он реставрирует его, доставив из своих ленных владений большое количество строительных материалов и организует строгую каноническую жизнь для многих членов своего рода, союзников и людей, которые пользовались его покровительством. Для того чтобы подчеркнуть свое предпочтение к этому собору, он приказывает украсить главный неф ликами всех пап, точно так же, как это сделано в церкви Сан-Джованни ин Латерано или в Сан-Паоло фуори ле Мура. Но главное — Николай III решает привести в порядок Ватиканский холм и возвести здесь величественный комплекс. Он строит административное здание для служб, учреждений папской курии и окружает огромный сад стеной с башнями. Административный дворец, напоминающий крепость, походил на подобные

здания итальянских коммун, Signoria или Podestat, в Тоскане или Лацио. В это же время рождается идея перемещения папы, его приближенных, административных служб из южных окраин города на запад, в Borgo.

Этот проект постепенно становится все более четким и реальным. О нем не забывают даже авиньонские папы. А те, кто мечтает вернуться в Рим с большой помпой и связывает свои надежды с Ватиканом, символом нового времени, просто одержимы этой идеей. Воплотить ее берется папа Бенедикт XII, француз по национальности, но вдохновленный римской идеей, внемлющий устремлениям христианского мира, неудовлетворенный исключительно французской моделью двора и Церкви.

В 1334 году он поручает триумвирату «ad reformationem et pacem Urbis» заботы по обустройству некоторых секторов города, на которые его семья и Церковь могли оказывать определенное влияние. Работы по украшению собора, на которые было потрачено по меньшей мере восемьдесят тысяч флоринов, велись до 1341 года. Руководил ими подрядчик-финансист Балло да Колонна. Тогда в соборе были заменены четыре основных перекрытия, относящиеся к эпохе Константина. Еще одним подрядчиком был француз Жан Пуассон (или Джованни Пеше), назначенный *altarario* собора святого Петра, то есть «хозяином» алтарей, он отвечал за сбор милостыни. Живя во дворце кардинала Наполеоне Орсини, Пуассон также являлся смотрителем папского дворца и садов.

Папы прекрасно сознавали важность подобного переезда и думали даже превратить Borgo святого Петра в центр большого городского ансамбля, что наложило бы на римский пейзаж знак их присутствия и власти в Риме.

Однако с приходом к власти пап-иностранцев и тем более пап, враждебно настроенных по отношению к Орсини, обо всех начинаниях быстро забывают. Все произошло, когда в Рим вернулся папа Мартин V Колонна. Колонна думает прежде всего о собственной безопасности. Он возвращается к старым традициям, занимается главным образом своей семьей, кланом, гарантирующим

в определенной степени его безопасность. В центре города, вдали от Ватикана, он заново перестраивает и превращает в крепость дворец Колонна, который становится центром его политической деятельности.

Церковь Санти-Апостоли, находящаяся по соседству, полностью восстановленная, украшенная, с заново вымощенным полом, становится его придворной часовней. С 1424 года он постоянно живет среди своих, в безопасности, вплоть до своей смерти (1431).

После него Евгений IV проводит свое время за пределами Рима. Будучи другом семьи Орсини, Евгений IV опирается на них, их крепости, но расположенные вне Ватикана, в самом городе. Свой двор папа размещает в Сан-Лоренцо ин Дамазо, рядом с дворцом Орсини, к югу от площади Навона, или даже в своем семейном дворце, построенном поблизости, на месте театра Помпея. Во всяком случае, после смерти этих двух пап заседания конклавов 1431 и 1447 годов проходят в монастыре доминиканцев Санта-Мария Сопра Минерва, в самом сердце города, полного крепостей, принадлежащих знатным семействам.

Ситуация меняется с избранием Николая V, пользующегося поддержкой не только римских вельмож. Он осмеливается проводить иную политику и хочет править не как глава клана, а как настоящий князь²⁷ Но где же разместить всех своих людей, охрану, службы, кардиналов? Заброшенный, практически не обитаемый Латеран больше не подходит для осуществления великих замыслов. Ограничиваются тем, что меняют настил в соборе и украшают стены фресками (Мазаччо и Мазолино). Римский папа хочет отныне жить и править там, где покоится тело святого Петра. Замок Святого Ангела обеспечивает прекрасную защиту. Было сделано все для того, чтобы, используя опыт других западных дворов и авиньонских пап второго периода «пленения», подчеркнуть могущество суверена — папы римского при помощи величественных архитектурных творений, для создания которых были привлечены и капиталы, и многочисленные художники, некоторые из них в то время были уже хорошо известны.

За один только 1453 год Николай V выделил больше тридцати тысяч дукатов на восстановление собора и дворца в Ватикане. Во дворце он сперва приказал отремонтировать несколько комнат старой постройки, затем возвести новую библиотеку, часовню Сан-Лоренцо, большой зал, так называемый «конюшенный», над дверями которого красуются гербы папы, а также зал бельведера. Здание было окружено высокими стенами и башнями. Теперь можно было подумать и об украшении: папа заказывает серию витражей, которые были изготовлены, собраны и расписаны на месте, в мастерских под руководством бенедиктинца брата Франческо из Перуджи и еще одного монаха, брата Джованни из Рима. Как многие просвещенные князья того времени, будь то в Ферраре, Мантуе или во Флоренции, папа уделял особое внимание своему рабочему кабинету, *studiolo*, где он хранил коллекции ценных произведений искусства, дорогие иллюстрированные книги. В его кабинете стояла прекрасная мебель с изысканной инкрустацией из слоновой кости, перламутра или подделочных камней, а на стенах висели картины. *Studiolo* предположительно представлял собой небольшую комнату, превратившуюся позднее в часовню дворца. Окна комнаты были украшены витражами, а стены расписаны сценами из жизни святых («Житие святого Лаврентия» и «Житие святого Стефана»).

Папа Пий II Пикколомини, не проявлявший интереса к Риму и не вкладывавший денег в этот город, тем не менее воздвиг башню для охраны входных ворот дворца. При нем была завершена лучшая часть внутреннего убранства. Скульпторы и художники, в особенности тосканцы, работали не покладая рук. Именно в это время был расписан знаменитый зал Паппагалло (попугая), на стенах которого изображены экзотические картины, птицы (попугаи) и фантастические животные. Подобный декор становится традицией; в будущем он будет вдохновлять и других художников. Хозяйка всех дворцов отныне стремится иметь свой собственный зал попугая.

Сикст IV, один из самых активных преобразователей Ворго собора святого Петра, проводит крупно-

масштабные работы, в результате которых дворец приобретает законченность архитектурных форм и весь свой блеск. Во-первых, он строит казарму для папской охраны — знак того, что папа оставил мрачный замок Святого Ангела. Затем возводится Сикстинская капелла, символ престижа папы. Строительство капеллы началось сразу после избрания Сикста IV, в 1473 году. К росписи капеллы были привлечены известные мастера: Боттичелли, Гирландайо, Пинтуриккьо и Лука Синьорелли. Она еще не была завершена на момент ее торжественного открытия (1481), на которое собралось огромное количество народа. По случаю открытия Сикстинской капеллы папа дарует всем присутствующим полное отпущение грехов. Отныне самые значительные церемонии, такие как, например, похороны кардиналов, проходят здесь. Здесь же будут собираться и многочисленные конклавы. Позднее, как известно, Микеланджело создает там фрески «Сотворение мира» и «Страшный суд», иконографический ряд, одобренный самим Сикстом IV. Все это, помимо тяги к прекрасным произведениям искусства и стремления создать пышную обстановку, свидетельствует об определенном замысле: превратить Ватикан в резиденцию главы Церкви, где располагались бы его двор и правительство²⁸.

Вскоре его преемник Иннокентий III пристраивает к комплексу папских зданий по другую сторону садов еще один дворец, так называемый Бельведер. Бельведер заслуживал подобное название: дворец предназначался не для официальных торжеств или работы, где находились бы конторы и суды, а служил для развлечений и отдыха. Дворец представлял собой невысокую восьмиугольную башню с широкими окнами, из которых открывался прекрасный вид на сады. Внутри он был отделан с необыкновенной роскошью: мрамор, мозаика, майолика, вышитые ковры, гобелены, фрески, выполненные лучшими мастерами того времени, в частности Пинтуриккьо. Следуя той же традиции возводить башни-обсерватории, папа Александр VI Борджиа построил новую, но в противоположной стороне от башни бельведер. Новая башня охраняла северо-запад-

ные подступы, и дворец, таким образом, оказывался защищенным двумя массивными башнями.

По правде говоря, ансамбль, строительство которого зависело от фантазии разных людей и наличия тех или иных средств, оставался очень разнородным. При Юлии II для придания Ватикану более привлекательного облика потребовалось провести крупномасштабные работы по проектам Браманте и благоустроить двор Бельведера и двор Сан-Дамазо. Очевидно, что папы хотят не только править, судить и иметь надежное убежище, но также устраивать пышные приемы для гостей, праздники и развлечения.

В течение многих веков базилика, построенная во времена правления императора Константина, как и многие другие римские церкви (такие как церковь Сан-Паоло фуори ле Мура, Санта-Аньезе и Сан-Лоренцо), оставалась, прежде всего, объектом паломничества. Она была возведена на месте могилы апостола Петра, на склоне Ватиканского холма. К ней вела широкая лестница, по которой паломники на коленях поднимались до крытого входа, широкого прямоугольного двора, atrium, именуемого Paradiso. Во дворе паломники предавались размышлениям, умывались в знаменитом фонтане рigna. Фонтан был выполнен в виде сосновой шишки, отлитой из бронзы, по которой стекали струйки воды. Она находилась под конической крышей, стоящей на высоких порфирных колоннах. Дальше, в глубине, выстраиваются в ряд, что характерно для раннехристианских церквей, пять нефов, отделенных друг от друга мраморными колоннами, взятыми с памятников античного Рима. Колонны из порфира удерживают свод над алтарем.

Базилика святого Петра, построенная для приема огромного числа иностранцев и проведения служб при большом стечении народа, в XV веке перестраивается, с тем чтобы вмещать еще большее число людей и являть собой, как и дворец, достойный символ папской власти. Он должен был превзойти все церкви Запада и затмить, быть может, великолепие собора святой Софии. В любом случае соответственно новому предназначению собора нужно было и новое убранство²⁹.

Беспорядки, вооруженные столкновения, преступная небрежность правителей в период великой схизмы, опустошающие нашествия наемников и иностранных войск — все эти события оставили после себя довольно печальные воспоминания. Бесчисленные погромы и скандальные грабежи продолжались иногда и после возвращения пап в Рим, так, например, при Евгении IV злоумышленники откололи куски дорогого мрамора от папского трона.

Работы по реконструкции собора начинаются намного позже, чем работы во дворце. Кажется, что папы и люди, руководившие работами, долго обсуждают проект ансамбля и масштаб первоначальных работ... не затрагивая вопрос о необходимых денежных средствах. Долгое время старинная базилика остается нетронутой. Она притягивает внимание путешественников и вызывает восхищение у паломников, пересекающих укрепленные стены и *la porta veridiana*, почитаемые ими за вход в рай. Очертания первоначальной постройки, ее величественное убранство прекрасно угадываются в произведениях художников, приезжающих в Рим поучиться мастерству и поклониться святыням. Так, Жан Фуке в миниатюре, датированной 1459 годом, изображает главный неф, отделенный от двух боковых высокими аркатурами, коринфские капители, украшенные орнаментом в виде листьев, громадные архитравы, величественные колонны триумфальной арки, а также расположенную в глубине огромную мозаику. Фуке не забывает нарисовать искусно выполненный из мрамора пол.

Невозможно было разрушить все, забыть великое наследие, сохранившееся в сердцах верующих. И если многие прекрасные мастера того времени, архитекторы и просвещенные умы, в первую очередь Альберти, говорят о непрочности столь древнего сооружения, имеющего плохо укрепленный фундамент, то лишь для того, чтобы призвать к исправлению недостатков, предотвратить обрушение, а не отказаться от прошлого. В Риме чтит наследие первых римских христиан...

Действительно, проект реконструкции собора предполагал снос лишь его части. В основном речь шла о реставрации и новых, достаточно разнородных при-

стройках. Первые работы по сносу велись очень осторожно и осмотрительно. Руководил ими Бернардо Росселино, слывший довольно посредственным мастером, который был, скорее, хорошим практиком, чем творцом с богатой фантазией. Однако Росселино сумел удачно совместить старое с новым.

Он сохранил в нефе все, что можно было оставить, не нарушая замысла реконструкции. Так, например, были сохранены порфиновые плиты пола, гробницы епископов, прелатов и аристократов. Золотые украшения гробниц переплавляются, но металл используется для изготовления священных сосудов и потиров.

При многих папах в соборе продолжались работы, требующие крупных вложений капитала и привлечения целой армии каменщиков, плотников, каменотесов, витражистов, мозаичников и художников. Что касается отделочных работ, то они, похоже, были начаты с входных дверей и фасада, украшенного поразительной мозаикой. Были перестроены или заново сооружены хоры и часовня, посвященная Мадонне делле Феббре, защитнице города во время страшных эпидемий, находившаяся, впрочем, за пределами самого собора, а также портик при входе, к которому проявлял интерес еще в самом начале работ папа Евгений IV.

Следуя тому же замыслу, Пий II Пикколомини выделяет средства на часовню святого Андрея и ложу, откуда папа благословляет паству, а также на две колоссальные статуи святого Петра и святого Павла на монументальной лестнице собора, заказывает Филарете запечатлеть на бронзовых дверях довольно оригинальные сюжеты: фрагменты из басен Эзопа, историю Леды и Лебеда.

Этот величественный фасад, полностью обновленный, чтобы поразить паломников и принести новую славу папству, был лишь плакеткой к старому зданию, выступая гарантом подлинности. Новые работы, задуманные, вероятно, при Николае V архитектором Росселино, проводились под контролем Альберти, который в то время находился в Риме и приостановил их, сведя к расширению трансепта и удлинению хоров при помощи широкой апсиды. Все остальное в течение мно-

гих десятилетий оставалось в незавершенном состоянии.

Внутри собора пап, прежде всего, занимали часовни, витражи и росписи, а также папские гробницы, отделанные мрамором. Фра Анджелико, например, работал в так называемой капелле Святого Причастия.

Вплоть до 1500 года все работы сводились к переделке пристроек и убранства, что являет собой знак глубокого уважения к традициям, а быть может, и некоторой робости самого замысла и нехватки необходимых средств. Сохраняется первоначальный облик базилики. Но при папе Юлии II делла Ровере судьба ее была решена. Папа не колебался в принятии нового плана. Претворением в жизнь его замысла занимался Браманте, родившийся в Урбино в 1449 году. Он был замечен после того, как при Александре VI Борджиа построил небольшую церковь Темпьетто на холме Яникул рядом с Сан-Пьетро ин Монторио. Браманте смело отошел от традиционного плана базилики, строившейся в виде удлинненного прямоугольника, решив использовать центральный и круговой план, что в большей степени соответствовало тому представлению о мире, которое сложилось у некоторых гуманистов. Он применяет те же теории при создании нового собора святого Петра, но более сдержанно, более тонко. Тем не менее Браманте приговорил старое здание по меньшей мере к частичному разрушению.

Первые, все еще робкие работы всегда сохраняют главное — аркатуры нефов. Со стороны фасада сооружаются элегантные и легкие лоджии, которые словно украшение пристраиваются к строгим стенам времен Николая V. Затем проводится конкурс на создание макета и плана реконструкции собора святого Петра, который выигрывает Браманте. Он побеждает Джулиано да Сангалло, архитектора, которому покровительствовал папа. Браманте представляет проект здания в виде греческого креста, тем самым полностью порывая с традицией строительства базилик. Необходимо разрушить старое, и Браманте, несмотря на сильное сопротивление, идет на это, за что и получает прозвище *maestro ruinanti* или *maestro guastante* (мастер-разру-

шитель. — *Примеч. пер.*) 18 мая 1506 года папа Юлий спускается в глубокий котлован, вырытый под куполом, закладывает камень первого столпа: с этого момента начинается длинная история. Более века шло строительство, осложняемое различного рода проволочками и пересмотром первоначального замысла. План в виде «идеального» греческого креста был оставлен, вероятно, самим же Браманте еще до его смерти (1514). Он вернулся к удлинённому нефу, способному вместить паломников и обеспечить им доступ к хорам, алтарю и гробницам. Проблемы, связанные с паломничеством, диктовали свои правила и взяли верх над куда менее реалистичной концепцией «княжеской» церкви, подчиняющейся иной эстетике³⁰.

Римские дворцы. Кардиналы и банкиры

Христианский Рим, пока еще город знати, все больше превращается в город прелатов и князей Церкви, которые украшают его, строя великолепные резиденции. Первые годы (1420—1430), явившиеся временем неопределенности, богатые семьи залечивали свои раны и восстанавливали разрушенные, обветшалые, иногда и вовсе покинутые на время изгнания дома. Теперь устремления и надежды знати изменились. Они думают уже не только о суровых крепостях с донжонами, разумеется, неудобных для жилья, с толстыми стенами и грубо выполненными украшениями. В Риме расцветают дворцы, принадлежащие знатным синьорам и князьям. Дворцы все еще сохраняют оборонительные функции, но строятся с размахом и имеют продуманную планировку, в них появляются очаровательные внутренние дворики. С приходом к власти Евгения IV (приблизительно в 1435—1440 годах) город начинает преображаться. Семья Орсини, друзья папы, строят напротив моста Святого Ангела дворец Монти Джордано. Рядом вскоре появляется монастырь Сан-Сальваторе ин Лауро. Новый дворец имеет более приветливый облик и в большей степени соответствует новой моде, а именно архитектуре пьядца Навона. Повсюду в Риме ведется строительство. Семейство Аччи-

апахи возводит дворцы на Corso, строится дворец кардинала Капраника. Чуть позже, при Николае V, появляются дворцы Гриффи, Массими — неподалеку от Орсини, Ангуиллара — рядом с рекой в районе Трастевере. Некоторые семьи пристраивают огромные строения к церквям, находящимся под управлением клана: например, к Санта-Мария ин Трастевере и Сан-Лоренцо ин Лучина³¹

В дальнейшем самым решительным образом новый стиль жизни берет верх над старым. Соперничающие между собой богатые князья Церкви, желая понравиться и показать себя в лучшем свете, хотят иметь пышные дворцы, полные придворных. В Риме, придворном городе, появляются и развиваются настоящие аристократические кварталы, которые в конечном счете меняют существовавший до этого облик города. Новые кварталы, комплексы дворцов и домов соперничают с теми, которыми владели старые римские семьи, и постепенно превосходят их. Вычурные фасады, внутренние дворики и сады украшают княжеские дома, из окон которых открывается прекрасный вид. Теперь город пап следует известным мировым образцам, как то: дворцам парижских принцев близ Лувра, расположенным вдоль Сены или рядом с королевским дворцом Сен-Поль, а также лондонским дворцам между Сити и Вестминстером, стоящим вдоль Темзы и Стрэнда, где находится дворец Савойя. Тон всему задаст лихорадочное строительство кардинальских дворцов в Авиньоне. Следуя этой традиции, в Риме сначала появляются дворцы племянников папы, его приближенных, пользующихся высочайшей милостью, и тех, кто хотел блистать в свете. Дворцы теперь не только служебные бюро, но и места для увеселений и проведения пышных праздников³².

По правде говоря, очень медленная, неопределенная в течение некоторого времени эволюция форм и стиля хорошо отражает существовавшие колебания. Стоит ли пренебрегать привычной системой защиты? Не забудут ли эти новые князья Рима о достоинстве кардиналов и самой Церкви, звание которой они носят? Прекрасные дворцы постепенно появляются в

разных районах Рима, украшая город и придавая ему более цивилизованный вид, и тем не менее они представляют собой, как в недавнем прошлом в Латеране, так и в сегодняшнем Ватикане, служебные помещения, тесно связанные с древней базиликой. Отремонтированные и перестроенные дворцы объединены с церковью в единый сложный архитектурный ансамбль. Они образуют внутри собственный мирок и, находясь в стороне от Ватикана, иногда даже довольно далеко от него, демонстрируют некую независимость: дворцы прелатов и князей, но не придворных. В этом Рим отличается от Парижа.

Кардинал-венецианец, будущий папа Павел II построил в 1455 году к востоку от Тибра на северном склоне Капитолия огромный укрепленный дворец, который он все время достраивал и в котором даже постоянно жил во время своего правления десятью годами позже (1464—1471). Этот большой палаццо ди Венеция или палаццо ди Сан-Марко, прототип кардинальских домов, являет собой монументальный ансамбль. В него входит сам *палаццо*, соединенный с ним с помощью арки *палаццотто* и очень древняя церковь святого Марка, возможно, основанная в IV веке, но полностью перестроенная. Со стороны обновленного фасада церкви, выходящей на городскую площадь, находится ложа благословений, которая может соперничать с ложей собора святого Петра. Покровительство святого Марка говорит, очевидно, о венецианском самосознании, о вновь возникшей потребности ощутить свои корни и заручиться поддержкой. И этот *palazzo papale di San Marco* уверенно возвышается, что само по себе является новшеством и дерзостью, в самом центре «феодального» города, разумеется, рядом с Капитолием, но также в непосредственной и опасной близости от римских кланов. Он не ищет защиты у папы и его крепостей³³.

Именно поэтому Венецианский дворец, являвшийся при Павле II местом встреч верных папе людей, сохраняет гордый и внушительный вид: венчающие его бойницы и машикули являются не только элементом декора, расположенная сзади и выполненная в виде

бельведера небольшая башня тоже напоминает донжон. Это некий компромисс между традиционной крепостью воинственной знати и дворцом для приемов, который предназначен для мирных увеселений. Между тем, если служебные помещения примыкают к нефу собора, то сам дворец отделен от них, что ограждает внутренние покои от посторонних. Внутри находится красивый дворик квадратной формы, над которым возвышаются два этажа галерей с аркадами.

При папе Сиксте IV подобные новшества встречаются уже по всему городу. Пьетро Риарио построил для себя три огромных дома, достойных принца: первый — у подножия холма Яникул, второй — на Марсовом поле, а третий — рядом с церковью Санти-Апостоли. Другой родственник папы, Доменико делла Ровере, обосновывается в самом Вогго Ватикана, кардинал д'Эстувиль — близ церкви Сант-Аполлинаре; семья Сфорца — на пьядца Навона, а Орсини — на Кампо деи Фьори. Кроме того, пышные дома были построены семействами Фиески, Савелли, Миллини (на месте театра Марцелла), Санта-Кроче и Алессандрини. Но, по единодушному мнению, всех затмил знаменитый дворец Раффаэле Риарио, внучатого племянника Сикста IV, построенный им, как говорят, на выигранные деньги, из камня и мрамора Колизея. С 1870 года этот великолепный дворец называется Дворец Канцелярии. Архитектурный ансамбль дворца полностью скрывает от глаз церковь Сан-Лоренцо ин Дамазо. Фасад объединяет в единое целое два здания — резиденцию и базилику. Подобный фасад появился благодаря архитектору, имевшему за своими плечами опыт строительства дворца герцога Урбино и дворца кардинала Корнето. В то время необходимость обороны еще сохраняется. Об этом свидетельствует неприступный фасад, высокие стены дворца и первый этаж почти без окон. Тогда как украшения в этом дворце можно встретить внутри, вокруг дворика, окруженного аркадами, на двух этажах, которые поддерживаются сорока четырьмя колоннами из тщательно подобранного античного мрамора.

Другой клиентурой для архитекторов и подрядчиков были деловые люди, служители апостольской палаты. Среди них все больше на первый план выходят банкиры из Рима, Генуи и Тосканы, в особенности Паллавичини — Дориа и Киджи. В 1509—1511 годах Агостино Киджи приглашает архитектора Перуцци и заказывает ему построить на берегу Тибра роскошную резиденцию, достойную принцев того времени, — дворец Киджи. Когда Киджи вошел в римскую аристократическую семью Фарнезе, дворец стал называться виллой Фарнезе. Вилла была задумана как место отдыха и увеселений, с двориком-садом и фонтаном; ее украшением служили огромные окна и красивые карнизы. Мода и вкусы вновь меняются. Минуло время хорошо охраняемых крепостей и даже дворцов, строящихся в окружении домов союзников и просто «административных» или политических зданий. Отныне вельможи могут позволить себе удалиться от города, скрыться от тесноты, грязи и запахов шумных улиц, от летней жары. По примеру самих пап многие из них имеют свои собственные владения в римской провинции, которые зачастую находятся довольно далеко от Рима, на территории от озера Больсена до Монти-Альбани. Это охотничьи домики и замки, представлявшие собой копии флорентийских вилл в Тоскане, венецианских вилл на Бренте, феррарских *delizie*. Но вельможи строят дома и в непосредственной близости от города, на холмах, там, где начинается сельский пейзаж и где еще нет большого скопления домов. Так, например, у кардинала Виссариона был загородный дом рядом с Термами Каракаллы, неподалеку от Аппиевых ворот. Он был украшен античным мрамором и фресками, элегантная лоджия выходила в тенистый сад.

Город постепенно становится мирным, хорошо распланированным, приобретает более привлекательный облик. Рушится «защитная броня» башен и крепостей. Придворный город, будучи в значительной мере творением князей, становится открытым для художников,

влюбляется в украшения и роскошь. Утверждение новой политической власти, развитие, несмотря на сильное сопротивление, социальных структур делают возможным и даже желанным поиск нового стиля жизни, рост объема строительства и стремление к благоустройству города.

Перепланировка Рима

Дворцы кардиналов, протеже или приближенных папы (или его врагов) представляют собой место, где проводят советы, плетут интриги, раздают предписания и милостыню. Они превращаются в обиталище целых дворов, десятков, сотен сторонников, слуг, викариев и капелланов, а также различного рода подручных. Они являются городскими центрами власти. Но время открытых столкновений прошло, теперь кардиналы могут вздохнуть спокойно и жить в стороне от простых римлян. Постепенно по всему Риму начинают выделяться группы зданий, престижные величественные улицы, которые отделяются от остальных давно существующих ансамблей. Такова ситуация к началу 1500-х годов.

Отныне папы могут навязывать перепланировку города, заставляя прокладывать через разрозненные кварталы, заселенные простыми людьми, широкие прямые улицы, которые тут же будут застроены красивыми домами. Организуется городское движение, упрощается социальная схема и начинается практически неизвестное до сих пор социальное расслоение, сегрегация.

В свое время Сикст IV предпринял робкую попытку и кое-как расчистил улицу с едва различимыми очертаниями. Улица, называемая Borgo Sant'Angelo, шла между собором святого Петра и окрестностями замка Святого Ангела. Слово Borgo обозначало тогда по всей Италии просто новую дорогу, земли вдоль которой подлежат разделу на участки и застройке. В декабре 1499 года Александр VI Борджиа открывает via Alessandrina, именуемую также Borgo Novo, улицу длиной около пятисот метров, идущую прямой линией от Тибра до пло-

щади святого Петра. Это было смелым предприятием: снос старых домов, выравнивание улиц, укладка мостовой, а затем — продажа с торгов участков под застройку. Процессом руководили *magistri viarum*, которые определяли высоту будущих зданий: не выше тринадцати метров. Финансировали застройку папа и покупатели участков. Весь квартал, населенный в основном иностранцами, перестраивается. Его обитатели покидают эту землю и поселяются уже на другой стороне реки, землячествами вокруг своих церквей. Ломбардцы продолжают селиться на Марсовом поле; немцы, фламандцы и голландцы обосновываются неподалеку от пьядца Навона; каталонцы и арагонцы рядом с Санта-Мария ди Монсеррато, а французы и испанцы делят между собой участок, расположенный рядом с Санта-Тринита деи Монти, где сегодня находится *piazza di Spagna* (площадь Испании).

Borgo застраивается. Большие и пышные дворцы появляются рядом с недавно построенным дворцом Сикста IV (палаццо дельи Пенитенцери). Первым — дворец кардинала Корнето, затем по сторонам *piazza Scossacavalli* выстраиваются богатые дома. *Piazza Scossacavalli* — центр законодателей моды, тех, кто диктует свой образ жизни. Наступает решающий этап: *Borgo Vaticano* больше не является убежищем для паломников и путников, спешащих устроиться рядом с собором святого Петра, — теперь они расселяются по всему городу, а Ватикан становится кварталом знатных придворных³⁴.

Прокладка новых улиц постепенно дополняет эту грандиозную перестройку города, в котором все-таки еще очень сильны прежние традиции. При Юлии II делла Ровере (1503—1513), который продолжает дело своего дяди, прокладываются четыре большие улицы к югу от Ватикана. На правом берегу Тибра — *via sub Ianiculo* или *via Lungara*, идущая от *Borgo* к Трастевере. Расположенная за пределами крепостной стены, эта тысячеметровая улица соединяет *porta Santo Spirito* с *porta Settimania*, пересекая сады и виноградники. Другая дорога, *via Trantiberina* или *Lungaretta*, идет от Трастевере к мосту Санта-Мария (или *ponte Senatorio*) и

имеет длину семьсот метров. Прокладка этих двух улиц не повлекла за собой больших последствий для общественной жизни: людей никуда не переселяли и строительство новых зданий не вели. Речь шла только о том, чтобы ликвидировать изолированность районов и проложить более удобные пути. На правом берегу реки *via Giulia* и в особенности *via dei Banchi*, напротив, отвечают другим потребностям и приводят к появлению важных и авторитетных учреждений: там строится трибунал Браманте, небольшая церквушка *Sant'Eligio degli Orefici* (золотых и серебряных дел мастеров), новый монетный двор (*Zecca*) и дворцы банкиров. Именно там спустя некоторое время папы из семейства Медичи Лев X и Климент VII разместят своих друзей и людей, пользующихся их покровительством: во дворцах Чиччапорчи и Никколини. Главным образом на этих улицах вокруг новой церкви Сан-Джованни деи Фьорентини селятся их соотечественники. Папа Лев X, еще будучи кардиналом, снял, а затем купил дворец рядом с пьядца Навона. Папа перестроил, украсил его, и он стал знаменитым палаццо Медичи. От этого дворца Лев X проложил огромную улицу, идущую на север, — *via Leonina*. Отчуждение земли, сбор специального налога, обустройство и украшение этой улицы было поручено двум специально назначенным мастерам, а также *magistri viarum*. Все работы по строительству *via Leonina* были закончены только при Клименте VII; протяженность этой улицы составляла более тысячи метров³⁵.

РИМСКИЙ ГУМАНИЗМ

«Когда я размышляю о твоём образе жизни и твоих нравах, твоей либеральной культуре, я сетую на несправедливость Фортуны, мне больно видеть, что ты живешь в столь губительном и развращенном окружении, в папской курии. Злодейства и подлость, мошенничество и ложь причисляются там к добродетелям... В мире господствуют и одерживают верх невежды, наглецы, моты, мерзавцы и плуты. Хорошие же люди, ученые, безусловно честные, скромные, непритязательные там не в почете, их не допускают к участию в решении самых важных дел и даже гонят отовсюду. Не вижу, на что ты или иной человек культуры может надеяться в курии». Так Анджело де Реканати, папский секретарь, пытается удалить от двора одного из своих друзей... Но Лапо ди Кастильонко, также являющийся секретарем папы, высказывает другое мнение. И напротив, выступает в защиту римской курии в своем весьма обстоятельном стихотворном произведении «Диалог» (*Dialogus de curiae com-modis*), посвященном кардиналу, вице-канцлеру Франческо Кондулмеру. Он утверждает, что в папской курии, как нигде больше в мире, много образованных людей, с рвением занимающихся литературным трудом, интересующихся сочинениями греческих и римских авторов, что священный город превосходит все

остальные города мира по числу художественных творений и знаменитых людей, которым покровительствуют папа римский и кардиналы¹.

И он прав. После возвращения римских пап Рим принял эстафету у Авиньона и с 1450 года постепенно начал превращаться в город эрудитов, через два-три поколения опередив даже Флоренцию. Тон задают литературные кружки и римские академии.

Этому способствовали разные счастливые обстоятельства: встречи епископов, известных аббатов, теологов и даже правителей или их послов, прибывавших отовсюду; все более активные связи с греческим Востоком, собор в Ферраре, затем во Флоренции и объединение церквей; прибытие в Италию греческих прелатов и ученых, превративших Рим и Венецию в столицу эллинизма для всей Италии и даже Европы, а также подготовка к крестовым походам при Каллисте III, Пии II и других папах вплоть до Сикста IV и связанные с этим дипломатические миссии; кроме того, воцарение многочисленного и могущественного двора в Риме и воспевание былой славы. Немаловажная роль (об этом обстоятельстве часто забывают или не придают ему значения) принадлежит и самим выдающимся личностям, будь то папы римские и их окружение или кардиналы.

И современный историк иногда пытается составить своего рода каталог, в котором представлены личности римских пап, используя весьма расплывчатые критерии. Он обращается к письмам, хроникам или дневникам того времени, естественно, субъективным, к характеристикам, принадлежащим клирикам, зачастую нелицеприятным, резким или, наоборот, преисполненным благоговения, почти раболепным... И эти характеристики неустанно, из поколения в поколение, переписываются авторами учебных пособий. Таким образом, наблюдается тенденция любой ценой разделить пап на «гуманистов», защитников культуры, и тех, кто не заслуживает благодарности потомков, отделить добрых от злых, «прославившихся» своим мракобесием.

Все это лишь детская забава: на самом деле все па-

пы, князя Церкви, епископы и кардиналы прекрасно осознают, что новое время рождает новые идеи, что развивается новое мышление, что происходит много прогрессивного и интересного. Они охотно принимают участие в проведении исследований, написании научных трудов; свидетельством их высокой культуры и хорошего вкуса служат библиотеки, коллекции античного и современного искусства, а также заказы, которые они делают художникам и ювелирам.

Имена многих кардиналов времен правления пап после возвращения в Рим вписаны золотыми буквами в историю мировой литературы, и слава их действительно заслуженна. Современники положительно оценивают их вклад в развитие культуры, и гуманисты, профессиональные писатели отдают им должное, причисляя к людям искусства. К середине века появились такие замечательные, действительно незаурядные личности, как, например, Джордано Орсини, который, начиная с собора в Констанце, занимается поиском редких рукописей, коллекционирует произведения латинских и греческих авторов, кроме того, он известен как проводник археолога Кириака Анконского в его изысканиях в римской провинции, при осмотре склепов и мавзолеев. Это ему известный путешественник Христофоро Буондельмонти посвятил свой труд «*Liber insularum*», содержащий описание морей и земель Леванта. Также можно назвать имя Лудовио, врача (получил образование в Падуе), кондотьера (участвовал в битве при Ангиари), сначала получившего сан архиепископа Флорентийского, затем — патриарха Аквилеи, кардинал-камерлинга. Он был щедрым меценатом, всем известным богачом, и после своей смерти в 1465 году оставил драгоценностей, столового серебра, ценной мебели и книг на сумму шестьсот тысяч дукатов. Назовем также Доменико Капранику, сначала учившегося в Падуе и Болонье, затем ставшего викарием в Анконском приходе и генералом папской армии. Конечно, нельзя забывать и о Просперо Колонна, начавшем раскопки на своих собственных землях и на озере Неми².

Впрочем, каким бы ни было отношение пап к тому или иному литературному кружку или академии, вне зависимости от их личных предпочтений, политических взглядов и убеждений, все они (или почти все) с энтузмом принимали участие в культурной жизни Рима, способствуя развитию искусства, науки, истории и философии. Они превратили Рим в один из главных центров интеллектуальной жизни Европы. Именно в годы шаткого правления пап, когда их авторитет еще не был незыблемым, когда порой происходили кровавые столкновения противоборствующих кланов, была задумана, создана и удивительно быстро достигла расцвета знаменитая библиотека Ватикана³.

Сначала она представляла собой частную коллекцию, обогащаясь за счет получения книг в дар или по наследству. Вместе с приобретениями имели место и потери, книги также исчезали во время смены власти. Однако в скором времени библиотека становится привилегированным государственным учреждением. Еще Николай V поставил во главе всей библиотеки талантливого и образованного Джованни Тортелли, который специально совершил путешествие в Константинополь, чтобы в совершенстве овладеть греческим языком. Он возглавляет многочисленную армию переписчиков, миниатюристов и переводчиков и в идеальном порядке расставляет тома в восьми тщательно оберегаемых шкафах, в его каталоге числилось более восьмисот наименований, среди которых было много греческих авторов от Гомера до Геродота и Ксенофонта. Папа был постоянным клиентом итальянских торговцев, его посланники ездили по всему миру в поисках новых манускриптов; одного из них папа отправил даже в Скандинавию в поисках редкого издания Вергилия, но след оказался ложным...⁴

Пий II также скупал манускрипты, снимал с них копии и отдавал в переплетные мастерские; он сам и его люди прошли хорошую практику (конечно, в Сиене, а также во Флоренции и в Генуе) в качестве продавцов греческих книг, привезенных на торговых судах. Что ка-

сается Сикста IV, то он, приводя в порядок ватиканские архивы с помощью своего генуэзского друга Никколо Фьески, хранителя документов, размещает библиотеку в новых зданиях и навсегда связывает свое имя с этим колоссальным трудом. В декабре 1471 года в Ватиканском дворце начинаются работы, которые будут продолжаться около десяти лет; три отдела (главная, или публичная, библиотека, греческая библиотека и секретная библиотека) были размещены великолепным образом, с хранилищами и читальными залами. Помещения были роскошно убраны: отделка из мрамора, колонны и капители, найденные при раскопках или снятые с античных памятников; резные панели из древесины редких пород, украшенные позолотой, венецианские витражи, фрески работы лучших мастеров: Мелоццо да Форли, Доменико и Гирландайо. Огромные настенные росписи рассказывают о различных эпизодах из жизни папы. На одной из них, очень известной, которая до сих пор находится на прежнем месте, изображен папа, сидящий на троне и принимающий дар от поэта-гуманиста Платины, первого библиотекаря.

За несколько лет, благодаря активному приобретению книг, как правило во Флоренции и в Венеции, книжный фонд Ватикана значительно увеличился. Ко времени официального открытия библиотеки в 1474 году в ней насчитывалось 2527 томов, из которых 770 книг были на греческом языке и 1757 — на латыни. В основном это были тексты религиозного характера, сочинения по каноническому праву и теологии, жития святых, около шестидесяти экземпляров Ветхого и Нового Завета, более ста работ, посвященных самой Библии, комментарии и толкования⁵

Журнал записей о выдаче книг наглядно показывает, как часто пользовались библиотекой сами папы, нотариусы и аббревиаторы, кардиналы, духовные лица, а также гости и члены литературных кружков.

Библиотека также предоставляет работу и некоторым ученым, литераторам, которые находят здесь занятия по вкусу и в соответствии со своими знаниями, а также пользуются покровительством папы, которое ко всему прочему выражается и в материальных благах.

Так, знаменитый Бартоломео Сакки, Платина, прибывший с Севера (родился в Кремоне в 1421 году), сначала работал в апостольской палате аббревиатором, был видным гуманистом, возглавлял ряд школ. По сути, прозябавший при Павле II, он затем снова входит в милость и в 1478 году назначается главным библиотекарем. У него появляется достаточно много свободного времени и доступ к различным документам; через какое-то время увидела свет его знаменитая «История пап», произведение очень пристрастное, однако исключительно интересное во всех отношениях⁶.

Под его руководством, или, скорее, при его дружеском участии, сделал в Ватикане свою карьеру хранитель Деметрий Гвасселли, верный ученик и последователь, также переживший тяжелые времена и неудачи. Гуманист и видный эллинист, он родился в Гарфаньяне, горной области Луккской синьории, находившейся тогда под властью герцогов Эсте из Феррары.

Он прибыл в Рим в 1463 году при протекции кардинала Франческо Гонзага, как и Платина. Человек скромного происхождения, совершенно чужеродный в римской среде — как среди аристократов, так и среди духовенства, жил при библиотеке и полностью зависел от щедрот папы. Он удостоивается почестей и бенефициев и, наконец, благодаря своему серьезному отношению к делу, редкому уму, а также характеру своей работы и сфере обязанностей, включается в ближайшее окружение прелатов и папы.

Сикст IV сделал его членом капитула собора святого Петра, но не в качестве каноника (этой чести удостоивались исключительно представители римской аристократии), а как бенефициария, с правом служить в новой часовне (Сикстинской). Деметрий стал полезным и просто незаменимым человеком. Именно он, будучи камерарием, вел счета в течение нескольких лет и делал это весьма скрупулезно и абсолютно честно. И вот он, благодаря папе, нескольким кардиналам и каноникам собора святого Петра, становится обладателем более пятидесяти бенефициев, разбросанных примерно по двадцати епархиям в центральной части Италии и Кампании. Будучи человеком крайне добро-

совестным, страстно увлеченным римской историей, яростным противником бессмысленных разрушений и неуместных модернизаций, слывя специалистом по латинским рукописям, он снискал уважение среди пре-латов и ученых мужей «за свою принадлежность к академическому кругу и свои качества вдохновителя, проявившиеся на ученых заседаниях объединений эрудитов». Но в конечном счете он не был каким-то особенным человеком: его успех в мире клириков, пользующихся благосклонностью папы и связанных с новой и поистине блистательной библиотекой Ватикана, «наглядно демонстрирует типичное продвижение по службе такого рода людей, которое стало возможным благодаря покровительству гуманистов и которому, несомненно, можно найти множество других примеров»⁷

Рим, разумеется, в меньшей степени, чем Венеция, но в большей степени, чем Флоренция или любой другой итальянский город, был одним из первых крупных центров книгопечатания на Западе. В 1464 году два немца — Арнольд Паннартц и Конрад Свейнхейм разместили свои печатные станки в аббатстве Субиако, в Лацио, и напечатали первые в Италии книги. Через три года они перебрались в Рим, но не по просьбе папы, а по приглашению двух аристократов из семьи Массими — Пьетро и Франческо. В том же году кардинал Хуан де Торквемада пригласил в Рим еще одного немца, Ульриха Ханса Ингольштадта, производителя игральные карт, который превратил предоставленные ему комнаты в типографию, и 31 декабря 1467 года выходят в свет «Размышления» кардинала, иллюстрированные двадцатью гравюрами.

В течение нескольких лет развитие этого вида искусства получило в городе невиданный размах, и это касалось не только религиозной литературы: в Риме начинается увлечение сочинениями светских авторов. Первой книгой Арнольда и Конрада, напечатанной ими у Массими, стало произведение Цицерона «Письма к родным» («*Epistolae ad familiares*»). В течение трех лет они отпечатали тысячу двести экземпляров книг пяти-

десяти разных авторов: не только блаженного Иеронима и Лактанция, но и Вергилия, Овидия и Цицерона.

Кардинал Караффа покровительствовал сицилийскому врачу Джованни да Линьямине, который с 1470 по 1472 год напечатал в своей типографии трактат Квинтилиана «Институции», произведения святого Иоанна Златоуста, Варрона, Квинта, Курция, папские грамоты, декреталии... и «Фацетии» Поджо⁸

Столь активное развитие книгопечатания поражает всех путешественников. Даже когда впоследствии римские печатники снизили объемы своей продукции, а во многих городах Италии и Европы, напротив, появлялось все больше типографий, папский город бесспорно служил им примером.

Наконец, можно назвать еще одну возможность вызвать интеллектуальный подъем — университет. Давно уже Рим не блистал в этой сфере, ограничившись школой папской курии *Studium curiae*. В этой школе изучалось лишь несколько предметов, и она всегда следовала за папской курией, перебираясь вместе с ней с одного места на другое. Никакой древней традиции не было и в помине: создание университета является инициативой пап, пытавшихся удовлетворить потребность гуманистической культуры в интеллектуальных кадрах. Бонифаций VIII (1294—1303) основал *Studio generale* для преподавания «двух видов права» (канонического и гражданского), а также медицины. Университет располагался в очень скромном здании около церкви святого Евстахия. В авиньонский период и при первых папах во времена после раскола этот университет ничем не выделялся. При Евгении IV он располагался в тесных, плохо освещенных залах обветшавших зданий, содержался на столь скудные средства, что труд его профессоров оплачивался лишь время от времени. И все же при Александре VI, которого многие авторы вместе с тем не считали поборником наук, благодаря реализации некоторых его проектов, это учебное заведение постепенно развивается. Именно Александр VI в 1497 году решает построить

для него большое здание в надежде на то, что университет может принести новую славу Риму. Он даже выделил на это предприятие две тысячи золотых дукатов, добавив к ним деньги от налога с евреев, пригласил многих иностранных ученых и освободил студентов от некоторых налогов.

Римский университет, эта Sapienza, создавался с большим размахом; строить его собирались два известных архитектора, вдохновленные примером академий Древней Греции. Они планировали создать многочисленные анфилады, дворы, портики и крытые галереи.

Никто не знает, когда эти работы были закончены. При Юлии II преподаватели горько сетовали на допущенные строителями просчеты, некоторые из них даже пытались поставить папе в пример Мецената и Вергилия. Позднее два папы Медичи реставрировали те постройки, которые пришли в негодность⁹.

Кажется очевидным, что и в этом случае не хватало средств для осуществления крупных проектов, но тем не менее это учебное заведение, размещавшееся в унылых и ветхих зданиях, а потом ставшее роскошным университетом (Sapienza), пользовалось большим авторитетом. И не только из-за того, что здесь обучали латыни и греческому и преподавали такие профессора-гуманисты, как Помпонио Лото, имевший толпы последователей, терпеливо ожидавших с самого рассвета у дверей университета начала занятий. Именно в Риме Иоганн Мюллер, уроженец Кёнигсберга, учившийся в Лейпциге и Вене, известный профессор наук о небесных телах и крупный специалист по летосчислению, с 1468 по 1470 год совершенствовал свои познания в латинском и греческом языках у кардинала Виссариона. Позднее, работая в лаборатории в Нюрнберге, он получает приглашение от Сикста IV и в 1475 году вновь прибывает в Рим, чтобы подготовить реформу календаря.

В 1484 году в Рим прибывает Иеронимус Мюнцер, называвший себя Монетарием. Он получил докторскую степень в университете Павии в 1479 году, был врачом, картографом, космографом, астрономом, а

также географом и историком, автором диссертации «Открытие Заморской и Западной Африки, или Гвинеи, инфантом португальским Генрихом Мореплавателем». Он тоже желал усовершенствовать свое образование в Римском университете.

Рим привлекал и других ученых... Коперник совершает путешествие в Италию, чтобы расширить свои знания в области свободных искусств и начать заниматься живописью. Закончив университет в Болонье, он совершает паломничество в Рим и летом 1499 года поселяется там, читая лекции, которые имели большой успех (среди его слушателей был кардинал Фарнезе).

Стараниями папы-савонца Сикста IV, а затем генуэзца Иннокентия VIII, поддерживавшего тесные связи с деловыми людьми и мореплавателями, а также благодаря появлению все новых научных трудов папский Рим эпохи Раннего Возрождения, открытый всем «новшества», становится настоящим вдохновителем многих исследований и предприятий. Папская курия интересовалась буквально всем, поощряя научные открытия, в частности в таких областях, как точные, естественные науки, исследования мира.

4 марта 1493 года по возвращении из своего первого путешествия Христофор Колумб бросает якорь у Лиссабона. 15 марта он входит в устье реки Гвадалquivир. Его рассказ о путешествии, написанный еще на борту судна 15 февраля, был прочитан папой 18 апреля. 3 мая 1493 года Александр VI Борджиа в булле «Inter Caetera» в очень убедительной манере рассказывает об открытии новых земель, подлежащих обращению в христианскую веру. К середине июня, то есть всего через четыре месяца после возвращения Колумба в Севилью, в Риме был опубликован весьма вольный перевод на итальянский его знаменитого письма. Речь идет о «бесконечной» поэме Джулиано Дати, состоящей из шестидесяти восьми строф и пятисот сорока четырех стихов, сочиненной им по просьбе Джованни да Линьямине. В этом произведении, написанном в форме увлекательной эпопеи, автор, с большим вдохновением описывая подвиги героев, проводил параллели с античными мифами, например, легендой о приключени-

ях Ясона в поисках Золотого руна. Это произведение имело ошеломительный успех и неоднократно переиздавалось в течение трех лет (два раза в Риме и столько же во Флоренции)¹⁰.

*Два выдающихся гуманиста: сиенец Пий II
и венецианец Павел II*

Папа Пий II обладал незаурядными литературными способностями, его сочинения справедливо заслужили высокую оценку поэтов и историков его времени¹¹. Сиенец Энеа Сильвио Пикколомини происходил из очень достойной семьи. Позже, живя в изгнании, он познал бедность, потом учился в Сиене, затем во Флоренции не только теологии и каноническому праву, но и светским наукам, философии. Ученик Поджо и Филельфо, он не стал монахом, а посвятил себя литературе. Первые его работы — легкомысленные романы, комедии и поэмы, в которых много места отводится любви и женщинам, их переменчивой натуре, их изменам. Названия говорят сами за себя: «Remedium Amoris», «Книга о дурных женщинах», «Гермафродит»; его перу принадлежал роман «Эвриал», сочинение довольно неопределенное по форме, нечто среднее между произведениями Боккаччо и пасторалью.

Но практически в то же время он работает с огромным количеством документов. Страстный энциклопедист, он составляет, облекая их в форму дидактических трактатов, серьезные книги по истории различных народов, населяющих Европу, с географическими описаниями, комментариями, конкретными суждениями о европейских и азиатских провинциях. Также он издает протоколы церковного собора в Базеле и рассказы о великих событиях эпохи («Комментарии» Пикколомини), диалоги и письма, в основном касающиеся папской курии, ее деятельности, ее падающего престижа и поруганного достоинства.

Кроме философских изысканий, литературных произведений, повествующих о всех областях жизни, Пий II Пикколомини к моменту своего избрания успел накопить солидный жизненный опыт, полный порой

просто невероятных приключений. В 1431 году, будучи доверенным лицом кардинала Капраника в Германии, он попал в неприятную историю, связанную с мошенничеством и предательством, и был вынужден бежать в Англию, а оттуда в Шотландию, на Оркнейские острова. Однажды он чуть не погиб при кораблекрушении у берегов Норвегии и в жуткую штормовую ночь долго брел по берегу в лохмотьях, с обмороженными ногами. В 1439 году ему пришлось переодеться купцом, чтобы попасть в Англию, а оттуда перебраться в Германию, где на Соборе в Базеле он сыграл важную роль среди противников папы Евгения IV, особенно среди сторонников германского императора.

Император Фридрих III восхищался его произведениями. В ходе церемонии, проводившейся на античный манер, он увенчал его лавровым венком «принца поэтов» и взял к себе на службу в качестве клирика императорской канцелярии (1442). Присоединение к папе в 1445 году принесло ему в 1447 году (после посвящения в дьяконы в Германии) епископство в Триесте, через два года — епископство в Сиене, а в 1456 году — сан кардинала.

Будучи тонким дипломатом и мастером дворцовых интриг, он преуспел во время конклава, состоявшегося в 1458 году. При избрании его нарекли именем Пий, которое Вергилий дал своему герою Энею.

На протяжении всех лет своего правления Пий II не оставлял занятий литературой. В самом Риме, а также в Сиене и Пиенце или в летней резиденции в Тиволи он продолжает сочинять различные трактаты, работает над книгами, некоторые из которых так и остались незаконченными, как, например, «Описание Малой Азии» и «Комментарии». Он диктует или пишет сам, стремится достичь совершенства, сожалеет, что не имеет возможности переписать некоторые из своих сочинений, которые теперь не приносят ему удовлетворения («Уже сказанное остается нетленным. Ах! Если б можно было уничтожить написанное раньше!»). Он слагает приветственные речи для именитых гостей и даже гимны в честь Катерины Сиенской.

Нравился ли он завсегдашним поэтическим салонам и академий? Пели ли они ему дифирамбы? Определен-

но, нет, во всяком случае, все меньше и меньше. Конечно, его знают как человека набожного, действительно высоконравственного, воздержанного в пище и трудолюбивого, сон которого недолог и работа которого начинается задолго до рассвета. Его возмущали и шокировали распущенность и излишества, которые позволяли себе придворные клирики, и у них, естественно, он не встречал понимания. В ответ на все ужесточающийся контроль за раздачей всяческих благ они охотно обвиняли его в скаредности. Они также не разделяли его пристрастия (которое проявилось еще в молодости) к природе, сельской жизни, уединению, столь явно выраженного в его стихах и речах. В то время как остальные питали склонность ко всему напускному, искусственному, к литературным забавам и бесконечному подражанию Овидию и Вергилию, он искренне любил одиночество, дикие леса, гладь озер, бурные реки и водопады. При малейшей возможности он покидал город и отправлялся в лес, «влюбленный в деревья» (*sylvarum amator*). Он часто на природе трапезничал и принимал послов... Он был весьма странной личностью. За ним шпионили его подчиненные, имевшие совершенно другую шкалу ценностей.

Кроме того, Пия II недолюбливали и за его скептицизм, его слишком глубокое знание людей в курии, а также правителей. Всю свою жизнь он имел с ними дело, и они больше ничему не могли его научить. Все чаще он поворачивается к ним спиной, отказывается от мирских забав и отрекается от того, что делал в юности. Наконец, он проявляет нетерпимую требовательность, открыто обвиняет секретарей в плохой работе, особенно достается аббревиаторам за их отвратительную латынь. Он доверяет им лишь обработку «сырого» материала, большей частью то, что будут читать за пределами Италии, где плохо понимают прекрасный латинский язык: слишком хорошо составленные грамоты могли быть приняты там за фальшивые! Он лично составляет самые важные грамоты и декреты, а в 1463 году полностью обновляет свой штат аббревиаторов, пригласив своих людей, среди которых был уже прославившийся к тому времени писатель Платина.

Несовместимость характеров... Вне всякого сомнения, именно этот острый конфликт привел к тому, что папа Пий II, выдающийся знаток литературы, просвещенный и эрудированный человек, несмотря на все свои достоинства вызывал в свой адрес яростную критику со стороны римлян и враждебность, пока еще тайную, но уже опасную, со стороны литераторов курии.

Павел II был просвещенным и к тому же просто располагающим к себе человеком. Ему были совершенно чужды такие качества, как педантизм и обскурантизм¹². Этот венецианец являлся достойным продолжателем традиций эллинизма и гуманизма в Северной Италии — в Павии, в которой он учился, в Венеции, где его учителями были такие выдающиеся люди, как, например, веронец Джакопо Риццони, ставший впоследствии членом папской курии, флорентиец Лото дельи Альи, ставший епископом, и в особенности грек Георгий Трапезундский, «мастер красноречия», преподававший в Виченце и Венеции в 1429 году. Ученик, став впоследствии папой, оказывал Георгию покровительство и защищал от выдвинутых против него обвинений в ереси.

Павел II был знаком со многими римскими эрудитами и литераторами. В Риме жили и многие его родственники, такие как кардинал Лодовико Барбо, который выступал за проведение церковной реформы, вдохновленный примером святой Иустины из Падуи, почитаемой бенедиктинцами всей Северной Италии. Еще до своего избрания Павел II поддерживал отношения, которые можно даже назвать дружескими, с некоторыми известными литераторами, археологами, авторами трактатов, воспевающих великолепие Рима, величие его литературы и искусства: Флавио Бьондо, Филельфо и особенно с Чириаком Анконским, неутомимым путешественником, настоящим пионером археологических открытий, человеком, первым начавшим исследовать древнегреческие и древнеримские надписи¹³.

Став папой, Павел II проявлял живой интерес к римской литературе и памятникам древнего искусства, ма-

нускриптам и статуэткам, коллекционировал их. Он собрал богатую библиотеку, в которой было огромное количество произведений греческих авторов. Он покровительствовал и библиотеке бенедиктинцев Монтекассино, представлявшей собой неисчерпаемую и малоизвестную сокровищницу. Он составил каталог книг этой библиотеки и опубликовал некоторые рукописи. В Риме он патронировал Studium urbis, а в декабре 1470 года принял решение о создании университета в Венеции.

Бунтарство поэтов: пасквилы и заговоры

Папа и высшее духовенство, благосклонно относящееся к образованию и наукам; память о великих авторах, стремление увековечить их славу и сделать их еще более известными, желание подражать им и, возможно, превзойти их; бесценные коллекции старинных манускриптов и книг, напечатанных уже типографским способом; наплыв в Рим иностранных ученых (в основном греков и немцев) — все это делало священный город центром свободомыслия и гуманизма.

Однако некоторые папы (первым был Павел II), в общем благоволящие к расцвету наук и культуры, имели тем не менее прискорбную репутацию в мире придворных литераторов и нередко вызывали гнев поэтов и историков. Что это? Нетерпимость или несовместимость фантазий литературных кружков и жестких принципов правительства? Безбожие, вопросы нравственности? В чем же было дело? В действительности эти конфликты, тайные и явные, аресты, заключения в тюрьму, ссылки поэтов, увенчанных лаврами, носят скорее политический, чем религиозный характер.

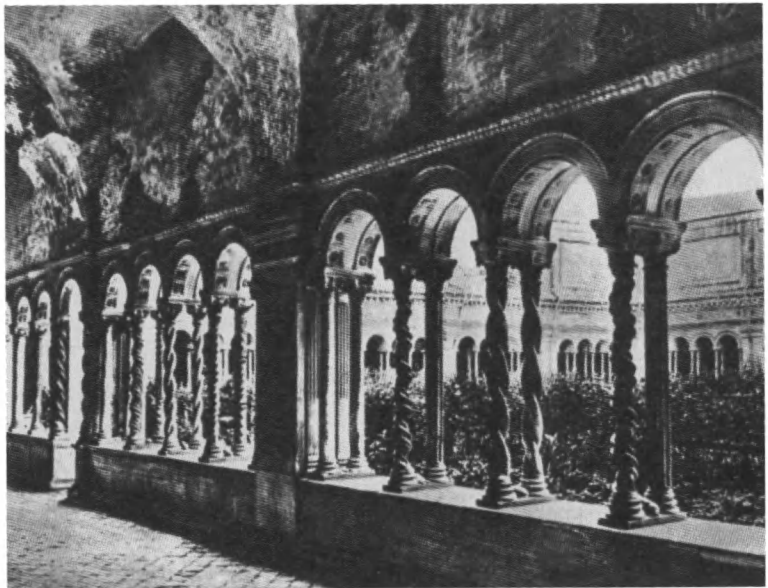
В 1465 году разразился настоящий скандал, когда Павел II просто-напросто упразднил Collegio degli abbreviatori. Сведение счетов? Реакция на борьбу партий? Скорее всего, необходимость любым способом изгнать всех сиенцев, обосновавшихся в Риме два года назад при покровительстве Пия II. Это еще один эпизод, явно свидетельствующий, что смена правителя приводит к сложным и тяжелым последствиям, зачас-

Месса в Больсене. Рафаэль. Деталь.

Замок святого Ангела
(Мавзолей Адриана).

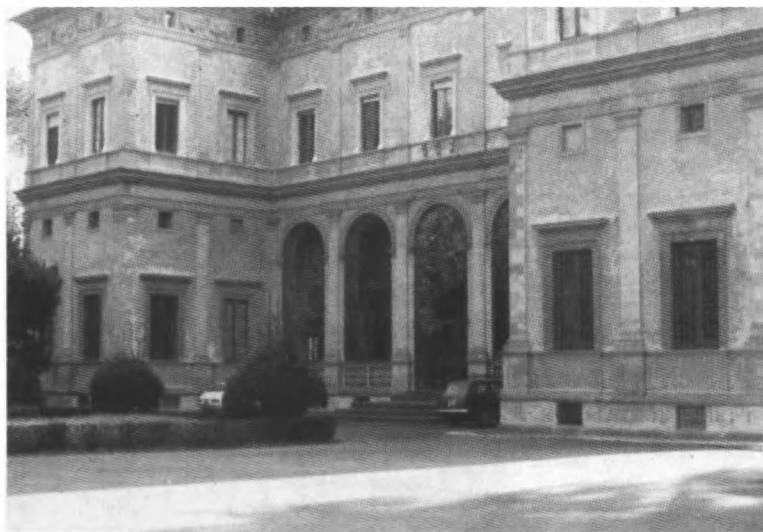
Сан-Паоло fuori
ле Мура. Двор.

Мост Фабриция.

Сан-Паоло фуори
ле Мура. Интерьер.

Вилла Фарнезина. Бальдассаре Перуци. 1511. Рим.

Пантеон. Интерьер. Гравюра.

Бальдассаре Кастильоне.
Портрет кисти Рафаэля.
1516.

Победа Константина.
Фреска Джулиано Романо
в Зале Константина.
1520—1524.
Папский дворец в Ватикане.
Рим.

Святой Иероним в келье.
Антонелло да Мессина. Около 1465 или 1474.

Обручение Марии. *Рафаэль*. 1504.

Библиотека Ватикана.

«Темплетто».
Монастырь Сан-Пьетро
ин Монторио.
Браманте. Рим.

Снятие с креста.
Фра Анджелико. Около 1438—1440.

Встреча маркиза Лодовико Гонзага с кардиналом Франческо Гонзага.
Фреска Мантењи. Около 1464—1475.

Таддео Кривелли. Оформление листа в Библии Борсо д'Эсте. Модена. Библиотека Эстесе. 1455—1462.

Сокольничий и пажи.
Карпаччо. Цикл картин из жизни святой Урсулы. 1490—1495.

Портретная
медаль
Лионелло
д'Эсте.
Пизанелло.
Около 1441—
1444. Аверс.
Бронза.

Замок Гонзага в Мантуе.

Портретная
медаль
Лионелло
д'Эсте.
Пизанелло.
Около 1441—
1444. Реверс.
Бронза.

Сцена триумфа. Иллюстрация к роману Франческо Колонна
«Сон Полифила». Типография Альда Мануция в Венеции. 1499.

Папа передает святому Лаврентию церковные сокровища для раздачи их бедным. *Фра Анджелико. Капелла Николая V. Ватикан. 1447—1449.*

тую радикальным образом сказывающимся на жизни курии и в какой-то степени всего Рима... Усиливается конфликт папы с поэтами, которые публично выражают свое недовольство и презрение в отношении человека, позволившего себе ограничить их привилегии. За спиной Платины они ищут политических союзников и находят таковых. В 1468 году — все происходит очень быстро — папа бросает в тюрьму некоторых из своих оппозиционеров. Бурные рыдания, шквал проклятий! Власть Павла II укрепляется значительно и надолго.

Если копнуть поглубже, можно проанализировать причины возникновения этой оппозиции. Безусловно, образ жизни апостольских секретарей, придворных литераторов способен привести в изумление. Иностранцы наблюдатели рисуют отвратительную картину разгульной жизни римского двора, что ослабляет доверие к папе и даже подрывает его авторитет.

Как всегда, имеет место смешение жанров и стилей, и не следовало бы отрицать проникновение мирского в сакральное или усматривать воздвижение некой преграды между христианским гуманизмом и гуманизмом языческим.

Одни и те же авторы с одинаковым пылом пишут религиозные проповеди и дерзкие непристойные стихи. И такое положение дел наблюдается при папском дворе уже в течение долгого времени: Леонардо Бруни из Ареццо, служивший апостольским секретарем при четырех папах, сменявших друг друга во времена схизмы (от Иннокентия VII до Иоанна XXIII), и завершивший свою жизнь канцлером Флоренции, всегда считался одним из поборников обновленного христианства. Он написал одну любовную комедию, одну речь императора Элагабала перед придворными и «Песнь Венеры»¹⁴. Поражает тот факт, что перестали скрываться царящие нравы, но еще больше удивляет, что эти люди охотно строили свой образ жизни, тяготея к античной цивилизации. Они прямо подражали древним грекам и римлянам, с каким-то наслаждением, а порой и хвастовством выставляя напоказ свою частную жизнь. В своих произведениях они рассказыва-

ют о своих похождениях, злоключениях, в том числе и выдуманных. Таковы «Проделки» Поджо, «Гермафродит» Антонио Панормитано, «Любовные наслаждения» Лоренцо Валла.

Лоренцо Валла родился в Риме в 1407 году. В течение некоторого времени он преподавал в Павии, но после ссоры с папой перебрался в Неаполь, где попал в руки инквизиторов и предстал перед трибуналом. Его спасло только покровительство короля Альфонса. Эрудит и философ в конце концов поселился в 1448 году в Риме, став папским секретарем и лектором Studium. Он занимается переводом и распространением текстов на греческом и латинском языках, стремится писать на классической латыни, изучая язык древних авторов, и переводить библейские тексты. Все это осуществлялось достойным образом, точно в той мере, в какой это можно было ожидать от аббревиатора и папского секретаря, занимавшегося, помимо составления булл, научной работой, критикой старинных текстов и их комментированием. Но его «Любовные наслаждения» (1431) имеют другую направленность. В этом произведении автор пытается доказать, что христианство может и должно отвечать требованиям человеческой натуры. Он восхищается наготой античных статуй, воспевает женскую красоту, отрицает супружеские добродетели и семейные ценности. Он предлагает сделать женщин общими и не придавать значения сохранению девственности, отказывается осуждать супружескую измену и высмеивает самоубийство Лукреции, оскорбленной Тарквинием¹⁵.

Однако подобные сочинения не были просто развлечением ума. Секретари курии буквально «сеяли» скандалы. Ходило много разговоров об их грубых развлечениях, шутках и фарсах крайне дурного тона, скабрзных высказываниях и непристойных сочинениях. Были даже попытки подсчитать, сколько незаконно рожденных детей у Поджо, самого известного придворного гуманиста (того, кто служил при нескольких папах и неизменно пользовался их благосклонностью). Папы пытались заставить своих придворных вести более достойный образ жизни: издавались соответ-

ствующие декреты, статуты и распоряжения, которые практически не соблюдались; применялись и жесткие меры (конфискации имущества и даже ссылки). Придворных заставляли выгонять прежних друзей и слуг, заключать достойные браки. Так, Поджо в возрасте пятидесяти шести лет пришлось, наконец, жениться на юной девушке из благородной флорентийской семьи, Ваджии деи Буондельмонти. Хотя Евгений IV и снисходительно относился к самым выдающимся из своих секретарей, так как они были нужны и защищали его дело перед докторами на Базельском соборе, в дальнейшем отношения с ними стали ухудшаться.

В 1468 году Павел II даже решил обвинить в ереси многих своих секретарей, поставив им в вину идолопоклонничество, богохульство и содомию, в общем — язычество на античный манер. В конечном счете папа даже изобличил пагубность поэзии. В 1455 году, еще задолго до своего избрания, к своему большому удовольствию, он получил памфлет, направленный против античных авторов, который посвятил ему его родственник Эрмоле Барбаро, епископ Веронский. Позднее, став папой, он охотно обращался к этому тексту и в присутствии многих иностранных послов выступил с пространной речью по поводу «этих историй и стихов, полных ереси и богохульства» и развращающих молодежь. «Зачем разрешать их чтение в наших школах? Подумайте, сколько детских голов забивается подобной чепухой и нехорошими мыслями, когда они читают Ювенала, Плавта, Теренция, Овидия и других подобных авторов!» Даже Ювенал, этот язвительный критик, по крайней мере по мнению своих современников, не находит у него снисхождения, «поскольку он под предлогом бичевания пороков может лишь научить им, как это делают наши проповедники своими молитвами, не отвращая прихожан от грехов, а как бы подсказывая им, как их совершать: вот, мол, как можно это сделать!»

Во всяком случае, Павел II предает анафеме академию во главе с известным Помпонио Лото и его приверженцев и запрещает чтение их произведений в школьных учреждениях¹⁶.

Но эти люди очень известны, занимаются литературной деятельностью и преподаванием. Благодаря своим обязанностям они встречаются со многими влиятельными персонами, которые могут распространять их идеи, зачастую весьма опасные. Некоторые из них поддерживают противников главенствующей роли папы, во всяком случае, в светских делах.

Так, Лоренцо Валла изучил соответствующие документы и подверг сомнению, а затем и полностью опроверг факт знаменитого Константинова дара — передачи императором Константином папе Сильвестру I власти над Западной Римской империей. Он также не признает за папой римским права управлять государством и вообще иметь какую-либо политическую власть.

Другие, более многочисленные, с ностальгией вспоминают времена античной республики как «золотой век», соответствующий их чаяниям. Они считают, что папа должен заботиться только о делах Церкви, а хорошо организованная римская коммуна должна взять судьбу города в свои руки... Апостольские нотариусы, секретари, писатели курии, поэты и философы не только вспоминают великие исторические факты, но и с удовольствием принимают на веру (абсолютно серьезно) многочисленные легенды, поддерживающие в римлянах чувство гордости за их удивительное и чудесное положение. Прежде всего, это легенда об основании города: Ной, спасаясь из Вавилонской башни, вновь оказывается на корабле, прибывает в Италию, в то место, где находится современный Рим, основывает город и дает ему свое имя. По этой же легенде, его сын Яникул, в свою очередь, закладывает рядом еще один город и поселяется в укрепленном дворце на Палатинском холме. Каждый римский холм отстаивает право на особое происхождение, всегда связанное с какими-либо героическими событиями и чудесами, перечисляются имена вождей, героев-основателей: Сатурн, царь Итал, Геркулес, Эвандр — царь Аркадии, Тибр — царь Аборигенов, Кориб и даже младший сын Юпитера Главк. Все эти города были защищены знаменитым поясом укреплений, который Ромул очертил кровью

Приама. Многие отстаивали легенду о Капитолии. Якобы некогда это было поразительное сооружение, со всех сторон облицованное хрусталем и золотыми пластинами, чтобы быть «зеркалом всех народов». Внутри находились сокровища, золото и драгоценные камни, статуи всех царей и императоров. Кроме того, великолепная башня с золотым маяком указывала ночью морякам месторасположение *Capitolium augeum*, одного из семи чудес света¹⁷

Весьма кстати приходится миф о римском народе, коммуне и даже тиране, похожем на народного трибуна Кола ди Риенцо. Миф поддерживают и распространяют придворные авторы, он находит живую поддержку среди многих римлян. И с этой точки зрения хорошо подготовленное окончательное возвращение папы создает трудности.

В 1434 году Евгений IV был вынужден бежать из города, а «римский народ» и его предводители, эти «правители свободы», попытались захватить замок Святого Ангела, ворота Ватикана и символ власти, на низвержение которой они пошли. Мятежники обратились к печально знаменитому кондотьеру Фортебаччио. Но, ограничившись осмотром крепостных стен, он сразу же отказался участвовать в этом деле. Это был конец: люди папы преследовали мятежников на улицах, и бедные магистраты коммуны «с грустью возвращаются в свои дома»¹⁸. Гуманисты курии не обошли ни молчанием, ни участием эти события. Валла продолжал разглагольствовать... но в итоге был вынужден подчиниться и даже унизиться ради пятисот дукатов, должности апостольского секретаря, сана каноника в Сан-Джованни ин Латерано.

Самый настоящий заговор возглавляет Поркари. Римлянин по происхождению, выходец из неродовитой, но многочисленной семьи, упоенный историей Древнего Рима, восхищавшийся политической системой республики, он провел ряд генеалогических изысканий, модных в то время, из которых, по его мнению, следовало, что его род восходит к римскому роду Порциев. Скорее политик, нежели литератор, он был «народным капитаном» во Флоренции, путешествовал по

всей Европе, был подеста (мэром города. — *Примеч. пер.*) Сиены и, наконец, при папе Евгении IV — губернатором города Орвието. После избрания Николая V он стал губернатором Кампании и приморской провинции.

Он плетет интриги, общается со многими писателями, поэтами, учеными, ведет неугодные папам разговоры, дерзко, даже необдуманно, выражает поддержку императору. Опасаясь его козней, Николай V отправляет его в ссылку, но не очень далеко, всего лишь в Болонью. Именно там Поркари устраивает заговор под лозунгом: «Рим, моя родина, заслуживающая того, чтобы быть владычицей мира, стала рабыней». Он убеждает двух своих племянников и других членов семьи в необходимости борьбы и инкогнито (черный плащ на плечах, капюшон надвинут на лицо) одним быстрым переходом прибывает в Рим. Сначала он скрывается, затем со своими сподвижниками разрабатывает следующий план. Они решают пройти по улицам в одежде императорских цветов и со знаменем римского народа во главе шествия, затем взять папу в плен, доставить его в цепях (но в золотых!) в трибунал и, наконец, с помощью подкупа захватить замок Святого Ангела. Однако вышло так, что предали самого Поркари, доверившегося кардиналу Латино Орсини, который его и выдал. Покинутый своими сторонниками, он укрывается у своей сестры, но ее дом окружают и берут штурмом. После того как Поркари повесили в замке Святого Ангела, начинается охота на его сообщников.

Позднее дело «академии» выдвинуло на сцену не только нескольких амбициозно настроенных аристократов с «республиканскими» идеями, почерпнутыми из литературных произведений и речей, но также писателей-гуманистов и даже папских придворных. Весьма неумелые, а скорее нерешительные действия участников заговора литераторов привели к его неудачному исходу, однако это стало для них школой воинствующей политической философии. Тогда название «академия» получила группа литераторов, друзей и последователей учения Помпонио (или Джулио) Лото — Счастливи́чика, таким было его прозвище. Позднее его

стали называть Невезучим (Infortunato). Он с огромным интересом относился к античности, безмерно восхищался древнеримскими авторами и даже обожествлял их. Он мечтал совершать подвиги по примеру античных героев и собрал впечатляющую библиотеку жизнеописаний выдающихся людей. Выходец из небольшого городка в Луканских (современная область Базиликата. — *Примеч. пер.*) Апеннингах, он был весьма незаметной личностью с малопредставительной внешностью. Он заикался, «его речь походила на медленную, размеренную кантилену», но Пию II это не помешало назначить его руководителем кафедры в университете. Преисполненный благодарности Помпонио уединенно жил на склоне Квиринала, возле небольшой рощи. Он любил заниматься своим садом, ловить в силки птиц, гулять среди деревьев, плести лавровые венки для своих учеников¹⁹. В его дом приходили многие молодые люди, секретари, поэты, члены папской курии и кардинальских дворов, чтобы поговорить с ним во время прогулок по форуму. Все они, подражая учителю, делали вид, что презирают условности, набожность и благочестие: не посещали мессу, не постились, глумились над произведениями Франциска Ассизского, называли Христа лжецом и не верили в бессмертие души. Все они громко заявляли о своей приверженности учению Эпикура и создали небольшой кружок посвященных «исследователей, единодушно почитающих все римское под благосклонным взглядом Помпонио». Они с самым серьезным видом называли друг друга именами великих людей, которых боготворили: Асклепиад (александрийский поэт, автор любовных эпиграмм), Калимах (также известный александриец, написавший поэму «Волосы Вероники»), Главк, Сабеллик. А вскоре в воздухе стала носиться идея организации заговора.

Поскольку в 1467 году папа Павел II из соображений экономии или уже в качестве наказания урезает жалование университетским преподавателям. Помпонио в поисках заработка отправляется в Венецию, откуда обрушивается на папский престол с язвительной критикой и клеветническими (порой наивными) нападениями.

Он поддерживает тайную переписку с друзьями, оставшимися в Риме. К его движению присоединяется и встает во главе его Платина (когда-то он уже подвергался аресту за свои высказывания против упразднения коллегии аббревиаторов). Участники движения занимались лишь публикацией пасквилей, никто и не помышлял о бунте и меньше всего о вооруженном выступлении, их разговоры не выходили за рамки полемики, «бахвальства и болтовни».

Но папа либо действительно был напуган, либо решил устроить публичный скандал: были арестованы около тридцати подозреваемых, в их домах производились обыски. Из верхушки «заговорщиков» был задержан только Платина, остальным удалось бежать, и очень далеко («Каллимах» скрылся в Польше!). Платину бросили в тюрьму, пытали и допрашивали в течение двух дней. Венеция выдала Помпонио. Однако в итоге доказать ничего не смогли, не удалось даже обвинить заговорщиков в ереси, поэтому в 1469 году всех задержанных освободили²⁰.

Светская жизнь и литературные кружки

То была последняя вспышка затяжного конфликта, который попортил кровь двум папам — Пию II и Павлу II, обвиненным в безразличном и даже враждебном отношении к когорте литераторов. Впоследствии стали возникать неурядицы иного толка, и дело было уже не в столкновении принципов и личностей. Пишущая братия охотно отказалась от некоторых своих требований, политика и политические игры привлекают их все меньше и меньше, языческие настроения в их сочинениях и речах теряют остроту и смысл. Эти писатели курии, гуманисты, всегда боготворившие античную литературу, постепенно теряют интерес к Римской республике, забывают о правительстве «народа», великих Гракхах и других трибунах и уже не помышляют о реформировании или упразднении папской власти. Они остепеняются и становятся верными подданными. И папы принимают их смирение, не опасаясь больше возникновения заговора, который мог бы поставить

под угрозу не только их власть, но и само понятие власти в Риме. С тех пор римский двор быстро приобретает славу средоточия великодушной терпимости, духовной любознательности, безграничного восхищения античным миром и даже вольнодумства. К этим разительным переменам также приложил руку папа Юлий II, имевший репутацию деятельного человека, жесткого политика и прекрасного стратега. Когда Микеланджело ваял в Болонье его статую, он рекомендовал скульптору изваять его не с книгой, а с мечом в руке, поскольку «в книгах, — сказал папа, — я ничего не смыслю». Тем не менее он был вполне сведущим коллекционером, с удовольствием читал Данте, приобретал для своей личной библиотеки произведения классиков латинской литературы (Тита Ливия, Цицерона, Овидия, Цезаря, Вергилия), труды по праву, переводы с греческого (в том числе одно сочинение Геродота) и сочинения современных итальянских авторов (Боккаччо, Петрарки, Леонардо Бруни, Флавио Бьондо). Во время его правления в Риме было создано множество литературных кружков и замечательных частных библиотек. Считалось хорошим тоном собираться во дворце кардинала или банкира, одного из нуворишей, занимающего привилегированное положение, или, что еще лучше, в каком-нибудь загородном доме, вдали от шума и суеты, «где не слышно криков ни продавцов рыбы, ни зеленщиков, ни продавцов благовоний, масла или каштанов... ни песен рабочего люда, ни даже отголосков городского шума». Собирались у Пьетро Корси на Монтечиторио; у Колоччи, который в своем доме, расположенном среди виноградников, собирал статуи, медали и книги; на вилле у Агостино Киджи, угощавшего писателей и художников своими винами и роскошной едой; у Садолето, друга и родственника кардинала Караффы, затем кардинала Фрегосо, ставшего в 1517 году епископом Карпентраса и в 1536 году кардиналом. «Какие очаровательные беседы мы вели с одаренными учеными мужами, наделенными всеми совершенствами ума, — то в садах Квиринала, то в Большом цирке, то на берегу Тибра или где-нибудь еще и после скромной трапезы, приправленной скорее добрыми речами, не-

жели какими-то кулинарными изысками, мы декламировали торжественные речи, читали поэмы, которые все слушали с упоением, — такими они нам казались великолепными, полными безыскусной и милой грации»²¹.

В своем Венецианском дворце, также в правление Юлия II, кардинал Гримальди принимал всех книголюбов, прельщал торговцев редкими подарками и перенес сюда уникальную библиотеку, приобретенную у Пико делла Мирандолы. По словам одного из биографов кардинала, на полках его библиотеки насчитывалось восемь тысяч томов, по утверждению другого — пятнадцать тысяч. У люксембуржца Жана Горица, «отца всевозможных наслаждений», на его вилле на форуме Траяна, в садах, украшенных колоннами, статуями, фонтанами, «из бесконечной банальности слагались чудесные стихи»²².

Известные куртизанки также устраивали у себя литературные салоны. Так, Империя, «гордость и краса Рима», которую друзья называли «целомудренной и стыдливой», знала латынь и великолепно играла на лютне. У нее собирались известные писатели, певцы и музыканты.

Немного позднее, в 1510 и 1520 годах, в то время как во Флоренции небольшие группы поэтов замыслили заговоры против Медичи, собираясь в укромных местах, в садах при въезде в город, когда даже там, во Флоренции, на мятежных писателей обрушивались репрессии, аресты, ссылки, экзекуции всякого рода, Рим являлся надежным убежищем. В Риме им уютно, иногда они выполняют работу секретарей в Ватикане или поручения высших духовных лиц. Литераторы защищены сильными мира сего, обласканы кардиналами, так как придают блеск их дому, могут позволить себе жить в довольстве и удобстве, безбоязненно совершать даже безнравственные поступки.

Агостино Веспуччи, бывший послом Флоренции во времена папы Климента VII, человек не слишком суровый, живо интересующийся всем на свете, в частности античной культурой и литературой, а также обожающий пикантные скандалы и скабрёзные истории, тем не менее в своих письмах не перестает возмущаться

поведением некоторых особ. В посланиях к Никколо Макиавелли он с горечью и недовольством пишет о своих шумных знакомых: «Бог мой! Сколько пищи они поглощают, сколько пьют вина, которое потребляют жадно, большими глотками, и это после того, как слегка позанимаются стихоплетством! Если бы их могли видеть Вителлий или Сарданапал, то они не смогли бы этого вынести. Эти люди поют и пляшут как разнузданные вакханки! ...Ежедневно во дворец они привозят по двадцать пять и более женщин, на крупах коней позади всадников: там устраивают лупанарий со всякого рода мерзостями». Его гнев направлен также против одного их общего друга, флорентийца, некоего Рафаэля Пуччи, обладающего весьма скромным талантом, но раздувающегося от важности, бесстыдно уверяющего, что его постоянно посещает муза. Не имея больших заработков и обладая продажной душой, в ожидании лучших времен сегодня он пишет стихи для богатого торговца, завтра прославляет виноградники знатного синьора. «Его всегда видят в сопровождении какой-нибудь девицы для развлечений», но вот ему уже грозят судебные процессы, месть со стороны аристократа, оскорбленного в одном из его сонетов, а также серьезное обвинение в содомии. Конечно, он не один такой; Веспуччи рассказывает еще о двух поэтах, которых уже сожгли бы заживо вместе со многими другими, «если бы они не укрылись в доме кардинала или других важных персон»²³.

Протекция — великая вещь, благодаря ей вы можете даже избежать судебных преследований. Кардиналов все больше и больше привлекает игра ума, литературные кружки, из любви к искусству, либо следуя вкусам и убеждениям, или из политических соображений они играют в меценатов и соперничают между собой. Содержать поэта, спасти его от строгого правосудия — это еще один способ громко заявить о своей власти и авторитете.

В таких благоприятных условиях, взлелеянные и обеспеченные, некоторые из писателей папской курии пользуются репутацией людей компанейских и с хорошим вкусом. Они устраивают собрания, разного рода

состязания в красноречии в виде игр, конкурсов и диалогов, которые иногда облакаются в письменную форму, публикуются, вызывая всеобщее восхищение.

Так, Бальдассаре Кастильоне (1478—1529) сначала был блестящим капитаном и тонким дипломатом, артистом и писателем, послом Гонзага в Мантуе, а затем представителем Монтефельтре Урбинских в Англии, Милане и, наконец, Риме, где он настолько пришелся ко двору, что прочно обосновался там (1505). Приняв сан священника, он служил нунцием папы Климента VII Медичи в Испании. Друг Рафаэля, написавшего его портрет, автор знаменитого трактата «Совершенный придворный», он пишет множество «Диалогов» и неустанно поет дифирамбы своим «дорогим и милым друзьям».

Так, Бьяджо Паллаи, называемый Палладио, обрел известность главным образом благодаря своей элегии на смерть собачки Изабеллы д'Эсте. Он поселился в собственном доме на берегу реки, стал начальником школы.

Так могло ли литератору не понравиться в Риме? Именно Рим был центром ученого мира, настоящей столицей литературы и науки. «Каждый раз, когда думаю о Риме, я не могу не вздыхать о нем, об этом городе, где царит свобода... где можно приятно провести время в общении с умными и образованными людьми». Или еще: «Если бы меня насильно не оторвали вдруг от Рима, я никогда не смог бы решиться его покинуть. Здесь спокойно и свободно; я хожу в богатые библиотеки, завожу приятные знакомства со многими образованными людьми и литераторами; здесь радуют глаз старинные памятники культуры. Я имел честь водить знакомство с известными прелатами. В общем, я почел бы за великое счастье вновь оказаться в Риме». Так писал Эразм Роттердамский, находясь в Лондоне... А Изабелла д'Эсте написала из Феррары своим друзьям-поэтам: «Мое тело здесь, но душою я остаюсь в Риме»²⁴.

РИМ — МЕСТО ВСТРЕЧИ ЛЮДЕЙ ИСКУССТВА

Руины: сохранять или разрушать?

Мы так охотно говорим о Ренессансе, так часто употребляем это слово и так много под ним подразумеваем, но осознаем ли мы его подлинный смысл? Что оно значит для нас? Огромное уважение к античности? Интерес к человеку и его прошлому? Те процессы, которые мы называем словом «возрождение», начались уже давно, задолго до итальянского Раннего Возрождения (Кватроченто), и происходили в каждой стране по-своему, не без разрывов в хронологии, а также не без определенных нюансов, отклонений и даже возвращения назад. Это движение, как и все те, которые отличают цивилизацию, совершенно не подпадает под какое-либо упрощенное определение, поэтому лучше воочию увидеть реальность, скрывающуюся за завораживающими и красивыми словами.

Интерес к античному миру? Он никогда не угасал: в считающиеся самыми мрачными времена средневековья писцы и переписчики, любители всевозможных затей и распорядители праздников, а также художники, поэты и философы хранили в памяти персонажей поучительных басен и подвиги героев легенд и мифов Древней Греции и Рима, никогда не забывали о великих творениях и выдающихся умах античности. Но поскольку Рим — особый город, память о прошлом носи-

ла в нем иной характер, а вопрос о ее сохранении и преклонении перед этими реальными и значительными свидетельствами определенно создавал серьезные трудности, ставил перед непростым выбором.

Папы и их приближенные, члены кружков просвещенных любителей античности, гуманисты, влюбленные в изящную словесность, даже придворные художники, так ли уж все они хотели и могли сохранить эти остатки античной славы?

Было бы легко представить, что они готовы сделать все ради того, чтобы внести в каталоги, открыть для людей, а также сберечь все, что напоминает в их городе о прошлом: памятники, прекрасные скульптуры, бронзовые вазы, монеты и медали. Но, несмотря на благие намерения, каким образом они могли противиться необходимости экономить камень, добываемый в новых карьерах, и бороться с нехваткой денег? Как устоять перед соблазном еще раз пустить в дело самые красивые мраморные плиты, удивительно хорошо сохранившиеся колонны и капители из порфира? Вот почему в период Кватроченто и чуть позже папский Рим больше разрушает, чем пытается сохранить¹.

В 1420 году античная часть города имеет довольно плачевный вид: настоящее поле руин, в которых порой даже трудно узнать какую-либо постройку. Конечно, ни одно сооружение не использовалось по первоначальному предназначению, и даже если оно оставалось целым, то прежний вид все равно утрачивало². В результате простых переоборудований, часто проводившихся так неумело и хаотично, что приводило порой в настоящее замешательство, с грехом пополам удалось приспособить самые разные, даже плохо соотносящиеся с христианской культурой строения под культ мучеников. Хотя все большие базилики и знаменитые монументы были построены заново, но зачастую из старого камня, в основном во времена правления Константина, большая часть других, менее известных церквей появилась в результате перестройки старых, никому не нужных зданий. Список последних может быть бесконечным. Пантеон превращается в церковь Санта-Мария ад Мартирес, вскоре переименованную в

Санта-Мария Ротонда; храм Антонина становится храмом Сан-Лоренцо ин Миранда, а храм Фаустина — храмом Санти-Космо э Дамиано. Библиотека терм Августа, расположенная на форуме, превратилась в церковь Санта-Мария Антиква, а курия — в базилику Сант-Адриано. На каждом форуме, представлявшем собой все те же развалины с неясными очертаниями, мастера-каменщики, используя некоторые наилучшим образом сохранившиеся фрагменты храмов и портиков, сумели воздвигнуть несколько церквей, затерявшихся посреди огромного нагромождения камней. Таким образом, по крайней мере пять церквей появилось на Римском форуме, две из которых — святого Сергия и святого Вакха; на *forum boarium* поднялись Санта-Мария дель Соле и Санта-Мария Эджиптиана; на *forum holitorium* — церковь Сан-Никколо ин Карчере, построенная на развалинах трех храмов: Юноны Соспиты*, Януса и Надежды. На Палатине выстроили церковь Санта-Мария де Паллариа и Санта-Лючия ин Септем Солис. А мавзолеей Августа отныне венчала крошечная церковь Сан-Микеле³.

Превратившись в крепости знати или приходские церкви, все строения — свидетели бывшего античного великолепия были отреставрированы, перестроены и преобразованы. На месте античного города появился новый — воинственный, феодальный, христианский.

Процесс разрушения облегчал задачу. По всему городу он приобрел большой размах, причем разрушения зачастую происходили систематически. К случайно или намеренно возникавшим во время гражданских войн пожарам, наводнениям, страшным землетрясениям (в результате землетрясения 1349 года был поврежден западный фасад Колизея) прибавляются действия профессиональных строителей, которые развивают свою активность, превращая целый город в необъятный источник строительных материалов, что-то наподобие бесценного и бездонного карьера. Мраморщики, *marmararii*, образуют собственный профессиональный цех, один из самых влиятельных союзов. Сначала они снимают с античных памятников колонны и

* Спасительницы (*лат.*). — *Примеч. пер.*

капители, с храмов — балюстрады, выносят из них амвоны и табернакли, могильные плиты, затем передают их старшим городским каменщикам и даже отправляют еще дальше, в другие итальянские провинции. Фрагменты античных римских сооружений находят в Орвието, Пизе и Лукке, во Флоренции, в баптистерии церкви Сан-Джованни. Древние статуи используются при строительстве новых сооружений для придания стенам прочности и даже при постройке башен и крепостей. Остальное же отправляется в печи для обжига извести.

Другим довольно активным союзом является коллегия обжигателей извести, *calcarii*, которые строят свои печи в самом центре города, среди больших монументов, цирков, театров и терм. Так, большое количество печей выросло на форуме, на территории императорских дворцов Палатина, но еще больше их появилось в термах Диоклетиана. Южная часть Марсова поля, на которой, за театром Марцелла, нет домов знатных семейств, полностью отдана на откуп специалистам по разрушению зданий и обжигателям известняка, активно работающим там на протяжении всего года. Названия улицам всего этого района даются по названиямстроек; печи, горящие там денно и нощно и наполняющие воздух едким дымом, отбрасывают на стены и валяющиеся повсюду колонны яркий мерцающий отсвет. В разговорной речи, а вскоре и в записях нотариусов и хронистов появляются новые термины: *Calcarario*, *Calcararia*. Эти слова обозначают огромный карьер по добыче известняка, самую большую фабрику по поставке камней и извести во всей провинции и, по всей видимости, во всей Италии. Если говорят: «Отправиться *alle Calcare*», это означает точные координаты, ориентировку. Пока еще не разрушенные соседние строения, жилые дома, небольшие дворцы и даже церкви расположены *alle Calcare*. Так говорят: Сан-Никола Калькарариум, Сан-Лоренцо де Калькарариис, Сан-Сальваторе де Калькарарис и Санта-Лючия де Калькарарио⁴.

По сравнению с подобными, столь полезными и легко осуществимыми начинаниями, предназначен-

ными для новых урбанистических проектов, папы так называемого Ренессанса не создают ничего нового, а если что-то и предпринимает, то это остается практически незаметным. Ни они сами, ни их приближенные, ни члены муниципального совета, которые все-таки иногда осторожно подают голос, не могут или не хотят действовать решительно. Совершенно очевидно, что ни одному римскому памятнику не было возвращено его бывшее назначение и ни один из них не был восстановлен как музейная ценность на радость восхищенным любителям античной культуры. Все совсем наоборот... Еще в Авиньоне в 1363 году Урбан V уступил термы Диоклетиана двум знатным вельможам из рода Орсини. Они устроили в них монастырь картезианского ордена, основателями которого являлись. Другие захваты античных построек служат реализации новых архитектурных проектов. Не является ли самым ярким и действительно впечатляющим примером этого замок Святого Ангела, который некогда был мавзолеем Адриана? При перестройке замка папа развивает и дополняет то, чему положили начало представители знатного семейства Орсини. Простое неудобное здание (то ли денег не хватило, то ли воображения), несмотря ни на что сохранившее очертания древнего памятника, превращается в грандиозное строение, в котором коренным образом меняется все и которое приобретает совсем другой вид.

Повсюду в городе эти князья Ренессанса позволяют разорять у них же на глазах те самые руины, которыми они якобы восхищаются и которые оберегают. Они разрешают, поощряют и даже побуждают к действию разрушителей, заключая с ними деловые сделки на поиск красивых, хорошо сохранившихся мраморных плит, колонн, цоколей или архитравов. И это не считая отдельных фрагментов, которые не так хорошо сохранились и были брошены в печи... На протяжении века процесс разорения приобретает небывалый размах, превращая в руины все новые и новые кварталы, главным образом те, откуда можно было выгнать знать. Сильно страдает Колизей, его верхняя часть и наиболее удобные трибуны разбираются. Некоторые ступе-

ни сооружения рушатся, а из остатков выбирается мрамор, травертин и даже туф. Кардиналы отдают распоряжение вывозить уцелевшие колонны для украшения фасадов и внутренних двориков своих дворцов, а папы — для отделки базилики святого Петра или Ватиканского дворца. Многие предприимчивые дельцы, контроль за которыми практически отсутствует, опустошают базилику Константина. Хотя по приказу Николая V разрабатываются карьеры в Тиволи, качественный мрамор в основном доставляется с виллы Адриана. Хотя Пий II, одержимый идеей хоть как-то разнообразить декор, приказывает доставить огромное количество мрамора из Каррары, именно во времена его правления один из гуманистов оплакивает судьбу памятников античного Рима, «большинство из которых были разрушены и беспощадно разграблены». Для того чтобы перевезти огромные колонны храма Минервы в Ватикан, Николай V обращается к мастеру из Болоньи Ридольфо ди Фьораванти, по прозвищу Аристотель. Позднее Сикст IV не колеблясь разрушает храм Геркулеса и триумфальную арку на *forum boarium* для сооружения стен своей библиотеки в Ватикане (1471)⁵. К концу века весь республиканский форум представляет собой огромную каменоломню, отданную на откуп строительным подрядчикам в обмен на треть их доходов.

В 1518 году Рафаэль пишет Льву X, что за двенадцать лет, прошедших с момента его приезда в Рим, на его глазах были разрушены триумфальные ворота терм Диоклетиана, храм Цереры на форуме, часть форума Нервы и базилики Константина⁶.

Поиски и раскопки продолжают, выбираются все целые и ценные фрагменты, остальное разрушается. Конечно, еще более века назад группа ученых эрудитов, влюбленных в Древний Рим, поднимала свой голос в защиту исторического достояния. Гуманисты горько сожалеют по поводу этого медленного, но верного драматического изменения облика древнего города, в котором все напоминает о былой славе и который является реальным отражением культуры, которую они постоянно изучают, не переставая восхищаться ею. Начиная с 1350 года находящийся в зените своей «рим-

ской славы» Петрарка не раз яростно осуждал это варварское разрушение, незаконное присвоение и беспечную расточительность. Во всем этом он обвинял знатные семейства, использующие малейший повод, чтобы начать войну друг с другом и возвести как можно больше неприступных башен и крепостей. Именно на них он возлагал ответственность за это святотатство. Петрарка искренне признавался в том, что был другом Кола ди Риенцо, апостола мира и вдохновенного пропагандиста римской славы, который установил в городе настоящую личную диктатуру: ради поддержания своей власти он всяческими способами старался притеснить знать и князей.

Так что эта защита античности и ее мраморных памятников не кажется лишенной определенного умысла; она вписывается в общую политическую картину и имеет целью покончить с мощью противника, сильных кланов и их крепостей. Всего не объяснишь любовью к античности.

Позднее все происходит примерно в том же духе... В 1363 году молодая муниципальная власть принимает эстафету и издает уставы коммуны, запрещающие наносить какой-либо ущерб памятникам старины (*De antiquis edificiis non diruendis*), а спустя столетие папа Пий II издает специальную буллу, по которой под охрану попадали все здания, оставшиеся в наследство со времен античного Рима... по крайней мере, те из них, которые находились к тому времени в приличном состоянии. Правда, и здесь политическое стремление «успокоить» городское население совпадает с заботой о сохранении того, что еще можно сохранить. И в основе этих робких попыток сохранить былое лежат сложные мотивы.

В свой черед, с иных политических позиций, папы превозносят все, что может напомнить о блеске и славе Первого Рима. Сразу после схизмы, к выгоде Капитолия, они предпринимают настоящую кампанию по восстановлению и приведению в порядок древних памятников, и успехи этого предприятия порой были просто потрясающими. Разумеется, это пропагандистское мероприятие, призванное поразить умы и напом-

нить о связи с великими традициями, с одной стороны, а с другой — при помощи красивых слов и лестных уловок заручиться поддержкой членов городской администрации, избранных профессиональными цехами и располагающих кое-какой властью.

Римский народ с незапамятных времен отправлялся на Капитолийский холм на всеобщий молебен в церковь Санта-Мария д'Арачели, история и легенда которой удивительным образом связывали античное прошлое с благоговейными воспоминаниями, великими свершениями и чудесами. Говорят, что эта базилика была построена на месте древнеримской крепости, как раз там, где Август воздвиг алтарь в честь оракула Сивиллы, известившего о приходе Спасителя. Ее неф опирался на колонны, взятые в различных языческих храмах. Церковь, в 1250 году переданная францисканцам, символизировала собой желание отстоять собственную автономию в противовес князьям и знати, а также стремление увековечить «республиканское» прошлое. Именно там провозглашались римские «законы» и даже административные эдикты, и именно там Кола ди Риенцо обращался с речью к огромной толпе. В 1348 году на средства от пожертвований, сделанных мадонне д'Арачели в благодарность за то, что она спасла город от чумы, была построена огромная монументальная лестница из ста двадцати четырех ступенек, вырубленных из цельных кусков мрамора, взятых с древних памятников. Однако за неимением денег фасад базилики так никогда и не был украшен роскошной мозаикой и фресками, как задумывалось во времена первых восстановительных работ⁷

Капитолийский дворец даже в большей степени, чем эта церковь, которую папы времен Кватроченто постоянно украшали (фрески Пинтуриккьо), является символом республиканского народа. Так, если верить замечательным авторам-гуманистам, этим печальным и безутешным свидетелям, Поджо (*De Varietate Fortunae*), затем Флавио Бьондо (*Roma Instaurata*), в 1420 году все пришло в окончательный упадок: древние здания были полностью разрушены, за исключением одного, служащего жилищем для сенаторов и одновре-

менно магазином по продаже соли. Буквально со всех сторон вас окружают лишь груды развалин и кучи известняка. Больше ничто не украшает площадь, все разрушено, все разграблено. После возвращения пап в Рим одна из первостепеннейших задач состояла в том, чтобы вернуть хотя бы часть бывшего блеска этому знаменитому «сенаторскому» месту, история которого уходит в глубину веков.

Николай V наконец-то начинает приводить в порядок эти печальные развалины. Он восстанавливает, реконструирует и украшает настенной росписью сенаторский дворец, к которому пристраивается башня, служащая оборонительным сооружением. Он заканчивает восстановление и украшает Дворец консерваторов, престижное сооружение времен схизмы, которое за полвека до того, примерно в 1400 году, осталось незавершенным. Этот государственный дворец, предназначенный для размещения в нем служб римской коммун, с широкими аркадами, смотрящими на площадь, сильно напоминает роскошный Дворец дождей XV века, тоже выходящий фасадом на площадь наподобие строгих и неприступных полукрепостей тосканских коммун с высокими глухими стенами. Все это создает образ города, стремящегося забыть свое смутное прошлое и кровавые стычки, города, который готов по указанию владыки начать красивую безмятежную жизнь.

Капитолий вновь обретает свой величественный вид, что свидетельствует об определенных намерениях: папский Рим пытается стать наследником другого Рима — бывшего, овеянного славой. Разумеется, речь идет о реализации не только монументальных проектов, но и, как всегда, политических замыслов...

Тем не менее, несмотря на огромное количество красивых обещаний и запретов даже прикасаться к знаменитым памятникам, в течение следующих веков город за исключением Капитолия по-прежнему представляет собой поле заброшенных развалин, поросших травой и деревьями. Если землю и начинают расчищать, то лишь для того, чтобы распахать и посадить виноград. Остатки стен, изуродованные колонны, раз-

битые лестницы, покосившиеся архитравы и ригели, рухнувшие и обгоревшие крыши и остовы зданий — отныне это является «классическим» пейзажем, который, не без замешательства созерцают и запечатлевают в своей памяти паломники и художники, которых манит слава Вечного города. Рассказы об этих, уже ставших привычными, картинах передаются из уст в уста. Это зрелище превращается в надоевший стереотип — образ знаменитых римских развалин, жертв времени, но также и рук человеческих и человеческого умысла. В художественном, архитектурном плане, а также с точки зрения правил декоративного искусства достопримечательности Кватроченто заимствуют у античности не столько сочетающиеся друг с другом элементы, сколько разрозненные составляющие, которые располагаются не всегда там, где надо, и которые невозможно соотнести с каким-либо временем и вписать в определенный контекст. В конечном счете папский Рим предлагает странное зрелище любителям античности, истинным историкам и подражателям римскому искусству былых времен, которые зачастую довольствуются лишь тем, что созерцают творения древних и, вдохновившись увиденным, рисуют с них копии. Бродя среди многочисленных развалин, замечательные художники впитывали в себя эти образы разрухи и конца света. Понятно, что в качестве фона к их мифологическим, сказочным и историческим сюжетам эти руины были способны предложить только смутный, неясный античный хаос. Таким образом, задние планы и декорации с нагромождением аксессуаров «в римском стиле», скульптурными фигурами и стелами, обломками колонн и фронтонами вовсе не свидетельствуют о хорошем знании прошлого. В основе этого вдохновения, скорее всего, лежит неосознанный порыв, и римские развалины сыграли тут определенную роль.

Страсть к античному

Подлинный интерес к античному город переживает совсем иначе. По крайней мере, в течение двух или трех поколений на Западе сформировалась и разви-

лась страсть к коллекционированию. Эта мода, поначалу продиктованная, по всей видимости, алчными устремлениями, заставляла князей и даже торговцев собирать различные представляющие ценность предметы, медали, монеты, драгоценности, которые можно было потом продать по хорошей цене. Затем пристрастие к диковинным вещам утвердилось как таковое — в основе его уже не лежало ничего, кроме удовольствия сравнивать, собирать и одерживать верх над другими любителями предметов искусства⁸. В эту эпоху и главным образом в Риме на смену княжескому *studiolo*, небольшому месту для уединения, и личному кабинету (в былом виде его еще можно увидеть во флорентийском палаццо Веккьо, принадлежавшем семейству Медичи) приходят просторные, украшенные большими скульптурными композициями, хорошо освещенные галереи, превратившиеся позднее в настоящие музеи. Здесь папа изучает предметы старины, которые выдержали проверку временем, несут на себе печать славы и, кажется, возродились из пепла, а не ювелирные изделия и картины придворных художников его времени. К реликвиям относятся как к старинным предметам и бесценному сокровищу.

Находка какой-либо римской вещицы, скромной или потрясающей воображение, но обязательно необычной и оригинальной, вызывающей восхищение, всегда приравнивается к настоящему празднику. А ее владелец ощущает себя самым счастливым человеком на свете, которому завидуют буквально все вокруг. Если есть возможность, редкий предмет выставляют на всеобщее обозрение, и сам папа не пренебрегает этой традицией.

Папа-венецианец Павел II решил превратить свой дворец Святого Марка в уникальный музей и начинает собирать буквально все старинные вещи, о которых только слышал. В июне 1466 года он составляет длинный договор, регламентирующий работы по расширению здания, и в этом документе оговаривалось, что мастера-каменщики, занимающиеся закладкой фундамента, должны незамедлительно передавать папе все, что находят интересного: мраморные или порфири-

вые колонны и плиты, скульптуры, золотые, серебряные и медные медали и монеты. Папа лично вносит существенный вклад в создание каталога своих коллекций. Эта работа была начата в 1457 году одним из его апостольских нотариусов, Джованни Пьерти, и была далека от завершения даже три года спустя. Папа владел примерно ста золотыми медалями и более чем тысячью серебряных, несколькими римскими медальонами, ста тридцатью шестью обработанными драгоценными камнями, главное — он имел двести двадцать семь античных камней, вставленных в оправу из позолоченного серебра, на которой был отчеканен его герб и которую украшали надписи, прославляющие как святого Петра, так и Бахуса⁹

Другой коллекционер, Сикст IV, приложил максимум усилий, чтобы в целях сохранения коллекции Павла II запретить вывоз из Рима прекрасных старинных предметов, которые страстно мечтали приобрести все итальянские князья, начиная с Милана и кончая Флоренцией и Неаполем. А в это время в самом Риме Лоренцо Медичи подкупал всевозможных тайных и полутайных посредников и щедро платил им. Впрочем, в этом деле папа думал только о собственной выгоде: он пытался привлечь внимание к римскому наследию, поскольку видел в нем источник своего престижа и козырь в политической игре. Он передал в дар городу Риму, поместив для хранения в Капитолий, несколько замечательных статуй и скульптурных групп: «Волчицу», «Метателя стрел», голову божества, а также фигуру Геркулеса, отлитую в бронзе и позолоченную. Впоследствии они стали первыми экспонатами знаменитого Капитолийского музея, торжественно открытого 14 декабря 1471 года¹⁰.

Поиск древностей, незаконная торговля и спекуляция ими превращаются в новое, все более доходное и модное занятие. «Я завел дружбу кое с кем из охотников за древностями, которые постоянно выслеживали ломбардских крестьян, приезжающих в Рим для сезонных работ на виноградниках. Эти сельские жители, обрабатывая землю, постоянно находили старинные медали, агаты разных оттенков, сердолики и камни. Среди

находок встречались и драгоценные камни: изумруды, сапфиры, алмазы и рубины. Поисковики скупали эти вещицы у крестьян почти за бесценок, и мне не раз случалось даже бегать за ними...» Будучи специалистом в данной области, Бенвенуто Челлини перепродавал эти находки кардиналам, получая от подобных сделок неплохие барыши и, таким образом, заручаясь дружеской поддержкой со стороны многих вельмож. Так, например, он продал изумруд «в виде головы дельфина, величиной с один из тех бобов, которыми пользуются при голосовании», а также голову Минервы, высеченную из топаза, «самую красивую безделушку, которую мне когда-либо приходилось видеть на свете», и камею, на которой был изображен Геркулес, укрощающий трехглавого Цербера¹¹.

Величественные, украшенные скульптурами колонны и конные статуи, прекраснейшие предметы старины вызывают восхищение и любопытство даже у простонародья. И повсюду запечатлены какие-нибудь праздники или знаменательные даты. Свою сегодняшнюю жизнь люди сравнивают с прежней. Один из кварталов, расположенный на Квиринале, *contrada de Cavalli* (ad equos martoreos), получил свое название от двух огромных мраморных коней, авторство которых приписывали Фидию и Праксителю¹².

Античное искусство тешит самолюбие римлян, будоражит и воодушевляет их. В 1485 году на Аппиевой дороге в одной из гробниц обнаруживают саркофаг юной римлянки, украшенный необыкновенными драгоценностями. Эта находка производит в городе настоящую сенсацию. Саркофаг выставляют в Капитолии, и полюбоваться им приходят все, кому это интересно: гуманисты, служители церкви, простой люд. Однако это событие вызвало такой наплыв народа, что по прошествии нескольких дней папа вынужден был отдать приказ о тайном захоронении тела в укромном месте. Страсть к античным скульптурам не уменьшается; наконец-то их прекращают отправлять в плавильные печи или отдавать каменщикам для использования при постройке новых сооружений. В 1480 году в Гроттаферрате на территории виноградников кардинала

делла Ровере была обнаружена великолепная статуя Аполлона, которая привела всех в неописуемый восторг и которую затем выставили в Бельведере. Надо сказать, что в течение некоторого времени никто не мог ни правильно датировать, ни даже идентифицировать ее, хотя многие эрудиты предлагали самые разные (одна невероятнее другой) версии.

Дело в том, что в то время даже образованные люди все еще довольно приблизительно разбирались в богах, верованиях, истории античности. О происхождении той или иной статуи или композиции ходили удивительные легенды. Так, в 1452 году один немецкий путешественник увидел в статуе Марка Аврелия в Латеране «простолюдина, прозванного Септимием Севером, который убил короля, осадившего Рим, и привез бездыханное тело в город». По его же мнению, ригна в Ватикане была перенесена из Трои в Константинополь и Рим демонами. А Ромул был якобы похоронен под пирамидой Цестия. В ту же эпоху народная молва стала называть статую Исиды Лукрецией по имени фаворитки неаполитанского короля, чей приезд сильно потряс воображение современников¹³.

Впрочем, постепенно положение улучшается. 14 января 1506 года среди виноградников, на месте расположения терм Тита, обнаруживают прекрасное скульптурное изображение Лаокоона и двух его сыновей, удушаемых змеями. Это чудо сразу восхитило спешно прибывших туда знаменитых художников Микеланджело и Сангалло. Некоторые специалисты считают эту группу одним из самых великолепных творений времен античности. Известно, что о ней упоминал еще Плиний и что история ее тесно связана с Троянской войной и деревянным конем Одиссея. Легенда такова: жрец Аполлона Лаокоон решает предупредить троянцев о нависшей опасности и умоляет их не пропускать за городские стены подозрительного «коня», но, чтобы заставить Лаокоона замолчать, Минерва подсылает к нему и его сыновьям двух огромных змей, которые душат их. Эта находка стала настоящим чудом: скульптурная группа была спрятана, хранилась в подземном помещении бань. Обнаруживший ее человек

по имени Феликс де Фредди в тот же день становится знаменитым, его чествуют как героя, а после смерти хоронят в базилике Арачели.

Папа Юлий II потратил не менее шестисот дукатов на приобретение статуи Лаокоона, ставшей жемчужиной его ватиканской коллекции, которая уже к тому времени насчитывала множество интересных находок. Сам Микеланджело с особой тщательностью исследовал все мраморные обломки, обнаруженные среди развалин, вплоть до мельчайших осколков, рассматривал каждую линию, каждый изгиб. Подолгу изучал он и знаменитый «Бельведерский торс». Фигура была страшно изуродована, лишена рук и ног, сам торс отличался мощной мускулатурой. Скульптуру не удавалось причислить ни к одному иконографическому циклу, хотя имя автора было хорошо известно: Аполлоний Афинский (II век до н. э.). Поскольку торс покоился на львиной шкуре, молва прозвала его Геркулесом. Каждый раз, проходя мимо, Микеланджело поглаживал этот холодный кусок мрамора, называя себя «сыном торса». Эта находка потрясла его воображение до такой степени, что впечатление, полученное им от этого творения, нашло отражение во многих его работах, будь то живопись или скульптура¹⁴.

На протяжении нескольких веков на территории практически всей Западной Европы взорам строителей открывались архитектурные фрагменты и декоративные композиции, находящиеся, конечно, не в лучшем виде, часто разрушенные и сильно поврежденные, но вполне годные в качестве материала для нового строительства, а итальянские и французские князья уже давно коллекционировали медали, монеты и камни, но именно во времена Раннего Возрождения и именно в папском Риме впервые обнаруживают великолепные статуи в прекрасном состоянии. Эти изваяния, которые, разумеется, потеряли свое первоначальное значение, завораживают римлян красотой форм и изяществом поз. Все они независимо от сюжета привлекают внимание, вызывают восхищение и достойны показа широкой публике. Они становятся неотъемлемой частью декора, тем более что в те времена уже на-

чинает утверждаться новая мода: виллы для увеселений и небольшие загородные дворцы теперь окружают садами, обрамленными крытыми галереями и украшенными прекрасными скульптурами.

Папы же показывают пример в самом Риме: в Бельведере прямо в центре *sortile* высятся гигантские статуи Тибра и Нила, а искусно созданная архитектурная перспектива направляет взгляд к гротам Аполлона и Лаокоона.

В результате раскопок или, точнее, случайных находок, сделанных во время строительных работ по закладке зданий, разрушений и ограблений, а также при разбивке виноградников, было обнаружено большое количество некогда спрятанных предметов старины, которые теперь изучают и которыми восхищаются. Речь идет о целой области античного искусства. Бум строительства, стремление к экономии и ставшая уже традиционной практика повторного применения мрамора способствуют значительному обогащению коллекций. Рим открывает для себя иной предмет для гордости и начинает наслаждаться своими сокровищами. Они выставляются в частных и городских музеях и, наконец, демонстрируются, как некогда святыни и реликвии, гражданам, путешественникам и, конечно, паломникам. Нередко экспозиции организуют всего лишь в нескольких шагах от гробниц мучеников-христиан. Это увлечение превращается в какой-то новый культ. Во всяком случае, утверждается мода на пышное убранство. Она нравится всем и постепенно становится хорошим тоном.

Не в это ли самое время или чуть позже, во времена правления папы Льва X Медичи, при создании лоджий Ватикана Рафаэль вдохновляется изысканными изгибами Золотого дворца Нерона, забавными гирляндами, сотканными из листьев, зверей и человеческих фигурок? Каменщики обновили несколько гротов, примыкающих к дворцу, и эти фантастические гирлянды прозвали «гротескными». С тех пор во всех скульптурных работах обязательно присутствуют подобные гирлянды. Что это, магия моды, вкус времени, стремление к подражанию или же действительно осознанное уважение к античному искусству?

Одержимые подлинным духом соревнования и желанием достичь совершенства, художники, ювелиры и особенно резчики без тени смущения копируют красивые античные предметы, признанные несравненными образцами. «По просьбе многих вельмож, с которыми его связывали прочные дружеские узы», Бенвенуто Челлини пытается делать копии небольших железных колечек, инкрустированных золотом, которые были найдены в античных погребальных урнах, наполненных пеплом. Он выковывает их из очень чистого металла, и это приносит ему фантастический успех, поскольку его колечки вызвали небывалый интерес и даже зависть. Дело в том, что «ученые провели исследования и пришли к выводу, что эти кольца носили в качестве амулетов те, кто желал остаться твердым при любых поворотах судьбы, как счастливых, так и дурных»¹⁵. Самым крупным достижением, принесшим ему настоящую славу, стало создание двух ваз. Они были сделаны под «настоящие античные», причем так искусно, что даже папа и кардиналы не могли скрыть своего восхищения. А чтобы доказать, что эту работу выполнил он сам, автор представил свидетелей, которые наблюдали, как он работал, удивляясь его мастерству. «Эта небольшая работа принесла мне значительный доход»¹⁶, — записал мастер.

Подобный интерес к античности, так называемое Возрождение, конечно, удовлетворяет самые разные духовные потребности. Люди получают удовольствие от научных открытий, восхищаются великолепными формами и имеют возможность совершенствоваться в мастерстве. Старинная вещь, пережившая свое время, внушает священный трепет, помогает людям осознать свое прошлое, а также вызывает стремление к поиску и страсть к коллекционированию. Однако в Риме речь идет также о «политической» операции, целью которой является возвеличивание города, его славы и «республиканской» доблести, его независимости и великих завоеваний, установление его превосходства над всем миром, с помощью как оружия, так и произведений искусства.

Восторженное увлечение Древним Римом позволяет нанести урон престижу знатных семейств и утвердить на всем Западе власть пап, вновь превратившихся в хозяев Вечного города. Они одержимы идеей добиться успеха, а также создать сильное государство и достойную своего имени, самую престижную среди всех столицу. Подобное искреннее восхищение прошлым Римом, питаемое литературой, древними памятниками и научными исследованиями, вовсе не беспочвенно и совсем не случайно.

Старый и новый Рим: «Mirabilia»

Весь Рим восхищается видом языческих храмов, стадионов и амфитеатров, в которых происходили цирковые игры и которые видели первых христианских мучеников, видом арок, воздвигнутых во славу императоров. Город пытается сравниться по уровню красоты с колоннами Колизея и копировать дворцы Нерона и Адриана, восторгается скульптурными композициями. Не является ли это, как часто писали, свидетельством абсолютного религиозного равнодушия и признаком духовной близости некоему античному пантеизму? Конечно же нет... А совершенно невежественный и даже антихристианский тезис о Возрождении целым поколением серьезных ученых-историков был не только уточнен, но и полностью отброшен. Папы, князья, воины, отъявленные интриганы — все они люди верующие. Их благоговение перед древними памятниками и интерес к ним возвращает их и весь народ Рима к христианскому прошлому города, к первым епископам и мученикам, равно как и к консулам и императорам. Они постоянно освящают новые церкви и даже в ущерб некоторым «республиканским» и «имперским» сооружениям возводят монастыри. Всем известно, как почитаются первые базилики, свидетели славных былых времен, но славных благочестием и жертвенностью. Потребовалось не только немало средств, но и большое упорство, чтобы сломить сопротивление, прежде чем разрушить часть (только часть!) Константиновой базилики святого Петра. Оправдани-

ем этих работ стала крайняя необходимость, невероятный наплыв паломников и юбилейные праздники. Все другие базилики остаются на своих местах в нетронутом виде, а бронзовая *pigna*, это простое украшение, отныне открытое для всеобщего обозрения, выставлена во дворе Бельведера в окружении античных статуй героев.

Сквозь призму времени Древний Рим воспринимается как город мучеников и исповедников. Именно в период Кватроченто при папах-гуманистах были обнаружены и даже внесены в реестр несколько крупных катакомб, ставших своеобразными символами прошлого... наравне с прекрасными памятниками античности. Вдохновившись примером древнего города и следуя старым традициям, Помпейо Лето, лично возглавивший «римское» интеллектуальное и политическое движение и, как известно, даже дошедший до того, чтобы организовать «республиканский» заговор, составляет первый список этих находок, описывает основные группы катакомб и пытается их датировать.

Как во всем христианском мире, но здесь, конечно, в особой степени, культ реликвий, рассказы о гонениях, обращениях, исповедании веры и чудесах, предания о святых мучениках, принявших смерть на арене цирка, и торжестве веры во времена правления Константина тесно связывают прошлое с настоящим. Рим видит себя основным наследником великих событий истории христианства. Он вспоминает и возвеличивает труды и деяния первых епископов, выставляет и почитает множество реликвий.

В большей степени, чем любой другой город, Рим чувствует божественное покровительство и желает пребывать в руце Божьей. Его слава дана ему в награду за кровь мучеников. А обрушивающиеся на город бедствия воспринимаются как кара небесная. Подобное отношение выработалось у жителей города к эпидемиям, вражеским нашествиям, грабежам и разорениям. Статуя архангела Михаила (были изваяния из мрамора, а также дерева и бронзы), вкладывающего меч в ножны, после страшной чумы, свирепствовавшей во

времена правления Григория Великого, являет собой пример этой зависимости. Для народа эта статуя всегда олицетворяла все надежды. Во время гражданских войн и еще раз в 1379 году она была разрушена, но после схизмы, при Николае V, — восстановлена и выставлена для всеобщего обозрения. В 1479 году в результате взрыва порохового склада она опять была разрушена, однако папы совсем не торопились заменить ее на другую. Разграбление Рима, произошедшее в 1527 году, было воспринято как проявление божьего гнева, как справедливое наказание за дурные поступки, непозволительную роскошь, гордыню и недостойное поведение. Вскоре после этого события Климент VII задумывает осуществить гораздо более грандиозный проект, исполненный глубокого смысла: статуя архангела, одолевающего семь смертных грехов, должна была олицетворять триумф папы над варварами и силами зла. Правда, первоначальный замысел оказался слишком сложным для воплощения, и поэтому вскоре от него пришлось отказаться, остановившись на изображении одной фигуры архангела¹⁷

В путеводителях для паломников, предлагаемых вниманию иностранцев, рассказывается обо всех великих деяниях времен Древнего Рима, перечисляются как сохранившиеся произведения искусства, являющиеся предметом гордости римлян, так и свидетельства, относящиеся к эпохе раннего христианства. В этих небольших трудах, так называемых *mirabilia*, указываются все святыни, базилики, могилы мучеников, подробно рассказывается обо всех этапах паломничества, перечисляются все святые места (в общей сложности их было около сорока), которые необходимо посетить, чтобы получить отпущение грехов. Существуют также *mirabilia*, имеющие политическую и светскую направленность, в которых упоминается все, что потрясает человеческое воображение прекрасными формами и оригинальностью. К подобным творениям относится обелиск Цезаря, возвышающийся на территории Ватикана, статуи укротителей коней на Квиринале, конная статуя Марка Аврелия, расположенная неподалеку от церкви святого Иоанна в Лате-

ране. В *mirabilia* также рассказывается о чудотворном плато Вероники и близнецах Ромуле и Реме, вскормленных волчицей. Одной из излюбленных тем художников является крещение Константина. Так, именем Константина называли зал, расписанный Рафаэлем.

Писатели, и самые маститые среди них, те, кто постоянно воспевают славу Древнего Рима и пытается порой отождествлять себя с этой исчезнувшей цивилизацией (о которой они горько сожалеют), проявляют живой интерес и почтение к первым памятникам христианства, относящимся к временам мучеников, катакомб и возведения крупных базилик. Древние руины вдохновляют их, и они составляют толстые каталоги, в которых подробно перечисляются все эти памятники. Так, Флавио Бьондо, уроженец Форли (умер в 1463 году), свой труд, долгое время считавшийся «классическим» и называвшийся «*Roma instaurata*», посвящает Евгению IV. Примерно в то же время или, может, чуть позже Маффео Веджио (умер в 1458 году) целый том своих сочинений посвящает детальному описанию первой базилики святого Петра. Или еще, например, одним доказательством того, что эта традиция продолжается и крепнет и что интерес к римским находкам перерастает рамки одного города, становится большой труд Дезидерио Спрети, написанный им в 1489 году и озаглавленный «*De Amplitudine, vastatione et instauratione civitatis Ravennae*». В нем перечисляются и прославляются все христианские памятники Равенны.

Во всяком случае, римское Кватроченто, время расцвета гуманизма и деятельности, направленной на сохранение, коллекционирование, почитание, а позже и подражание античным памятникам, ни в коем случае не отрицает ни христианского прошлого Рима, ни его высокого духовного начала.

Художники и меценаты

В течение долгого времени во многих сочинениях, посвященных истории литературы и искусства этой эпохи, на первом месте всегда стояли города-коммуны,

знаменитые «торговые республики», расположенные в центральной и северной части Италии, а придворные города и в особенности папский двор просто оставались в тени, если не сказать в забвении. Что это, незнание документов? Или некое преднамеренное замалчивание? Многие авторы хотели показать, что литература и искусства могли расцвести только в буржуазных, республиканских рамках, в обстановке политической демократии, одним словом, свободы. И не по указке тиранов. В большинстве случаев все якобы получалось само собой. Мы неоднократно читали такие публикации, и в итоге достаточно привести пример одной лишь Флоренции, чтобы нарисовать полную картину подобного расцвета.

Однако следует признать, что литературное и художественное творчество расцветает в придворных городах, в княжеском окружении так же, если не пышнее, чем в торговых коммунах, консульских, деловых, финансовых и буржуазных кругах. И конечно же в большей степени в Риме, чем при светских дворах, в городах Северной Италии, которые тоже не менее знамениты.

Сохранилось множество документов, и поэтому можно легко, до мельчайших подробностей изучить этот яркий художественный очаг, эту непрерывную кузницу произведений искусства. И это можно сделать главным образом благодаря многочисленным папским бухгалтерским книгам, которые извлек на свет божий и частично изучил Евгений Мюнтц. В них подробно перечислены все заказы, сделанные архитекторам, художникам, ювелирам, записаны все выданные им дары и вознаграждения. Этот неисчерпаемый источник документации первостепенного значения прекрасно отражает природу, особенности и влияние того явления, которое принято называть папским меценатством.

Таким образом, четко вырисовываются социальные условия, в которых художники жили в то время в Риме, их место в профессиональной иерархии, образ жизни и особенности их работы. Меценатство — это не только вложение денег и материальная помощь, а скорее, дело поддержания репутации, престижа. Случается, что человека, способного обратить на себя внимание папы

и пользующегося его милостью, очень быстро окружают вниманием и заботой. Сохранившиеся счета, различные свидетельства, жизнеописания художников и в еще большей мере их собственные мемуары свидетельствуют о том, что материальное положение людей искусства оставляло желать лучшего. По сравнению с другими их жалованье было небольшим, во всяком случае, гораздо ниже того, что получали при дворе поэты, ученые разных мастей и даже врачи. Если не принимать во внимание денежные награды, возмещение расходов, различные подарки в виде дорогой ткани или предметов одежды, положение живописца или ювелира почти всегда кажется довольно непрочным. Покровительство понтифика не слишком-то защищает его от всевозможных неприятностей и не помогает в случае долгого отсутствия заказов. Так что у художников нет ни постоянной работы, ни уверенности в завтрашнем дне. Чаще всего им платят сдельно или поденно... причем с большими задержками и непростительными проволочками, они вынуждены терпеливо ждать, иногда осторожно напоминая о долге, чтобы не выглядеть отъявленными наглецами.

В книге «Жизнь Бенвенуто Челлини», написанной им самим, автор отводит много места описанию подобного рода практики, рассказывает о всевозможных ухищрениях, действительно отчаянном положении людей искусства. Художник нередко вынужден заискивать перед придворными советниками, он пытается вызвать к себе расположение, отеснить конкурентов, имеющих высоких покровителей, пустить в ход любые средства, дабы испортить их репутацию. Он прикладывает максимум усилий для того, чтобы только его работы были оценены, а чужие не замечены, старается защититься от клеветнических нападок и несправедливых обвинений. Для всех творческих людей двор является местом сосредоточения интриг, и колесо фортуны может для них повернуться мгновенно, бросив их в пучину забвения. Надо уметь постоянно нравиться...¹⁸

Основываясь на свидетельствах, приведенных в книге, мы также понимаем, что художник, пусть даже с

именем, не ограничивается серьезной и почетной работой, той, которая считается чисто «художественной», он берется практически за все, по возможности консультирует, соглашается выполнить работу, которую в наше время сочли бы незначительной, неинтересной или очень мелкой. Даже для простых каменотесных или плотничных работ служители апостольской палаты и папской казны обращаются к архитекторам. Случается, что скульпторов, славящихся тонким мастерством и незаурядным воображением, нанимают лишь для того, чтобы изготовить пушечные ядра. В Риме в тот момент, когда над городом нависает угроза захвата со стороны германских ландскнехтов, Челлини отвечает за поддержание в боевом порядке и размещение всех артиллерийских орудий. Он пишет, что забота о защите замка Святого Ангела лежала на его плечах. Он сам вытесывает ядра, производит точные расчеты.

Аналогичная ситуация сложилась у художников, для которых работа над фресками и другими крупными композициями составляла только часть их деятельности и заказов. Их руками украшаются балдахины, хоругви, флаги — предметы, занимающие основное место во время праздничных религиозных процессий. Это, как говорится, прикладное искусство, считающееся ненадежным временным занятием, которым тем не менее увлекаются уже известные талантливые люди. Во времена правления Николая V Джованни д'Удине получает заказ придумать и изобразить на флагах папской гвардии лики святых (и... гротески). Росписью хоругвей занимается Бенедетто Буонфильди. Все художники работают над образками и тысячами продают их паломникам. Для празднования юбилейного 1450 года они приготовили большое количество превосходных «*reptori di volti santi*»¹⁹.

Большинство мастеров окружают себя приказчиками, подмастерьями, а чаще учениками; в основном это юноши, пробующие себя в ремесле, помогающие мэтру, который доверяет им самую простую работу, заставляет их срисовывать или копировать его собственные модели. Живописец придумывает и творит, он намечает основные линии, лица, а своим ученикам поручает,

прорисовку одежд и второстепенных деталей картин. Скульптор создает основу, или отливку, или восковую форму... Таким образом, как и повсюду в те времена, папский двор старается не замыкаться в своем узком кругу, этом своеобразном артистическом гетто, он способствует расцвету и распространению по всему городу художественных мастерских. Сами художники работают там же, в непосредственном окружении соседей, хорошо вписываясь в городское общество. Это позволяет им прекрасно ощущать ритм жизни города с его ежедневными заботами и тревогами. Ко двору же они являются только для того, чтобы получить заказ, чтобы иметь возможность показать свои работы... и получить за них гонорар. Таким образом, это высочайшее меценатство способствует укреплению связей между двором и городом.

Для реализации крупных проектов и проведения архитектурных работ, а также работ в области градостроительства папа нанимает настоящих деловых людей, отвечающих за строительство в целом или за несколько проектов одновременно. Писатели-гуманисты и историки охотно рассказывают об этих замечательных начинаниях, которые несомненно напоминают им столь же грандиозные замыслы, но только относящиеся к римской истории и даже временам иудейских царей. Например, Лео Баттиста Альберти и в еще большей степени Филарете создают фундаментальные труды, в которых излагают свои идеи по организации работ, найму художников и их подмастерьев и распределению обязанностей между ними. Для возведения Sforziada, идеального города, который должен был построить герцог Миланский, Филарете делает свои расчеты... и предлагает нанять ни много ни мало сто три тысячи двести рабочих разных специальностей, которые работали бы бригадами!²⁰

Но это лишь мечты, теоретические построения... Однако в Риме Николай V обсуждает вопрос о создании новой кафедры в соборе святого Петра и части городской стены с руководителем строительных работ Бельтрано ди Мартино, приехавшим из Варезе, откуда

родом все знаменитые каменщики, — владельцем собственных кирпичных заводов, печей для обжига извести, набравшим целую армию помощников.

Для всех, от ювелира до строителя, заказ понтифика и поставки ко двору являются условием для начала блестящей карьеры. Художник, на которого пал выбор, признается человеком большого таланта. И хотя его материальное положение не улучшается (а в большинстве случаев так и происходит), он становится знаменитым, почитаемым, его окружает ореол славы. Он становится модным мастером, который может выдвигать более высокие требования и услуг которого добиваются все. Вот он уже и эксперт, к мнению которого прислушиваются, высказывающий свою точку зрения, навязывающий свои вкусы и новые взгляды, говорящий на равных с сильными мира сего, с самим верховным понтификом, принятый в круг его приближенных, пользующийся, а порой и злоупотребляющий высочайшим покровительством. Почитаемый, находящийся вне критики, такой художник является порождением этого меценатства, этого двора и этой благосклонности.

В Риме больше, чем в других городах, чтобы понравиться своему благодетелю, надо прославлять его, и это к тому же является хорошим тоном. Восхищаться его замыслами — значит, укреплять репутацию своего господина и одобрять его выбор. Придворные писатели прославляют художников и скульпторов так же, как послушная администрация и беспристрастное правосудие в подобном случае прославляли бы военные подвиги и ратный труд завоевателей. Самые знаменитые из их произведений писатели охотно сравнивают с творениями мастеров Древней Греции, среди которых называют имена Праксителя, Фидия и Скопаса. Со временем так же, как о великих людях, народных трибунах, советниках и императорах, стали писать и их биографии. Таким образом, жизнеописания художников становятся в один ряд с биографиями знаменитых людей. С 1450 года Тацио включает в свой труд под назва-

нием «De viris illustribus» сведения о некоторых художниках его времени. Затем о них пишет Манетти, потом Филельфо и, наконец, выходит знаменитая книга «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» (1542—1550) флорентийца Джорджо Вазари (1511—1574).

Является ли Рим местом встречи художников? Разумеется, но в еще большей мере этот город является своего рода горнилом, школой, где постепенно раскрываются новые таланты, рождаются громкие имена и создается самобытная «римская» школа, способная помериться силами с любой другой и выйти из этого соревнования победительницей.

Эволюция хорошо прослеживается. После схизмы первые папы должны были начинать буквально на пустом месте. Как правило, они приглашают людей со стороны, главным образом из Тосканы. Они берут к себе на службу крепко стоящих на ногах, нередко даже знаменитых художников, которые приезжают, чтобы выполнить какую-нибудь конкретную работу или даже один-единственный заказ, и которые долго не задерживаются в городе. Мимолетное пребывание, престижные показательные дела... Для росписи фресок в базилике Санта-Мария Маджоре Мартин V приглашает Джентиле де Фабриано, Пизанелло и Мазаччо. Евгений IV обращается с аналогичной просьбой к Фра Анджелико. Перед Антонио Филарете была поставлена задача скопировать для Ватиканского дворца двери, сделанные Джиберти для флорентийского баптистерия, сосредоточив основные сюжеты на теме объединения Греческой церкви с Латинской, теме, которая так занимала в то время папу. Для некоторых поездки в Рим становятся образом жизни, иногда необходимостью. Так, в 1432 году Донателло получает несколько заказов, однако произошедшие в городе волнения приводят его в замешательство и он исчезает²¹.

При Николае V, большом новаторе во всех этих областях, политика меняется. Конечно, папа вновь обращается к известным мастерам, чтобы украсить новые залы

дворца в Ватикане. Речь идет о Пьетро делла Франческа, Фра Анджелико (правда, на летние месяцы он уезжает расписывать собор в Орвието), Андреа дель Кастаньо, также уроженце Флоренции, и о двух мастерах умбрийской школы — уроженцах Перуджи и Фолиньо. В то же время он все чаще окружает себя людьми, не обладающими столь громкими именами. При нем состоит доминиканский монах, он же скульптор, Антонио ди Микеле. Этот уроженец Витербо уже работал при дворе во времена Евгения IV. Над Ватиканским дворцом работают архитекторы, чьи имена пока не столь известны: флорентийцы Бернардо Росселино и Антонио ди Франческо. Поначалу они назвались «*ingegnere di palazzo*», а потом «*capo maestro de la fabrica di palazzo*».

Главное, что становится все больше и больше римских художников, получивших образование на месте. Это — художники, работающие над крупными декоративными композициями, скульпторы по камню и бронзе. Другим новшеством, свидетельствующим о желании превратить в Рим в главный художественный центр, является стремление папы собрать у себя всевозможные предметы искусства, а также его распоряжения относительно того, чтобы со всех концов страны ему привозили предметы, которые могли бы послужить образцом для создания будущих творений. По всей Италии, в Сиене, Флоренции и Венеции, он делает заказы на драгоценности, золотую и серебряную посуду, на огромное количество чаш и кубков, преимущественно в самом роскошном исполнении, на застежки и переплеты для своих бесценных манускриптов. Он покровительствует знаменитому ювелиру Симону ди Джованни ди Ференце, в прошлом личному поставщику Евгения IV, и устраивает его в Риме на должность контролера мер и весов. Николай V, этот искушенный коллекционер, интересующийся всеми видами искусств, распространенными за границей, закладывает основы необыкновенной ватиканской коллекции гобеленов и превращает Рим в один из самых крупных западных рынков по торговле гобеленами. Он сделал заказ на выполнение серии гобеленов, в частности на тему «История святого Петра», Жаку Аррасскому, французскому художнику, обосно-

вавшемуся в Сиене. Он даже организовал в Ватиканском дворце мастерскую, под руководством Рено де Менкура, которому двор обязан великолепным полотном «Сотворение мира», украшенным гербами Николая V и Каллиста III, работали многие французские мастера.

Идея создания крупных коллекций и мода на них действительно относятся к этому периоду, и еще лет за двадцать до создания Ватиканской библиотеки Сикстом IV именно меценатство способствовало возникновению музеев Рима и Ватикана.

В дальнейшем, при других папах, независимо от обстоятельств и планов римский двор славится не только тем, что привлекает известных людей, но также тем, что создает собственные таланты²².

При Каллисте III архитекторы съезжаются буквально отовсюду: из Флоренции прибывает Франческо ди Джованни ди Франческо, по прозвищу Франчионе, начинавший с возведения в своем родном городе хоров в церкви Благовещения, а также едут мастера из Анконы, Фабриано и Болоньи. При Пии II из разных, порой самых скромных уголков, в Рим приезжают и обосновываются там столько художников, что их количество не поддается определению. Пребывание в Риме приносит им широкую известность, накладывая на всю их жизнь особый отпечаток. Иногда их даже награждают прозвищами. Так случилось со скульптором, известным как Паоло Романо. Будучи любимым художником папы, он получает заказ на выполнение больших скульптурных групп, соответствующих самым грандиозным монументальным творениям. Речь идет о создании статуи святого Петра при въезде на мост Святого Ангела, а также пьедесталов для скульптур святого Петра и святого Павла на лестнице собора святого Петра. Романо пользовался добрым именем, так называемой *fama*, своего хозяина и покровителя. В 1462 году он изготавливает из дерева и воска два чучела, изображающих заклятого врага папы Симона Малатесту, которые были сожжены на городской площади. Когда к нему приходит широкая известность, он получает заказы на статуи для гробниц кардиналов и князей. В 1460 году «Римлянин» едет в Неаполь и работает там над скульптурами

для триумфальной арки, прославляющей победу арагонской династии над анжуйской.

Некоторые художники приезжают из небольших городов, малозначимых художественных, ремесленных центров. Не сумев заявить о себе там, они добиваются настоящего признания и славы при папском дворе. Главных каменщиков, так называемых *muratori*, работающих в ватиканских базилике и дворце, набирали, конечно, в Ломбардии, Милане, но также и в Комо и Лугано. Рядом со скульптором Паоло Романо работает другой резчик по камню, уже замеченный Николаем V Мино да Фьезоле. Он трудится над барельефами кафедры собора святого Петра, утверждаясь тем самым в качестве мастера, затем, окрыленный собственными успехами, обосновывается во Флоренции. Многие удачливые скульпторы были выходцами из Центральной Италии, нередко из местечек, соседствующих с той же Флоренцией: трое или четверо из Фьезоле, приехавший намного позже, но также работавший над кафедрой базилики святого Петра Пагано д'Антонио ди Берто — из Сеттиньяно. Имя последнего продолжало греметь и после кончины папы Пикколомини. В 1467 году при Павле II он работал во дворце святого Марка, а в 1479 году в конце концов оседает во Флоренции и возглавляет группу скульпторов, выполняющих работы для кафедрального собора.

За какие-нибудь полвека движение повернулось вспять: теперь тосканцы учатся в Риме, где приобретают необходимую технику, солидную репутацию, и устраиваются в столице при папском дворе. Добившись довольно широкой известности, они вольны вернуться обратно в Тоскану или во Флоренцию и, уже имея громкое имя, могут позволить себе обзавестись собственным делом.

Другим учеником и соратником признанного руководителя школы Паоло Романо был также Исай ди Пиппо из Пизы. В Риме он был известен уже давно, ведь именно он высекал надгробие для могилы Евгения IV. Ему поручают создание конных статуй Нерона и Помпея, обработку мраморов для ложи благословений, расположенной с фасада собора святого Петра. Вместе с

Романо он работает над большой дарохранительницей святого Андрея. Другие художники приезжают из Северной Италии, из Варезе и даже Вероны, находящейся в сфере влияния венецианцев, чтобы учиться или совершенствовать свое мастерство в Риме.

В течение полувека, последовавшего за схизмой, по инициативе папского двора предпринимаются самые грандиозные во всей Западной Европе работы практически во всех областях. Это работы по благоустройству города, строительство новых дворцов, создание монументальных настенных композиций, фресок на религиозные и светские сюжеты, оборудование скульптурных мастерских для вытесывания фигур из мрамора, надгробий и склепов, украшений для фасадов, окон, галерей, церковных кафедр для чтения проповедей, а также небольших мастерских для художников, миниатюристов, ювелиров и даже изготовителей гобеленов. В каком-то безумном стремлении к новому, в поиске великолепных ансамблей и потрясающих декоров ни в каком другом городе не было создано столько прекрасных творений, как в Риме. Нигде не было реставрировано и сооружено такое количество базилик и красивых домов. На протяжении всего этого времени потребность в заказах остается высокой, а при постоянном созерцании произведений античного прошлого темы для вдохновения — поистине неисчерпаемы. Покровители-меценаты соперничают друг с другом, пытаясь перехватить инициативу: им хочется войти в историю благодаря работам своих художников. И даже папы ничем не отличаются от них, им всем хочется увековечить свои имена.

Поэтому к 1470 году благодаря возвращению пап и благодаря папскому двору Рим превратился в крупнейший очаг художественного творчества всей Европы. Все, кто хотят проявить себя, жаждут признания, непременно должны приехать в Вечный город поучиться и постараться заявить о себе. Этот культурный очаг, получивший развитие всего лишь с 1420 года, не

знал постепенного развития, присущего подобным центрам искусства Сиены, Флоренции и даже Венеции. У Рима нет столь чудесного прошлого. Напротив, он развивался необычайно бурно, в обстановке вечного соперничества и политической нестабильности. Этим небывалым расцветом город несомненно обязан двору понтифика, дворам высших духовных лиц, кардиналов, их близких, сторонников и союзников, а также их банкиров, кредиторов и поставщиков.

В силу обстоятельств, с помощью протекции, дружеских связей приход нового папы, вызывает приток иностранных художников, готовых ему служить. Еще Каллист III, один из самых скромных и сдержанных среди пап, призвал к себе большое число «каталонцев», чтобы сделать им заказ на изготовление предметов искусства. Так, ювелир Педро должен был выполнить цепь из золота, Антонио из Лас Челлас — золотую розу (1458), Антонио Перес из Сарагосы — почетную шпагу, художник Сальвадор из Валенсии был приглашен на строительство собора святого Петра. «Римляне чувствовали себя ущемленными и отстраненными от дел и испытывали серьезную досаду, что приводило к ежедневным кровавым ссорам»²³. А гораздо позднее, при папах Медичи, появляются флорентийцы, которые начинают устраиваться в квартале, где обосновалось множество банков, а после чумы, обрушившейся на Рим в 1524 году, объединяются в веселое сообщество, основанное «самым жизнерадостным и самым верным товарищем на свете» скульптором Микеланджело, выходцем из Сиены. «Лучшие художники, скульпторы и ювелиры, какие только были в Риме», среди которых два ученика Рафаэля — Джулио Романо и Джанфранческо, — очень часто, по крайней мере дважды в неделю, собирались вместе, оказывали друг другу помощь и защищали от завистников²⁴.

Зачастую выполняющий роль политического убежища, в котором укрываются те, кто бежит от строгости правосудия у себя на родине, а также те, кто недоволен своими правителями и кого кормили лишь пустыми обещаниями, Рим, вне всякого сомнения, в первую очередь город, в котором можно научиться на-

стоящему ремеслу. В многочисленных мастерских ученики следуют советам именитых мастеров, черпая вдохновение в выставленных повсюду великих произведениях. И конечно, не только множество сохранившихся древних развалин и руин, барельефов и статуй, не только богатые коллекции папы и кардиналов привлекают всеобщее внимание и создают славу городу, но и различные удивительные изобретения, небывалое мастерство видных художников, вкус меценатов и их настойчивое стремление к соперничеству. Помимо этого, разумеется, нельзя забывать о присутствии в городе знаменитых иностранных мастеров.

Приехав в город молодым музыкантом, хорошо игравшим на флейте (этому искусству обучил его отец), Бенвенуто Челлини поначалу обучается у сына ювелира Санти, который слыл «необычайно способным и прекрасно рисующим человеком». Его учат делать серебряную посуду, вазы и чаши, а вскоре он уже получает заказ на выполнение подсвечников для епископа Саламанки Франсиско де Кабрера. Затем, перенимая мастерство у других ювелиров, приобщается к более тонкой работе. Он изготавливает небольшие медали, делает гравировку отличительных знаков у одного миланца («самого крупного мастера в этой области»), а также заготовки для чеканки монет и выполняет предварительную работу для изготовления эмалей. «Я с огромным рвением бросился учиться всем этим разнообразным профессиям». Вскоре его начинают замечать. Первой была жена Сиджизмондо Киджи, Монна Порция, заказавшая ему лилию из золота, украшенную бриллиантами («она сказала мне, что для ювелира я рисую слишком хорошо!»), потом во множестве последовали новые предложения от того же епископа Саламанки, кардинала Чибо и «многих других кардиналов». Так продолжалось до тех пор, пока Челлини не открыл свою собственную мастерскую («и показал миру, на что я способен!»)²⁵. Наконец, он получает известность и уже может быть представлен папе...

В течение первых лет XVI века продолжается еще более впечатляющее преобразование города, его дворцов и церквей. Эти работы выполнялись столь велики-

ми мастерами, что, кажется, только одни они могли бы стать олицетворением этой прекрасной эпохи. С этими именами, свято хранящимися в человеческой памяти, мы связываем один из самых ярких периодов нашей истории.

Родившийся в Урбино в 1483 году Рафаэль Санти берет первые уроки у своего отца Джованни, затем учится у Перуджино в Перудже, потом во Флоренции, черпая вдохновение в произведениях Леонардо да Винчи. В 1508 году он приезжает в Рим, как говорят, по просьбе Юлия II, но на самом деле, видимо, по рекомендации целой группы соотечественников из Урбино, которые до него проделали свой путь ко двору. Это в первую очередь архитектор Донато Браманте, художник Бембо, а также Бибиена и Лодовико ди Каносса. Приехал в город он сразу, оставив во Флоренции незавершенной картину «Прекрасная садовница». Ему поручили надзор за древними памятниками и составление описей, но, главное, вместе с уже известными художниками (Лука Синьорелли, Пинтуриккьо, Содома и Перуджино) он должен был оформлять залы Ватиканского дворца, где с нетерпением стремился обосноваться папа. Лично ему было поручено создать фрески в четырех комнатах (так называемых *stanze*) неправильной формы, с плохим освещением и неудачно расположенными дверьми и окнами. Он так великолепно выполнил эту роспись, что остальные художники уступают ему свою часть работы; он же, став новым мэтром, окружает себя небольшой группой учеников и подмастерьев, которым поручает кое-какую второстепенную работу.

К моменту кончины папы Юлия II (1513) эта работа еще не была закончена. Рафаэль не раздумывая остается в Риме, где и живет вплоть до своей смерти (1520), пользуясь постоянной благосклонностью папы Льва X Медичи, снискав единодушное признание и славу. В росписи четырех *stanze*, отмеченной особым вдохновением мастера, в образах которой столько авторов тщетно пытались угадать портретное сходство с папами, кардиналами или другими знаменитыми личностями, в поучительных целях соединены разные ал-

легории, богословские символы, античные воспоминания, батальные сцены и победы поборников христианства над своими врагами. В самой роскошной stanza под названием «Зал подписей», законченной только в 1511 году, находятся фрески: «Богословие» (эта сцена также называется «Диспут о святом причастии»), «Афинская школа» или «Философия», «Парнас» и «Правосудие». В том же зале в четырех углах под потолком также размещены: «Соломонов суд», «Первородный грех», «Астрономия», «Марсий и Аполлон». Работа над тремя другими залами была начата только после кончины Юлия II, причем два зала были закончены уже после смерти художника: своды одного расписывал Перуджино, другого — Джулио Романо.

Востребованный всеми, Рафаэль в то же самое время берется за написание и других фресок, в частности для виллы Фарнезина («Галатей»), работает над картонами к серии из десяти шпалер, названной «Деяния святых апостолов». Однако ярче всего его талант проявляется в станковой живописи. В основном это его знаменитые изображения Богоматери («Мадонна на стуле», так называемая «Мадонна святого Сикста») и портреты: Бальдассаре Кастильоне, Льва X, Ипполита д'Эсте. Будучи также известным архитектором, он получает множество заказов, рисует планы и следит за строительством капеллы Киджи церкви Санта-Мария дель Пополо и восхитительной маленькой церкви Сант-Элиджо дельи Орефичи. Рафаэль оставил после себя очень много рисунков, которые так и не успел полностью воплотить в жизнь. Например, эскизы величественного и роскошного фасада для дворца Бранконио делл'Аквила, виллы Мадама в Риме и дворца Пандольфини во Флоренции²⁶.

Обеспеченная жизнь, полная согласия со своими коллегами, товарищами и покровителями, и, казалось бы, легкая карьера...

В это время тучи сгущались над Микеланджело, другим фаворитом Юлия II, человеком, которого строгое перо Челлини сравнивало со сверхчеловеком по размаху его таланта: разногласия, катастрофическая нехватка денег, соперничество, крупные ссоры, недолгие примирения...

Тосканец Микеланджело Буонарроти, родившийся в 1475 году недалеко от Ареццо, впервые прибывает в Рим в 1497 году («Пьета» в соборе святого Петра) и вновь возвращается туда в 1505 году, также по просьбе папы, который поручает ему выполнение надгробия в базилике святого Петра, обещая за это десять тысяч дукатов. Тогда думали, что работа продлится пять лет... Но дело двигалось крайне медленно! Около года Микеланджело пробыл в Карраре, где подбирал мрамор, потом следил за погрузкой, затем, доставив его в Рим, предъявил взору Юлия II, который одобрил его выбор.

Тем не менее с начала 1506 года ветер переменился. При дворе царствует архитектор Донато Браманте (1444—1514), выступающий в качестве эксперта по всем вопросам. Несмотря на сильную оппозицию, целую серию острых памфлетов, этот мастер интриги все-таки добивается решения о проведении реконструкции собора святого Петра в соответствии с новым планом. Теперь никто не может сказать, где будет размещено надгробие, очертания которого только стали вырисовываться. Микеланджело отказывают в возмещении расходов на вторую партию мрамора; двери в покои папы для него закрываются. Разгневанный, он покидает город, разорвав все свои знакомства. Папская стража, незамедлительно брошенная вслед за ним, настигает его, но слишком поздно — в Поджибонси, на сиенской территории.

В ноябре 1506 года после торжественного въезда во вновь завоеванный и покоренный город два человека встречаются в Болонье. Прекрасная возможность получить престижный заказ. И, смирившись, с «петлей, затянутой на шее», Микеланджело поневоле дает свое согласие (он говорит, что предпочел бы «отправиться в Стамбул!»). Свидание было грозным: дело дошло до того, что папа чуть было не ударил «своим святейшим посохом» художника... их даже пришлось разнимать. В конечном счете заказ был сделан, а после шестнадцати месяцев работы, в конце февраля 1508 года Микеланджело представляет бронзовую скульптуру папы Юлия II, изображенного сидящим, с высоко поднятой правой рукой — в движении, похожем скорее на угрозу, чем на

благословение. За этот труд ему заплатили пятьсот дукатов вместо тысячи, которую он просил.

После короткого пребывания во Флоренции он вновь обосновывается в Риме, горя желанием продолжить работу над скульптурными группами для надгробия... Ему поручают расписать потолок Сикстинской капеллы. Он принимается за эту работу с поразительным рвением (однажды он едва не упал с неудобных лесов, придуманных Браманте, соперником, которого он ненавидел). На создание фресок для Сикстинской капеллы: «Сотворение мира», «Потоп», «Страшный суд», фигур пророков и сивилл у него ушло больше четырех лет упорного труда, причем художник зачастую творил в тяжелых, даже ужасных условиях. Юлий II денег ему не платил, а если и платил, то очень мало, иногда он поощрял живописца, ободрял его, но случалось, что жаловался на его медлительность, сетуя на то, что дело стоит на месте, и даже угрожая скинуть его с лесов. На проходящих мимо кардиналов постоянно сыпалась пыль, а однажды в дурной час обломились несколько досок, задев плечо папы. Больной, ослабевший, порой уже плохо видящий художник нередко впадал в отчаяние, сомневаясь в себе самом: «Я достиг бы большего, торгуя спичками!» В итоге прекрасная работа была, наконец, завершена. В последний день октября 1512 года состоялось торжественное открытие. На следующий день в капеллу набилось столько народу, что яблоку негде было упасть²⁷

Деяния Юлия II могут служить достойным примером. Этот глава государства слыл жестким администратором, ловким дипломатом, был полководцем по званию. Он не отличался особой склонностью ни к литературе, ни к искусству. И тем не менее двор и город гордились целой плеядой людей, прославившихся благодаря своим знаниям или таланту. Его время ни в чем не уступает прочим эпохам, отмеченным деятельностью других крупных меценатов. Люди приезжают в Рим со всех сторон, повсюду в городе разворачивается массовое строительство. Ссоры с Микеланджело, про-

блемы с деньгами и сроками выполнения заказов на самом деле свидетельствуют об активной роли понтифика и его постоянном интересе к художникам, а также о соперничестве между отдельными людьми и целыми кланами за то, чтобы снискать и сохранить его благосклонность.

Еще раз надо отметить, что в эти годы, примерно с 1470-го по 1510-й и вплоть до разграбления Рима в 1527 году, Рим затмевает все известные города. Находясь под постоянным надзором со стороны пап, после работ по градостроительству и благоустройству, проводимых в течение полувека, город словно возрождается из пепла. Об этом постоянно говорят правители, и народ их поддерживает. Путешественники, паломники, заезжие художники, проповедники и послы по всему свету разносят слух о его славе.

«У кого хватило бы красноречия и умения, чтобы рассказать или описать блестящие деяния и невероятные многочисленные подвиги римлян? Вергилий говорил, что из всех городов мира один Рим поднимал голову, словно кипарис среди кустов калины. Но — о горе! — на месте, где торжествовал Рим, там, где простиралась его необъятная империя, там, где действовало его правительство и где торжествовало правосудие, поощряющее добродетели и борющееся с пороками, там, где люди были когда-то добрыми, искренними и мудрыми, вся сила морали, вся порядочность, вся праведная и честная жизнь исчезли, и все погибло. Под ударами судьбы Рим, этот город, бывший некогдаладыкой мира, погиб, превратившись в поле руин. Сколько величественных и жалких обломков, сколько разрушенных зданий, предметов, достойных удивления и сожаления! Но святость места сего и пребывание здесь святого Петра сделали город знаменитым, блистательным и достойным еще более великой славы, чем в былые времена!»²⁸

ХРОНОЛОГИЯ ПАПСКОГО ПРАВЛЕНИЯ

МАРТИН V (11 ноября 1417 — 20 февраля 1431). Оддоне Колонна. Римлянин. Кардинал де Сан-Джорджо ин Велабро.

ЕВГЕНИЙ IV (3 марта 1431 — 23 февраля 1447). Габриеле Кондулмер, родился в 1383 году. Венецианец. Августинский монах. Епископ Сиены в 1407 году. Кардинал в 1408 году.

НИКОЛАЙ V (4 марта 1447 — 24 марта 1455). Томмазо Парентучелли. Родился в Пизе в 1398 году, сын цирюльника-хирурга. Епископ Болоньи в 1444 году. Кардинал в 1446 году.

КАЛЛИСТ III (8 апреля 1455 — 6 августа 1458). Алонсо Борджиа. Родился в Хавите, Испания, в 1378 году. Епископ Валенсии в 1429 году. Кардинал в 1444 году.

ПИЙ II (19 августа 1458 — 14 августа 1464). Энеа Сильвио Пикколомини. Родился в Корсиньяно близ Сиены 14 октября 1405 года. Дьякон в 1447 году. Епископ Триеста в 1447 году. Епископ Сиены в 1450 году. Кардинал в 1456 году.

ПАВЕЛ II (30 августа 1464 — 26 июля 1471). Пьетро Барбо. Венецианец, родился в 1418 году. Кардинал Сан-Марко в 1440 году.

СИКСТ IV (9 августа 1471 — 12 августа 1484). Франческо делла Ровере. Родился в Челе-Лигуре недалеко от Савоны в 1414 году. Францисканец, генерал ордена в 1464 году. Кардинал Сан-Пьетро ин Винколи в 1467 году.

ИННОКЕНТИЙ VIII (29 августа 1484 — 25 июля 1492). Джамбаттиста Чибо. Родился в Генуе в 1432 году. Епископ Мальфетты в 1472 году. Кардинал в 1473 году.

АЛЕКСАНДР VI (8 августа 1492 — 18 августа 1503). Родриго Борджиа. Родился в Хативе в 1431 году. Каноник Хативы, глава многочисленных епархий. Кардинал в 1456 году.

ПИЙ III (20 сентября 1503 — 18 октября 1503). Франческо Тодескини, называемый Пикколомини. Родился в Сиене в 1439 году. Архиепископ Сиены. Кардинал в 1460 году.

ЮЛИЙ II (1 ноября 1503 — 21 февраля 1513). Джулиано делла Ровере. Родился в Альбисоле недалеко от Савоны в 1443 году. Глава многочисленных епархий. Кардинал Сан-Пьетро ин Винколи.

ЛЕВ X (11 марта 1513 — декабрь 1521). Джованни де Медичи. Родился во Флоренции в 1475 году. Дьякон. Кардинал в 1489 году. Епископ после избрания на конклаве.

АДРИАН VI (9 февраля 1522 — 18 ноября 1523). Адриан Флоризон. Родился в Утрехте в 1459 году.

КЛИМЕНТ VII (ноябрь 1523 — 25 сентября 1534). Джулио де Медичи. Родился во Флоренции в 1478 году.

КОММЕНТАРИИ

Сокращения

A.S.S.R. — Archivio Storico della Societa romana di Storia Patria.

A.M.S.S. — Atti e Memorie della Societa savonese di Storia Patria.

R.I.S.S. — Rerum Italicarum Scriptorum... йд. Ludovico Antonio Muratori.

Глава I

¹ E. Rodocanachi «Histoire de Rome...», 177

B. Guillemain «La Cour pontificale d'Avignon (1309—1376). Étude d'une société», Paris, 1962.

² G. Mollat «Les Papes d'Avignon (1305—1378)», 10-е йд., Paris, 1964. Y. Renouard «La Papauté d'Avignon», Paris, 1962, «Que sais-je?».

³ E. Barincou «Toutes les lettres officielles et familiares de Machiavel», Paris, 1955. Lettre du 25 septembre 1506.

⁴ J.-R. Palanque et J. Chelini «Petite histoire des grands conciles», Bruges, 1962. J. Gill «The Council of Florence», Cambridge, 1959.

⁵ H. Vast «Le Cardinal Bessarion. Étude sur la Chrétieneté de la Renaissance vers le milieu du XV-e siècle», Paris, 1878.

⁶ E. Rodocanachi «Une cour princière...», t. I, p. 12.

⁷ Там же. С. 45.

⁸ L. Thuasne «Djem Sultan», Paris, 1892. По поводу греческих князей см. также W. Miller «Essays on the Latin Orient Balkans Exiles in Rome», Cambridge, 1921. H. Inalcik «L'impero ottomano e la Santa Sede al tempo dei Della Rovere», in A.M.S.S., vol. XXII, 1986. L. Baletto «Sisto IV e Gem Sultano», там же.

⁹ E. Rodocanachi «Une cour princière...», t. I, p. 278, note 1.

¹⁰ E. Rodocanachi «Une cour princière...», t. II, Jules II, p. 36 et 84.

¹¹ Michel de Montaigne «Journal de Voyage», йд. de M. de Querlon, Paris, 1774, reed. 1959, p. 163—164.

¹² P. des Brandes «Les Facéties du Pogge florentin».

¹³ P. Richard «Origines et développement de la secrétairerie d'État apostolique» in «Revue d'Histoire ecclésiastique», 1910.

¹⁴ E. Rodocanachi «Une cour princière...», t. I, p. 13 et 62.

¹⁵ E. Rodocanachi «Histoire de Rome», p. 320, 328, 330, 394.

¹⁶ Massani et Porfigliotti «I famuli di Sisto IV» in «Archivio psichiatro», 1916.

¹⁷ Издан G. Zippel in «Rerum Italicarum Scriptorum», t. III, partie XVI, 1904—1910.

¹⁸ A. Ferrajoli «Il ruolo della Corte di Leone X?» Rome, 1984. R. Belvederi «Il papato nell'età dei Della Rovere» in A.V.S.S., vol. XXI, 1986.

¹⁹ R. Grégoire «Il Sacro Collegio Cardinalizio dall'elezione di Sisto IV alla morte di Giulio II (1471—1513)» in A.M.S.S vol. XXII, 1986.

Глава II

Обо всех конфликтах с Колонна: E. Rodocanachi «Histoire de Rome...», p. 202, 205, 214—217.

¹ Там же. С. 443—445.

³ E. Rodocanachi «Une coure princière...», p. 67—70.

⁴ Там же. С. 256—257.

⁵ Об этом J. Heers «Les Partis et la Vie politique dans l'Occident medieval», Paris, 1981.

⁶ E. Rodocanachi «Histoire de Rome», p. 346—348.

⁷ Sanudo (Marin dit Le Jeune) «Diarii», éd. Barozzi et Berchet, vol. V, col. 90.

⁸ E. Rodocanachi «Une coure princière...», p. 290.

⁹ Там же. С. 291.

¹⁰ J. Burchard «Liber notarum dal 21 aprile 1483 al 27 fprile 1506» in R.I.S.S., vol. XXIII.

¹¹ E. Rodocanachi «Histoire de Rome», p. 420—421.

¹² Ср. B. Guillemain «La Cour pontificale...» (ср. выше глава I, п. 2).

¹³ E. Rodocanachi «Une coure princière...», p. 82—83.

¹⁴ Там же. С. 134—136. О выборах Александра VI Борджиа: G.B. Picotti «Giovanni de' Medici nel Conclave per l'elezione di Alessandro VI» in A.S.S.R., vol. XLIII, 1920, p. 87—168.

¹⁵ M. Miglio «Sisto IV e Giulio II: pontefici Della Rovere. Il tema della Roma moderna», in A.M.S.S., vol. XXI, 1986. E. Lee «Policy and Culture in the Age of Pope Sixtus IV».

¹⁶ J. Heer «Gênes au XV-e siècle. Activités économiques et Problèmes sociaux», Paris, 1961, p. 215.

¹⁷ E. Rodocanachi «Une coure princière...», p. 138.

¹⁸ E. Rodocanachi «Histoire de Rome», p. 338.

¹⁹ Очень богатая библиография о семье Борджиа: E. La Rochelli «Les Bordgia; Alexandre VI et César Bordgia», Paris, 1861. M. Brion «Le Pape et des Princes (les Bordgia)», Paris, 1953.

²⁰ E. Rodocanachi «Histoire de Rome», p. 363.

E. Breisach «Caterina Sforza: a Renaissance Virago», Chicago Univercity Press, 1967.

²² E. Rodocanachi «Une coure princière...», p. 171.

Глава III

¹ J. Burchard «Liber notarum...» (ср. гл. II, п. 10).

² C. Corvisieri «Il trionfo romano di Eleonora d'Aragon» in A.S.S.R., 1878 et 1887, t. 1, p. 478—479.

³ L. Beltrani «La Guardaroba di Lucrezia Bordgia», Milan, 1903. B. Feliciangelli «Un episodio del Nepotismo Bordgiano. Il matrimonio di Lucrezia Bordgia con Giovanni Sforza», 1901. B. Croce «Versi spagnoli in lode di Lucrezia Bordgia», Naple, 1894.

⁴ M. Miglio «Sisto IV e Giulio II: pontefici Della Rovere. Il tema della Roma Moderna» in A.M.S.S., vol. XXI, 1986.

⁵ J. Heer et G. de Groër «Itinéraire d'Anselme Adorno en Terre Sainte, 1470—1471», Paris, 1978, p. 457—459.

⁶ Там же. С. 461.

⁷ G. Caradente «I trionfi nel primo Rinascimento», Turin, 1963.

⁸ St. Infessura «Diario della citta...», anno, 1478.

G. L. Hersey «The Aragones arch. 1443—1475», New Haven et Londres, 1973.

G. Foggio «L'arte di Andrea Mantegna», reed. Venise, 1959.
G. Paccagnini «Mantegna», Mantoue, 1961.

¹¹ Laurent Le Magnifique «Ambra, Chansons de Carnaval, l'Altercation, lettre à Frédéric d'Aragon», éd. Par A. Chastel, Paris, 1964. P. M. Masson «Chants de carnaval florentins», Paris, 1913. E. Wind «Pagan Mysteries en the Renaissance», Londres, 1958.

¹² Jules Romain «L'Histoire de Scipion; tapisseries et dessins» in «Le petit journal des grandes expositions», éd. Réunion des Musées nationaux, Paris, 1978.

¹³ E. Rodocanachi «Histoire de Rome», p. 340—341.

¹⁴ Ср. глава II, п. 1 et L. Chappini «Eleonora d'Aragon, prima duchessa di Ferrara», Rovigo, 1956.

¹⁵ E. Clani «La venuta di Borso d'Este a Roma» in A.S.S.R., 1890, p. 373.

¹⁶ Челлини Б. Жизнеописание. Гл. LVI, LX.

¹⁷ Там же. Гл. XXIII.

¹⁸ C. Corvisieri «Il trionfo...» (ср. глава III, п. 2) t. II, p. 648—653.

¹⁹ A. d'Ancona «Le origini del Teatro Italiano», Turin, 1891.

²⁰ L. Duchesne «Les Rūgions de Rome au Moyen Age» in «Revue des questions historiques», 1870.

²¹ E. Rodocanachi «Histoire de Rome», p. 441—442.

²² F. Clementi «Il Carnevale romane nelle cronache contemporanee dalle origini al secolo XVII», Citta di Castello, 1939.

²³ M. Boiteux «Les Juifs dans le Carnaval de la Rome moderne. XV—XVIII-e siècle» in «Mélanges de l'École française de Rome, Moyen Age et Temps modernes», 1976. Dérision et deviance: à propos de quelques coutumes romaines» in «Actes du Colloque sur le Charivari», Paris, C.N.R.S., 1977 «Recherches sur les fêtes de printemps à Rome et dans le Latium; Essai sur la culture populaire», Rome, École française de Rome, 1978. N. Coulet «La Place des Juifs dans les cérémonies d'entrées solennelles au Moyen Age» in «Annales, Économies, Sociétés, Civilisations, 1979. P. Veyne «Le Pain et le Cirque; sociologie historique d'un pluralisme politique», Paris, 1976.

²⁴ L. Poliakov «Les Banchieri juifs et le Sant-Siege», Paris, 1891.

²⁵ U. Robert «Les Signes d'infamie au Moyen Age», Paris, 1891.

²⁶ J. Burchard «Liber notarum...» (ср. гл. II, п. 10), 1487.

Глава IV

¹ E. Amadei «Roma turrata», 2-с éd., Rome, 1943.

² J. Heer «Le Clan familial au Moyen Age», Paris, 1974, p. 190—218.

³ G. Gozzadini «Delle Torri Gentilizie di Bologna e delle Famiglie alla quail appartennero», Bologne, 1875, reprint 1965, p. 74, 74, 77. D.M. Federici «Istoria del cavalieri gaudenti», Trévise, 1787, t. I, p. 187—289.

⁴ E. Dupré-Thesider «Roma dal Comun del popolo alla signoria pontificia (1252—1377)», coll. «Storia di Roma», Bologne, 1952, p. 517—649.

⁵ E. Rodocanachi «Une cour princière...», p. 66—94.

⁶ Там же. С. 101—192.

⁷ Там же. С. 133.

⁸ Там же. С. 161—162.

⁹ Corvisieri «Il trionfo...» (ср. гл. III, п. 2).

E. Rodocanachi «Une cour princière...», p. 194. H.F. Delaborde «L'Expedition de Charles VIII en Italie», Paris, 1888.

¹¹ Gianozzo Manetti «Vitae Romanorum Pontificum»

¹² L.B. Alberti «L'Architettura (De re aedificatoria), éd. et trad. (en italien) G. Orlandi, Milan, 1966.

¹³ G. Fiocco «La città ideale di Filarete» in «Studi in Memoria di Gisele Solari», Turin, 1959. R. Klein «L'Urbanisme utopique de Filarete à Valentin Andrae» in «La Forme et l'Intelligible. Écrits sur la Renaissance et l'Art moderne», Paris, 1970, p. 310—326. «Città ideale del Rinascimento urbanistica e società», éd. C. Sciolla, Turin, 1975. M. Romano «L'urbanistica in Italia nel periodo dello sviluppo», Venise, 1980. P. H. Michel «La Pensée de L. A. Alberti», Paris, 1933. L. Firpo «Leonardo architetto e urbanistica», Turin, 1963.

¹⁴ G. Paragno et A. Quondam «La corte e lo spazio: Ferrara Estense», Rome, 1982. F. Bonacera «Forma veteris urbis Ferrariae», Florence, 1965.

¹⁵ L. Schiaparelli «Alcuni documenti dei Magistri aedificiorum urbis (secoli XIII e XIV)» in A.S.S.R., 1902, p. 5—60. E. Re «I maestri di strada», там же, 1920.

¹⁶ I. Insolera «Roma...», p. 28—29.

¹⁷ Там же. C. 41.

¹⁸ Stefano Infessure «Diario della Città...», p. 79, 85. Fr. Albertini «De Mirabilibus novae et veteris urbis Romae», Heilbronn, 1886, p. 80.

¹⁹ E. Rodocanacho «Une cour princière...», p. 168, 179.

²⁰ S. Gnoli «Topografia e Toponomastica di Roma medievale e moderna», Rome, 1969.

²¹ M. Romani «Pellegrini e viaggi nell'economia di Roma; secoli XIV—XVII», Rome, 1948.

²² G. B. Parks «The English Travellers».

U. Gnoli «Alberghi ed osterie in Roma nel Rinascimento», Rome, 1942.

²³ J. Colin «Cyriaque d'Ancône...», p. 86.

²⁵ F. Castagnoli, C. Cecchelli, G. Giovannoni, M. Zocca «Topografia e Urbanistica», coll. «Storia di Roma», t. XXII, Rome, 1958.

²⁶ I. Insolera «Roma», p. 26—29, «L'invenzione del Vaticano». D. Redig de Campos «Il palazzo vaticano», Bologne, 1967 «Studi e Documenti per la Storia del Palazzo Apostolico Vaticano», t. III, Città del Vaticano, 1954.

²⁷ E. Steinmann «Di Sixtinische Kapelle», Munich, 1901—1905.

²⁸ C. D'Onofrio «Castel sant'Angelo e Borgo tra Roma e papato», Rome, 1978.

²⁹ A. Bruschi «Bramante architetto», Bari, 1969.

³⁰ P. Tomei «L'Architettura di Roma nel Quattrocento», Rome, 1942.

³¹ I. Insolera «Roma...», p. 37—43, «La città dei cardinali tra Quattrocento e Cinquecento». P. Partner «Renaissance Rome, 1500—1559», Berkeley, Londres, 1975; «Sisto IV, Giulio II e Roma rinascimentale: la politica sociale di una grande iniziativa urbanistica» in A.M.S.S., vol. XXII, 1986. A. Proia et P. Romano «Roma nel Rinascimento: Parione», Rome, 1936.

³² I. Insolera «Roma...», p. 22, 28.

³³ Там же. C. 29—37. («Il palazzo papale di San Marco (1464—1471)»).

³⁴ Там же. C. 46—50.

⁵⁵ Там же. С. 53—59. L. Salerno, L. Spezzaferro, A. Tafuri «Via Giulia. Una utopia urbanistica del 500», Rome, 1973.

Глава V

J. Colin «Cyriaque d'Ancone...» p. 253. «Dialogus de Curiae Commodis», ed. E. Garin in «Prosatori latini del Quattrocento», Rome, 1955, p. 170.

² J. Colin «Cyriaque d'Ancone...», p. 261.

³ E. Muntz et P. Fabr «La Biblioheque Vaticane au XV-e siecle», Paris, 1887.

⁴ E. Rodocanachi «Histoire de Rome...», p. 267—268.

⁵ J. Ruyschaert «La Fondation de la bibliomeque du Vatican en 1475» in «Studi offerti a Roberto Ridolfi», Florence, 1975.

⁶ E. Motta «Platina e papa Paolo II» in A.S.S.R., 1884.

R. Montel «Un bénéficiere de la basilique Saint-Pierre de Rome: Demetrius Guasselle, «custode» de la bibliothèque Vaticane (1511)» in «Mémoires de l'École française de Rome», t. 85, 1973, p. 421—454. Робер Монтель приводит и два других примера подобного продвижения по социальной лестнице благодаря службе при папском дворе: Томмазо Унгирями, называемый Федра, 1470 г. р., назначенный Юлием II библиотекарем и хранителем архивов замка Сант-Анджело, впоследствии каноник собора святого Петра, — должность, которую он смог передать до своей смерти в 1516 г. своему племяннику Паоло; и Джованни Лоренци, венецианец, известный эллинист, также бывший библиотекарем Ватикана.

⁸ E. Rodocanachi «L'Histoire de Rome...», p. 545—555.

⁹ Renazzi «Storia dell'Universita degli studi di Roma», Rome, 1803.

¹⁰ A. Cortesão «Cartografia e cartografos portugueses dos seculos XV e XVI», 2 vol., Lisbonne, 1935. J. Heer «Cristophe Colomb», Paris, p. 146—154.

¹¹ E. Dupré-Theseider «Enea Silvio Piccolomini umanista», Bologne, 1958.

¹² R. Weiss «Un Umanista veneziano. Papa Paolo II», Venise et Rome, 1958.

¹³ J. Colin «Cyriaque d'Ancone...», p. 226.

¹⁴ Там же. С. 272.

G. Radetti «La religione di Lorenzo Valla» in «Medio Evo e Rinascimento», 1855.

¹⁶ E. Motta (ср. гл. V, п. 6).

A. Graf «Roma nella memoria del Medio Evo», Turin, 1923. C. Cecchelle «Il Campidoglio nel medioevo e nella rinascita» in A.S.S.R., 1944.

¹⁸ E. Rodocanachi «Histoire de Rome...», p. 207.

¹⁹ C. Corvisieri «Il trionfo...» (ср. гл. III, п. 2), который цитирует Sabellico «Commentario epistolario della vita di Pomponio».

²⁰ E. Rodocanachi «Histoire de Rome...», p. 461—469.

²¹ G. Pier Valerianus «De Infelicitate Litteratorum», Rome, 1620, livre II, p. 87, цитируется по E. Rodocanachi «Jules II...», p. 99.

²² Там же. С. 89.

²³ E. Barincou «Toutes les letters...» (ср. глава I, п. 4).

²⁴ A. Renaudet «Érasme et l'Italie», Genève, 1954. J. Cartwright «Isabella d'Este; marchioness of Mantua, 1474—1539», Londres, 1903.

Глава VI

¹ Lanciani «The Destruction of Ancient Rome», Londres, 1901.

G. Lugli «Roma antica; il centro monumentale», Rome, 1946.
F. Coarelli «Guida archeologica di Roma», Milan, 1974.

² Cr. Huelsen «Le chiese di Roma nel Medio Evo», Florence, 1926.

³ G. Marchetti Longhi «Le contrade medievali della zona «in Circo Flaminio». Il «Calcarario» in A.S.S.R., t. XLII, 1919, p. 401—535.

⁴ P. Partner «Sisto IV...» (ср. гл. IV, п. 35) et R. Weiss «Un Umanista...» (ср. гл. V, п. 13).

⁵ E. Müntz «Raphaël», Paris, 1881, p. 603.

⁶ По Ферраре: G. Gruyer «L'Art ferrarais à l'époque des princes d'Este», 2 vol., Paris, 1897. По Мантуе: A. Luzio, R. Renier «Il lusso d'Isabella d'Este marchesa di Mantova» in «Nuova Antologia, LXIII—LXIV, 1896.

⁷ E. Rodocanachi «L'Histoire de Rome...», p. 438.

⁸ E. Rodocanachi «Un courre princière...»

⁹ Челлини Б. Жизнеописание. Гл. XXVII.

¹⁰ Corvisieri «Il trionfo...» (ср. гл. III, п. 2), p. 637

¹¹ E. Rodocanachi «L'Histoire de Rome...», p. 268, 340.

¹² Челлини Б. Жизнеописание. Гл. XXXI.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Гл. XXVIII.

A. Castel «Le Sac de Rome...», p. 266.

¹⁵ A. Cederna «Mirabilia Urbis», Turin, 1965.

¹⁶ Челлини Б. Жизнеописание. Гл. XXXIV, XXXV.

¹⁷ E. Müntz «L'Art a la cour...»

¹⁸ Ср. гл. IV, п. 13, 14.

¹⁹ A. M. Corbo «Artisti e artigiani in Roma al tempo di Martino V e di Eugenio IV», Rome, 1969. G. Zippel «Piero della Francesca a Roma» in «Rassegna d'Arte», VI, n.s., 1919.

²⁰ E. Müntz «L'Art a la cour...»

²¹ E. Rodocanachi «L'Histoire de Rome...», p. 337—338.

²² Челлини Б. Жизнеописание. Гл. XIX.

²³ Там же. Гл. XXV.

²⁴ Ср. гл. VI, п. 6.

²⁵ E. Rodocanachi «Jules II...», p. 52, 76, 149, 153.

²⁶ Anselme Adorno «Itinéraire» (см. гл. III, п. 6), p. 41.

БИБЛИОГРАФИЯ

Тексты, мемуары

Vie de Benvenuto Cellini écrite par lui-même édition et traduction française par M. Beaufreton. 2 vol. Paris, 1965.

Bonincontri Laurentius «Annales», éd. R.I.S.S., I série, vol. XXI, 1732.

Joannes Burchard «Liber notarum ab anno 1483 usque ad annum 1506», éd. Celani, in. R.I.S.S., 2 série, vol. XXXIII, partie I.

«Johannis Burchardi Argentiniensis Protonotarii cappellae pontificiae sacrorum rituum magistri Diarium sive rerum urbanorum commentarium», éd. L. Thuasne, 3 vol., Paris, 1883—1885.

Lapo de Castiglioncho «Dialogus de Curae Commodis», éd. latin et traduction italienne par E. Garin in «Prosatori latini del Quattrocento», coll. «Letteratura italiana», vol. 13, Rome, 1955.

Paolo Dello Mastro «Diario e memorie di deiverse cose accadute in Roma del 1422 al 1484», éd. R.I.S.S., 2 série, vol. XXIV, partie II.

Stefano Infessura «Diaria della Città di Roma», éd. O.Tommasini, Rome, 1890.

«Le Journal d'un habitant français de Rome», éd. L. Madelin in «Mélanges d'archéologie et l'Histoire, t. XXII, 1902.

«Il diario romano di Gaspare Pontani già riferito al notaio del Nantiporto (30 gennaio 1481—25 luglio 1492)», éd. D.Toni, R.I.S.S., 2 série, vol. III, partie II.

«Il diario romano di Antonio di Pietro della Schiavo dal 19 jttobre 1401 al 25 settembre 1417», éd. Fr. Isoldi, R.I.S.S., 2 série, vol. XXIV, partie V.

Adam de Usk «Chronica, 1377—1421», éd. Edw. Marende Thompson, 2 vol., Londres, 1876—1904.

Труды

F. Cognasco «L'Italia nel Rinascimento. Società e Costume», 2 vol., Rome, 1965.

J. Colin «Cyriaque d'Ancône», Paris, 1981.

J. Gnolli «Descriptio urbis. Cencimento della Popolazione di Roma avanti il sacco Borbonico», in A.S.S.R., vol. XVII, 1894, p. 327—520.

F. Gregorovius «Storia della Città di Roma nel Medio Evo (1859—1872), traduction italienne de A. Casalegno, 3 vol., Turin, 1973.

J. Guiraud «L'Église romaine et les origins de la Renaissance», Paris, 1921.

I. Isolera «Roma», coll. «Le città nella Storia d'Italia», Rome-Bari, 2 йд., 1981.

E. Müntz «Les Arts à la cour des papes aux XV et XVI siècles», Paris.

P. Paschini «Roma nel Rinascimento», coll. «Storia di Roma», Bologne, 1940.

S. Pressuyre «Rome au fil des Temps», Paris.

E. Rodocanachi «Histoire de Rome de 1354 à 1471. L'antagonisme entre les Romains et le Saint-Siège», Paris, 1921.

E. Rodocanachi «Histoire de Rome. Une cour princière au Vatican pendant la Renaissance. Sixte IV. Innocente VIII. Alexandre VI Bordgia (1471—1503)», Paris, 1925.

E. Rodocanachi «Histoire de Rome. Le pontificat de Jules II», Paris, 1928.

«Atti del V Convegno storico savonese: L'età dei Della Rovere» in A.M.S.S., vol. XXI et XXII, 1986.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
<i>Глава I. ГОСУДАРСТВО ЦЕРКОВНОЕ И ГОСУДАРСТВО КНЯЖЕСКОЕ</i>	9
Рим на европейской «шахматной доске»	9
Посольства, греки и султан	15
Мир близких	20
Службы и трибуналы	24
Священная коллегия	38
<i>Глава II. В ПОИСКАХ ДИНАСТИИ</i>	41
Город в руках мятежников	41
Взлеты и падения семейства Колонна	43
Конклавы: цели и опасности, таящиеся в них	49
Пути к власти: сторонники и родственники	58
Время племянников: дела Ровере и Борджиа	63
<i>Глава III. ДВОР КАК ОН ЕСТЬ</i>	74
Показная роскошь	74
Уличные праздники и великие литургии	79
Торжества во славу Рима	85
Пиршества и театральные представления	94
<i>Panem et circenses</i>	99
Праздник и образ Церкви	105
<i>Глава IV. РИМ — НОВЫЙ ГОРОД</i>	107
Крепости и беспорядки	107
Против знати	111
Толпа паломников	121
Город пап и собор святого Петра	128
Римские дворцы. Кардиналы и банкиры	138
Перепланировка Рима	143
<i>Глава V. РИМСКИЙ ГУМАНИЗМ</i>	146
Наследство, собственность и ученость	149
Два выдающихся гуманиста: сиенец Пий II и венецианец Павел II	156
Бунтарство поэтов: пасквили и заговоры	160
Светская жизнь и литературные кружки	168
<i>Глава VI. РИМ — МЕСТО ВСТРЕЧИ ЛЮДЕЙ ИСКУССТВА</i>	173
Руины: сохранять или разрушать?	173
Страсть к античному	182
Старый и новый Рим: «Mirabilia»	190
Художники и меценаты	193
Хронология папского правления	211
Комментарии	212
Библиография	218

Эрс Ж.
Э 83 Повседневная жизнь папского двора времен Борджиа и Медичи. 1420—1520 / Пер. с фр. — М.: Молодая гвардия, 2007. — 220[4] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-02964-4

История папского правления в Риме восходит к VIII веку, но лишь в конце XIV—XV веках власть пап приобретает необыкновенную значимость. Вынужденные покинуть Рим в 1307 году и более чем на три четверти века обосноваться во Франции, в Авиньоне, папы возвращаются в Вечный город лишь в 1378 году. Их правление положило начало настоящей политике реставрации: Рим становится подлинной столицей ученого мира, центром литературы, философии и изящных искусств. Французский историк Жак Эрс разворачивает перед читателем широкую и объективную картину жизни папского двора, увлекательно рассказывая о тонкой политической игре и борьбе за власть, о нескончаемых интригах и династических браках, о великолепных празднествах и титаническом труде великих зодчих и художников, словом, обо всем том, что принято называть повседневной жизнью.

**УДК 272(4)“653”
ББК 86.375(4)**

Эрс Жак

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПАПСКОГО ДВОРА
ВРЕМЕН БОРДЖИА И МЕДИЧИ. 1420—1520**

Главный редактор **А. В. Петров**

Редактор **Е. В. Смирнова**

Художественный редактор **А. Ю. Никулин**

Технический редактор **Н. И. Михайлова**

Корректор **Л. М. Логунова**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 28.06.2006. Подписано в печать 03.11.2006. Формат 84x108/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гармон». Усл. печ. л.
11,76+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 64655.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва,
Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsej@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва,
Сушевская ул., 21.

ISBN 978-5-235-02964-4

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

П. Брюле

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ЖЕНЩИН
В КЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ»**

И. Дегтярева

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОГО СПЕЦНАЗА»**

Ш. Казиев

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВОСТОЧНЫХ ГАРЕМОВ»**

С. Ютен

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
АЛХИМИКОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА»**

М. Брион

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВЕНЫ
ВО ВРЕМЕНА МОЦАРТА И ШУБЕРТА»**

Э. Бартон

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ АНГЛИЧАН
В ЭПОХУ ЕЛИЗАВЕТЫ I»**

Телефоны для оптовых покупателей:

499-978-21-59; 495-787-63-75; 495-787-63-64

<http://mg.gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

Повседневная жизнь каждого человека с ее рутинной, однообразным бытом представляется чем-то непреодолимо скучным. Но когда она становится историей, то окутывается романтическим флером, прорастает загадками. И чем дальше от нашего сегодня прошедшая эпоха, тем больше у нее загадок и тем неудержимее в нас стремление разгадывать их.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

В. Шевченко

«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КРЕМЛЯ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТАХ»

А. Шураки

«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЛЮДЕЙ БИБЛИИ»

Р. Мантран

«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СТАМБУЛА В ЭПОХУ
СУЛЕЙМАНА ВЕЛИКОЛЕПНОГО»

Л. Адлер

«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ. XIX—XX ВЕКА»

М. Аникович

«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОХОТНИКОВ НА МАМОНТОВ»

Е. Лаврентьева

«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ДВОРЯНСТВА
ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ»

Телефоны для оптовых покупателей:
499-978-21-59; 495-787-63-75; 495-787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОВОДА

ЖИЗЛ

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».

Телефоны: 499-972-05-41, 495-787-64-77.

<http://mg.gvardiya.ru> book@gvardiya.ru

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Г. Бондаренко
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ КЕЛЬТОВ

С. Охлябинин
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОЙ УСАДЬБЫ
XIX ВЕКА

Р. Мантран
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СТАМБУЛА В ЭПОХУ
СУЛЕЙМАНА
ВЕЛИКОЛЕПНОГО

Л. Фредерик
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЯПОНИИ В ЭПОХУ
МЭЙДЗИ

Н. Борисов
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА

ISBN 978-5-235-02964-4

9 785235 029644 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ